П. АРШИНОВ

ИСТОРИЯ МАХНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ (1918-1921 гг.)

С ПОРТРЕТОМ Н. МАХНО И НАГЛЯДНОЙ КАРТОЙ РАЙОНА И ДВИЖЕНИЯ

Предисловие ВОЛИНА (В. М. ЭЙХЕНБАУМ)

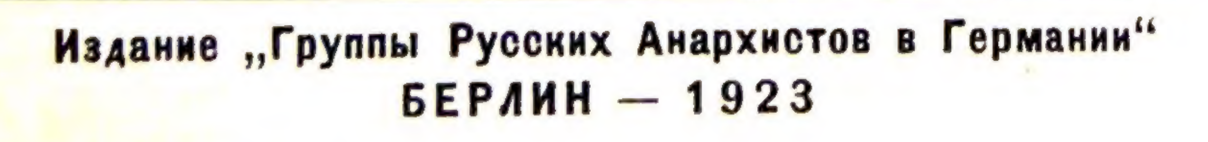
БЕРЛИН
1923

П. АРШИНОВ

ИСТОРИЯ МАХНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ (1918—1921 гг.)

С ПОРТРЕТОМ Н. МАХНО И НАГЛЯДНОЙ КАРТОЙ РАЙОНА И ДВИЖЕНИЯ

Предисловие ВОЛИНА (В. М. ЭЙХЕНБАУМ)

Издание „Группы Русских Анархистов в Германии“
БЕРЛИН — 1923

Просьба к товарищам и организациям — не делать переводов книги на иностранные языки без ведома и согласия автора.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Приступая к этой книге, читателю, прежде всего, важно знать, с какого рода работой он имеет дело: с серьезным ли и добросовестным исследованием — или же с фантастическим и безответственным вымыслом? Может ли он отнестись к автору с доверием — по крайней мере, в области сообщаемых фактов, данных и материалов? Достаточно ли беспристрастен автор, и не искажает ли он истину — в оправдание своей идеи, в вящее посрамление идей противника?

Вопросы далеко не праздные.

К источникам о махновском движении следует подходить с величайшей осмотрительностью. Читатель поймет это, если вдумается в некоторые характерные особенности движения.

С одной стороны, махновщина — явление громадного размаха, величия и значения, развернувшееся с исключительной силой, сыгравшее в судьбах революции колоссальную и чрезвычайно сложную роль, выдержавшее титаническую борьбу со всеми видами реакции и не один раз спасавшее революцию от разгрома, — явление, необычайно богатое яркими, красочными эпизодами и заставившее говорить о нем, интересоваться им не только в России, но и за ее пределами. При этом, махновщина возбудила к себе в самых различных лагерях — и реакционных, и революционных — самые разнообразные чувства: начиная от жгучей ненависти и вражды, переходя к недоумению и, далее, к недоверчивому и подозрительному отношению, и кончая чувством глубочайшей

симпатии и восхищения. Что же касается монополизировавших революцию коммунистической партии и «советской» власти, то с ними махновщина вынуждена была, после долгих перипетий, вступить,—как и с реакцией,—в ожесточенное единоборство, причем нанесла и партии, и власти ряд ощутительных—физических и моральных ударов. Наконец, личность самого Махно, — сложная, яркая и сильная, как и все движение, — также привлекла к себе всеобщее внимание, вызывая в одних — простое любопытство и недоумение, в других — тупое негодование или бессмысленный страх, в третьих — непримиримую ненависть, в четвертых — беззаветную любовь . . .

Естественно, что махновщина побуждает браться за перо не одного «повествователя», толкаемого всякого рода соображениями, ничего общего не имеющими ни с подлинным знанием дела, ни с живым стремлением поделиться этим знанием, беспристрастно изложить и осветить предмет, зафиксировать и предоставить в распоряжение будущего историка точный материал. Одних заставляет хвататься за перо политический расчет — потребность оправдать и укрепить свою позицию, втоптав в грязь и оклеветав враждебное движение и его деятелей. Другие считают своим долгом—просто лишний раз лягнуть недоступное их пониманию, напугавшее или потревожившее их, явление. Третьих поощряют — легенда, создавшаяся вокруг движения, сенсационность темы, острый интерес к ней со стороны «широкой публики», соблазнительная возможность заработать несколькими страницами романа. Четвертых, наконец, разбирает просто журналистский зуд.

Так нагромождаются «материалы», способные внести в представления читателя лишь бесконечную путаницу и отнять у него всякую возможность дойти до правды.*)

---

*) Не говоря о множестве мелких газетных статей, разбросанных по различным органам России и заграницы и обнаруживающих либо недюжинные клеветнические способности, либо невероятную литературную беззастенчивость их авторов, — существуют уже и более или менее крупные ра-

С другой стороны, движение, при всем своем местном размахе, рядом обстоятельств вынуждено было развиваться в атмосфере известной замкнутости и отчужденности.

Будучи чисто низовым движением глубоких народных масс, чуждых всякому стремлению к параду, блеску, господству и славе; возникнув на окраине России, вдали от крупных центров; развертываясь в известном ограниченном районе, в условиях отрезанности не только от всего мира, но даже от других областей России,—движение, в его существенных, глубинных чертах, осталось мало известным за его пределами. Протекая почти все время в невероятно тяжелой и напряженной боевой обстановке; окруженное со всех сторон врагами, почти не

боты, претендующие на известное идейное или историческое значение, но являющиеся, в действительности, или сознательным извращением истины, или просто нелепыми баснями. Укажем, например, на книжку большевика Я. Яковлева — „Русский Анархизм в Великой Русской Революции" (вышла в нескольких — русских и заграничных—изданиях), — книжку, представляющую сплошной поток извращений и прямой лжи. Или отметим большую и весьма претенциозную статью некоего Герасименко в историко-литературном сборнике „Историк и современник" (изд. Ольга Дьякова и Ко., книга III, Берлин 1922, стр. 151, статья „Махно"), — статью, в которой рассказываются такие небылицы, что стыдно становится и за „автора", и за „сборник". — Мы должны также отметить, что и в анархической прессе, в общем и целом подходящей к махновскому движению серьезно, вдумчиво и честно. с совершенно иных сторон и с иными целями, чем все вышеупомянутые „авторы", имеется немало ошибок и неточностей, вызываемых тем обстоятельством, что авторы сами не участвовали в движении непосредственно, не подходили к нему близко и писали о нем исключительно по наслышке — по некоторым печатным материалам, по рассказам и впечатлениям других лиц. [См., напр., брошюру П Руденко — „На Украине (повстанчество и анархическое движение)" — переизданную Рабочей Издат. Группой в Респ. Аргентине, в марте 1922 г., статью из журнала „Вольный Труд", органа Питерской Федерации Анархистских Групп, окт. 1919 г. В статью и в брошюру вкрались грубые погрешности, об'ясняемые тем, что автор не принимал непосредственного участия в повстанческом движении, не переживал конкретно его сложных перипетий].

имея друзей из других — нетрудовых — сфер; беспощадно подавляемое правящей партией и заглушаемое кровавым треском ее государственной деятельности; потеряв добрых 90% своих лучших и активнейших участников; не имея ни времени, ни возможности, ни даже особой потребности фиксировать, накоплять и передавать потомству свои дела, слова и думы, — движение оставило по себе мало живых, непосредственных следов и памятников. Его фактическая сторона проходила незапечатленной. Его документы не распространялись широко и не сохранялись. Поэтому, оно до сих пор в огромной степени скрыто от глаз постороннего, от взора исследователя. До его сущности нелегко добраться. Подобно тому, как остаются навсегда безвестными тысячи скромных отдельных героев революционных эпох, — и махновскому движению грозило остаться в значительной мере безвестной героической эпопеей украинских тружеников. До сего дня вся богатейшая фактическая и документальная стороны этой эпопеи пребывают подспудом. И если бы судьбе не угодно было сохранить в живых нескольких участников движения, основательно знающих его и способных рассказать о нем правду, — оно, действительно, осталось бы нерассказанным . . .

Такое положение вещей ставит серьезного читателя и историка в чрезвычайно трудное положение: в необходимость самому, без всякой помощи, — не только без прямых руководящих данных, но и без малейшего указания на то, где такие данные можно достать, — критически разбираться в исключительно пестрых и противоречивых источниках, работах и материалах.

Вот почему, необходимо помочь читателю сразу же отделить пшеницу от плевел, зерно от шелухи. Вот почему, важно сразу же установить, может ли он пользоваться данной работой, как здоровым и чистым источником. Вот почему, вопрос об авторе и о характере его труда приобретает, в данном случае, столь существенное значение.

Я взял на себя смелость — написать предисловие к книге и осветить в предисловии эти вопросы, так-как волею судьбы принадлежу к тем немногим уцелевшим

участникам махновского движения, которые, в достаточной для того степени, знакомы и с самим движением, и с автором книги, и, наконец, с теми условиями, в которых эта книга создавалась.

* * *

Предварительно позволю себе небольшую оговорку.

Меня могут спросить (и, действительно, часто спрашивают), почему я сам не пишу о махновском движении? По многим соображениям. Остановлюсь на некоторых из них.

К изложению событий, к задаче освещения махновского движения надо подходить во всеоружии сведений, сосредоточенно и строго. Тема эта требует длительной, напряженной и всесторонней работы. А такая работа была для меня до сих пор, по многим причинам, невозможна. Вот почему, прежде всего, я считал необходимым воздержаться пока от этой темы. —

Махновская эпопея слишком серьезна, величественна и трагична, слишком обильно полита кровью ее участников, слишком глубока, сложна и своеобразна, чтобы можно было позволить себе судить и писать о ней «легко», — например, на основании одних только рассказов и противоречивых показаний разных лиц. Излагать ее по документам — тоже не совсем наше дело, так-как сами по себе документы — вещь мертвая, далеко не всегда и не полно отражающая живую жизнь. Писать по документам — дело будущих историков, перед которыми, кроме документов, не окажется уже больше никакого иного материала. Современники должны относиться строже и к делу, и к себе, ибо именно с них история много спросит. Они должны воздерживаться от суждения и повествования о подобных событиях, поскольку не были их непосредственными участниками. И должны не так набрасываться на рассказы и документы с целью «писать историю», как стремиться запечатлеть личный опыт, поскольку они его имели. В противном случае, они рискуют оставить в тени или, — что еще ху-

же, — исказить самую сущность, живую душу событий и ввести читателя и историка в большое заблуждение. Конечно, и их непосредственный опыт может страдать погрешностями и неточностями. Но в данном случае это обстоятельство не имеет значения. Они дадут подлинную, живую картину и сущность событий, вот что — главное. Сопоставив их рассказ с документами и иными данными, легко отбросить второстепенные ошибки. Вот почему, повествование участника и очевидца событий — особенно важно. Чем полнее и глубже был личный опыт, тем более важна и спешна такая работа. Если, к тому же, этот участник сам обладает и документами, и рассказами других участников, то его повествование приобретает перворазрядное значение.

Мне предстоит говорить о махновщине в свое время, в своем месте и в своем освещении. Но я не могу писать полную историю махновского движения—именно потому, что не могу претендовать на полное, подробное и всестороннее знание предмета. Я провел в самом движении около полу-года, — от августа 1919 по январь 1920 г., — то-есть, наблюдал его далеко не на всем его протяжении. С Махно я встретился впервые тогда же, в августе 1919 г. Я совершенно потерял из вида и движение, и Махно, будучи арестован в январе 1920 г., и соприкоснулся еще раз с тем и другим лишь на две недели в ноябре того же года, во время договора Махно с советской властью. С тех пор я снова потерял движение из вида. Таким образом, хотя я многое перевидел, пережил и передумал в этом движении, но мое непосредственное знакомство с ним было неполным.

И вот, на вопрос о том, почему я не пишу о махновщине, я не раз отвечал: — Потому, что имеется сильнейший меня в этом отношении.

Под этим сильнейшим я и разумел автора предлагаемой работы.

Я знал о его постоянной деятельности в движении. В 1919 г. мы работали там вместе. Я знал также, что им тщательно собираются материалы по движению. Знал, что он усиленно пишет его полную историю. Знал, наконец, что книга эта уже написана, и что автор гото-

вится издать ее заграницей. И я считал, что прежде всего другого должна появиться в свет именно эта работа — полная история махновщины, написанная человеком, соединяющим в себе и постоянного участника движения, и обладателя богатой сокровищницей материалов. —

Многие до сих пор искренно убеждены, что Махно — «обыкновенный бандит» и погромщик, увлекший за собой темную и падкую до грабежа, разложенную войной солдатско-крестьянскую массу. Многие по сей день считают Махно «авантюристом», веря злостным и нелепым сказкам о том, что он «открывал фронт» Деникину, «братался» с Петлюрой, «об'единялся» с Врангелем . . . С легкой руки большевиков, многие все еще повторяют клевету, будто Махно «возглавлял контр-революционное кулацкое движение», и будто «анархизм» Махно — лишь наивная выдумка некоторых анархистов, искусно использованная им в своих целях . . . Но Деникин, Петлюра, Врангель, это — лишь яркие военные эпизоды: за них ухватываются и нагромождают горы лжи. Борьба с контр-революционными генералами далеко не исчерпывает махновщину. Сущность же махновского движения, его внутреннее содержание, его органические черты—остаются, вообще говоря, совершенно неизвестными.

Небольшими разрозненными статьями, отрывочными заметками, частичными работами — против такого положения вещей ничего не сделать. В отношении такого крупного и сложного явления, как махновщина, подобные статьи и работы дают слишком мало, не освещают картину в целом и тонут в море печатного слова почти без следа. Для того, чтобы нанести хороший удар всем сказкам и положить начало серьезному интересу и ознакомлению с предметом, — необходимо, в первую очередь, дать о нем более или менее цельную, исчерпывающую работу, после чего можно с пользой перейти к отдельным вопросам, к частностям и деталям.

Именно такой цельной работой является настоящая книга. И ее автор — более, чем кто-либо, был призван

выполнить ее. Можно лишь пожалеть о том, что, в силу ряда неблагоприятных обстоятельств, этот труд выходит в свет с значительным опозданием.*)

* * *

Знаменательно, что быть первым историком махновского движения выпало на долю рабочему. Этот факт — не простая случайность. На протяжении всего своего существования движение и идейно, и организационно обслуживалось теми силами, которые смогла выдвинуть сама рабоче-крестьянская масса. Интеллигентного, теоретически образованного элемента в нем, вообще говоря, не было. Все время оно было предоставлено самому себе. И первого историка, теоретически обосновывающего и освещающего движение, оно выдвигает из своей же среды.

Автор, Петр Андреевич Аршинов, — сын фабричного рабочего г. Екатеринослава, и сам—рабочий, слесарь по профессии, упорным личным трудом добившийся известного образования. В 1904-м году, 17-ти лет, он примыкает к революционному движению. В 1905-м, работая в качестве слесаря, в ж.-д. мастерских г. Кизил-Арвата (Средняя Азия), он вступает в местную организацию партии большевиков. В ней он быстро начинает играть активную роль, став одним из руководителей и редакторов местного нелегального революционного органа рабочих—«Молот». (Этот орган обслуживал всю Средне-Азиатскую жел. дорогу и имел большое значение в революционном движении рабочих дороги). В 1906 г., преследуемый местной полицией, Аршинов покидает Среднюю Азию и переезжает на Украину, в г. Екатеринослав. Здесь он становится анархистом и уже как таковой продолжает вести революционную работу среди екатеринославских рабочих (гл. обр. на заводе Шоду-

*) До его появления, автор,— в целях скорейшего ознакомления иностранных товарищей и рабочих с некоторыми фактами махновщины, — напечатал в заграничных газетах 2 статьи: „Нестор Махно“ и „Махновщина и антисемитизм“.

ара). Причиной перехода его к анархизму послужил минимализм большевиков, который, по убеждению Аршинова, не отвечал подлинным устремлениям рабочих и послужил, совместно с минимализмом остальных политических партий, причиной поражения революции 1905—6 гг. В анархизме Аршинов нашел, по его собственным словам, собирание, запечатление свободно-равенственных стремлений и чаяний трудящихся.

В 1906—7 гг., когда царское правительство охватило всю Россию сетью военно-полевых судов, широкая массовая работа стала совершенно невозможной. Аршинов отдает дань исключительной обстановке и своему боевому темпераменту: раз за разом, он совершает несколько террористических актов.

23 декабря 1906 г. в рабочем поселке Амур, близ Екатеринослава, он с несколькими товарищами взрывает полицейский участок. (При взрыве погибло три казачьих офицера, пристава и стражники из карательного отряда). Благодаря тщательной организации этого акта, ни Аршинов, ни его товарищи не были раскрыты полицией.

7 марта 1907 г. Аршинов стреляет в начальника главных ж.-д. мастерских г. Александровска, Василенко. Вина последнего перед рабочим классом состояла в том, что он отдал под военный суд, за Александровское вооруженное восстание в декабре 1905 г., свыше 100 человек рабочих, из которых многие, на основании показаний Василенко, были осуждены на казнь или на долгосрочную каторгу. Кроме того, и до этого случая, и после него Василенко проявлял себя, как активный и безжалостный угнетатель рабочих. Аршинов по собственной инициативе, но в соответствии с общим настроением рабочих масс, сурово расправился с этим врагом трдящихся, застрелив его, близ мастерских, на глазах многочисленных рабочих. На этом акте Аршинов был схвачен полицией, жестоко избит и через два дня, в порядке военно-полевого суда, приговорен к казни через повешение. Однако, в центре приведение приговора в исполнение приостановили, найдя, что дело Аршинова по

закону должно разбираться не военно-полевым, а военно окружным судом. Эта отсрочка казни дала Аршинову возможность бежать. Побег был совершен из Александровской тюрьмы в ночь на 22 апр. 1907 г., во время пасхальной заутрени, когда заключенных вывели в тюремную церковь. Смелым набегом нескольких товарищей с воли тюремная стража, охранявшая заключенных в церкви, была застигнута врасплох и перебита. Всем заключенным предоставлена была возможность бежать. Вместе с Аршиновым тогда бежало свыше 15 человек.

После этого, Аршинов проводит около 2-х лет заграницей, главным образом во Франции, но в 1909 г. возвращается в Россию, где, в течение 1½ лет, в нелегальных условиях ведет пропагандистскую и организационную работу по анархизму среди рабочих.

В 1910 г. он, переправляя из Австрии в Россию транспорт оружия и анархической литературы, арестовывается на границе австрийскими властями и заключается в тюрьму в гор. Тарнополе. Просидев здесь около года, он, по требованию русского правительства, за совершенные террористические акты, передается русским властям в Москву и приговаривается Московской судебной палатой к 20 годам каторжных работ.

Каторгу Аршинов отбывал в Москве, в Бутырках.

Здесь он впервые (в 1911 г.) встретился с юным Нестором Махно, который был, за террористические же акты, осужден (в 1910 г.) в бессрочную каторгу, и который заочно знал Аршинова еще раньше по работе на юге. Оставаясь все время пребывания в тюрьме в товарищеских отношениях, они оба вышли из заключения в дни революции, в первых числах марта 1917 г.

Махно, по освобождении, уехал для революционной работы на Украину, в родное Гуляй-Поле. Аршинов остался в Москве, приняв энергичное участие в работе Московской Федерации Анархистских Групп.

Когда, после оккупации Украины австро-германцами, Махно летом 1918 г. приехал на время в Москву — посоветоваться с товарищами о положении дел, он жил

вместе с Аршиновым. Здесь они познакомились ближе и горячо обсуждали вопросы революции и анархизма. Уезжая через 3—4 недели обратно на Украину, Махно уговорился с Аршиновым поддерживать постоянную связь. Он обещал не забывать Москву, при случае помогать движению денежно. Говорили о необходимости поставить журнал . . . Слово свое Махно сдержал: он выслал в Москву денег (по независящим обстоятельствам, последние до Аршинова не дошли) и не раз писал Аршинову. В письмах он звал последнего работать на Украину, ждал и сердился, что тот не едет.

Через некоторое время, Махно неожиданно загремел на столбцах газет, как вождь довольно сильного партизанского отряда.

В апреле 1919 г., в самом начале развития махновского движения, Аршинов приезжает в Гуляй-Поле и с этого момента пребывает почти безвыездно в районе махновщины, вплоть до разгрома 1921 г. Здесь он ведет, главным образом, культурно-просветительную и организационную работу: одно время руководит культ.-просв. отделом, редактирует газету повстанцев «Путь к Свободе» и т. д. Отлучается он из района лишь летом 1920 г., в виду разгрома движения. В это время у него пропадает готовившаяся к печати рукопись по истории движения. После отлучки, ему лишь с большим трудом удается вернуться в осажденный со всех сторон (белыми и красными) район, где он затем и остается до начала 1921 г.

В начале 1921 г., — после того, как движение подвергается со стороны советской власти третьему жестокому разгрому, *) — Аршинов уезжает из района с определенным поручением: довести до конца работу по истории махновского движения. Работу эту он ведет

---

*) Во время этого разгрома, в момент нападения кавалерийской дивизии „червонного казачества“, Аршинов — не в первый раз – едва спасся от смерти. На его глазах были зарублены близкие товарищи, не успевшие уклониться от удара казацкой шашки.

и, на этот раз, благополучно заканчивает, в чрезвычайно тяжелых условиях жизни, — частью еще на Украине, частью в Москве.

Таким образом, автор настоящей книги является лицом более, чем кто-либо, компетентным в данной области. Он знал Нестора Махно задолго до описываемых событий и близко наблюдал его на всем их протяжении, в самые различные моменты. Он знал также всех выдающихся участников движения. Он сам был активным участником событий, сам переживал их полное величия и трагизма развитие. Ему более, чем комулибо, была ясна сокровенная сущность махновщины — ее идейные и организационные искания, устремления и чаяния. Он видел титаническую борьбу ее с наседавшими на нее со всех сторон враждебными силами. Как рабочий, он глубоко проникся подлинным духом движения — могучим, освещаемым анархической идеей, стремлением трудовых масс взять свою судьбу и строительство новой жизни на деле в свои руки. Как рабочий интеллигентный, он сумел глубоко продумать существо движения и отчетливо противопоставить это существо идеологии других сил, движений и направлений. Наконец, он тщательно знакомился со всей документальной стороной движения. Он, как никто, мог критически отнестись ко всем рассказам и материалам, мог отделить в движении существенное от неважного, характерное от ничтожного, основное от второстепенного.

Все это дало ему возможность, — несмотря на целый ряд неблагоприятных условий, на неоднократную пропажу рукописи, материалов и документов, — осмыслить и ярко осветить один из своеобразнейших и значительнейших эпизодов русской революции.

* * *

Что сказать о различных отдельных сторонах работы? Нам кажется, что данная книга достаточно говорит сама за себя.

Подчеркнем, прежде всего, что она писалась с исключительной придирчивостью к точности изложения. Ни один сколько-нибудь сомнительный факт не вошел в нее. Наоборот, множество интересных и характерных эпизодов и деталей, имевших место, были опущены автором в целях сжатости.

Опущены были также некоторые моменты, черты или целые события, в виду невозможности подкрепления их точными данными.

Пропажа целого ряда характернейших документов, вообще, сильно отозвалась на работе. Последняя — по счету четвертая—утеря, вместе с рукописью, ценнейших материалов до такой степени угнетала автора, что, по его признанию, он некоторое время колебался начинать работу сызнова. И лишь сознание необходимости дать, хотя и неполный, но цельный очерк махновщины заставило его снова взяться за перо.

Разумеется, дальнейшая работа по истории махновского движения должна быть расширена и пополнена новыми данными. Движение это настолько обширно, глубоко и своеобразно, что еще не так скоро получит свою полную оценку. Настоящая книга является лишь первым серьезным вкладом в дело изучения одного из крупнейших и поучительнейших революционных движений в истории.

* * *

Против некоторых принципиальных положений автора можно спорить. Но они не являются основным элементом книги и потому не развиты до конца. Отметим, что своеобразная оценка автором большевизма, как идущей на смену буржуазии новой господской касты, сознательно стремящейся к экономическому и политическому господству над трудящимися массами, представляет немалый интерес.

* * *

Сущность махновщины выявлена в работе как нельзя более выпукло. При этом, самый термин «махновщина»

приобретает под пером автора чрезвычайно широкий, почти нарицательный смысл. В этот термин автор вкладывает понятие об особом, совершенно своеобразном и самостоятельном революционном и классовом движении трудящихся, постепенно осознающем себя и выходящем на широкую арену исторического действия. Автор считает махновщину одним из первых и замечательнейших проявлений этого нового движения и противопоставляет ее, как таковую, другим силам и движениям в революции. Тем самым подчеркивается случайность термина «махновщина». Движение существовало бы и без Махно, так-как существовали бы те живые силы, живые массы, которые это движение создали и развернули, и которые выдвинули Махно лишь как своего талантливого боевого руководителя. Сущность движения осталась бы та же, хотя название его было бы другим, а его идейная окраска выявилась бы с иной (меньшей или большей) отчетливостью.

Личность и роль самого Махно оттенены в работе весьма ярко.

Отношение движения к различным враждебным силам — к контр-революции, к большевизму — обрисованы исчерпывающе. Страницы, посвященные различным моментам героической борьбы махновщины с этими силами, захватывают и потрясают.

* * *

Чрезвычайно интересный вопрос о взаимоотношениях между махновщиной и анархизмом недостаточно разработан автором. Высказано общее и основное положение, что анархисты в целом, — точнее, анархические «верхи», — остались в стороне от движения: по выражению автора—«проспали» его. Автор об'ясняет это явление, главным образом, тем обстоятельством, что известный слой анархистов в большой степени заражен «партийностью» — пагубным стремлением р у к о в о д и т ь массами, их организациями и движениями. Отсюда—непонимание этими анархистами д е й с т в и т е л ь н о с а м о с т о я т е л ь н ы х массовых движений, воз-

никающих помимо их и требующих от них лишь искренней и самоотверженной идейной помощи. Отсюда же — их предубежденное и пренебрежительное, по существу, отношение к таким движениям. — Но такого утверждения и об'яснения недостаточно. Следовало бы расширить и углубить эту тему. Среди анархистов имелось к махновщине троякого рода отношение: во-первых—определенно скептическое, во-вторых — среднее, и в-третьих — определенно положительное. Автор принадлежит, несомненно, к этому последнему течению. Но его позиция может быть оспариваема, и ему следовало бы, поэтому, развить вопрос более основательно. Правда, данная тема не относится к существу его книги. И, с другой стороны, изложенные им на протяжении этой книги факты в значительной степени сами по себе подкрепляют его положение . . . Надо надеяться, что поднятый им вопрос получит на страницах анархической печати дальнейшую разработку, и что всестороннее обсуждение его приведет к ценным для анархического движения выводам.

* * *

Нечего и говорить о том, что все сказки о бандитизме, об анти-семитизме и других, яко-бы присущих махновскому движению, темных явлениях должны, с появлением этой книги, сойти на нет.

Если махновщина, — как и всякое дело рук человеческих, — имела свои тени, свои ошибки, свои уклоны, свои отрицательные стороны, то они, по свидетельству автора, были, сравнительно с великой положительной сущностью движения, настолько мелки, ничтожны, что о них странно было бы особо говорить. При малейшей возможности свободного творческого развития движения, они были бы, без всякого затруднения, изжиты.

* * *

В работе достаточно ярко оттенено, с какой простотой и легкостью, с какой естественностью движение перешагнуло через ряд предрассудков — национальных,

религиозных и иных. Этот факт чрезвычайно характерен: он лишний раз показывает, на какие достижения, — и как легко, — способны одушевленные решительным революционным сдвигом трудовые массы, если они, действительно, сами творят свою революцию, если им предоставлена подлинная и полная свобода исканий, свобода действий. Пути их неограничены, — если только сознательно не загораживать эти пути.

* * *

Но самым крупным и важным в настоящей работе мы признаем следующее:

1) В противовес многим, считавшим и до сих пор еще считающим махновщину лишь своеобразным военным эпизодом— удалой партизанщиной, несущей в себе все минусы, всё созидательное бесплодие военщины (а многие строили именно на этом обстоятельстве свое отрицательное отношение к махновскому движению), — автор неопровержимыми данными показывает всю ошибочность такого мнения. Точно, с фактами в руках, развертывает он перед нами картину свободного, глубоко-идейного, — хотя и очень краткого, — творческого и организационного движения широких трудовых масс, формирующих свою, тесно спаянную с ними, военную силу лишь в целях необходимой обороны своей революции и своей свободы. Этим разбит очень распространенный предрассудок в отношении махновщины.

Характерно, что в серьезный упрек махновщине автор ставит, как-раз, некоторое пренебрежение военно-стратегической стороной дела. В главе об ошибках махновцев он выражает уверенность в том, что, если бы последние во-время организовали серьезную охрану возможно более широких границ района, — вся революция на Украине, а затем и вообще, могла бы развернуться совершенно иначе. Если автор прав, то, в этом отношении, судьбу махновщины можно сблизить с судьбой других революционных движений прошлого, в

которых военные промахи также сыграли роковую роль. Во всяком случае, мы обращаем сугубое внимание читателя на этот пункт, дающий повод к очень полезным размышлениям.

2) Ярко оттенена полная самостоятельность движения: сознательно и энергично отстаиваемая независимость его от каких бы то ни было навязывающих себя извне сил.

3) Определенно и точно установлено отношение большевизма и советской власти к явлению махновщины. Нанесен сокрушительный удар всем выдумкам и оправданиям большевиков. Вскрыты до полной наготы все их преступные махинации, вся их ложь, вся их контр-революционная сущность. Хотелось бы поставить эпиграфом к соответствующей части книги слова, сорвавшиеся когда-то у начальника секретно-оперативного отдела В. Ч. К., Самсонова (в тюрьме, при вызове меня «следователем» к допросу). На мое замечание о том, что поступок большевиков по отношению к Махно в момент договора с ним является поступком предательским, — Самсонов живо возразил: «Вы считаете это предательством? А по нашему, это показывает лишь, что мы — умелые государственные политики: когда Махно был нам нужен, — мы сумели его использовать; а когда он стал ненужен, — мы сумели его ликвидировать».

4) Многие искренние революционеры считают анархизм идеалистической фантазией и оправдывают большевизм, как единственно возможную, неизбежную и необходимую в развитии мировой социальной революции реальность, закрепляющую известный этап этой революции. Отрицательные стороны большевизма представляются, таким образом, несущественными и находят себе историческое оправдание.

Настоящая книга наносит этому взгляду смертельный удар. Она наглядно устанавливает два кардинальных пункта: 1) анархические устремления выявились в русской революции, — поскольку последняя стала подлинной самостоятельной ре-

волюцией трудовых масс, — не как «вредная утопия фантазеров», но как реальнейшее, конкретное революционное движение этих масс; 2) как таковое, оно было сознательно, жестоко и подло подавлено большевизмом.

Изложенные в этой книге факты ясно показывают, что «реальность» большевизма — по существу, та же, что реальность царизма. Эти факты конкретно и ярко подтверждают и противопоставляют этой «реальности» глубокую верность и реальность анархизма, как единственной подлинно-революционной идеологии труда, и снимают с большевизма всякую тень исторического оправдания.

5) Книга дает богатый материал для переоценки анархистами многих своих ценностей. Она наталкивает на некоторые новые вопросы; она развертывает ряд фактов, способствующих более отчетливому решению кой-каких не новых вопросов; она, наконец, подтверждает некоторые, основательно забытые истины, которые очень полезно еще и еще раз пересмотреть и передумать.

* * *

Еще одно замечание.

Хотя данная книга написана анархистом, но интерес и значение ее, несомненно, выходят далеко за пределы того или иного определенного круга читателей.

Для многих она явится полным и неожиданным откровением. Многим она откроет глаза на совершающиеся кругом события. Многим осветит эти события новым светом.

Не только всякий грамотный рабочий или крестьянин, не только всякий революционер, но и каждый мыслящий и интересующийся окружающим человек должен внимательно прочесть эту книгу, должен продумать вытекающие из нее выводы и отдать себе ясный отчет в том, чему она учит.

Теперь, когда жизнь чревата событиями, и мир насыщен борьбой; теперь, когда революция стучится в каждые двери, готовая так или иначе увлечь в свой вихрь каждого смертного; теперь, когда во всю ширь развертывается великая тяжба—не только между трудом и капиталом, между миром отжившим и миром нарождающимся, но и между приверженцами различных путей борьбы и строительства; теперь, когда большевизм громыхает по земле, требуя крови за свое предательство революции, насилием, обманом и подкупом вербуя себе сторонников; когда Махно, тоскуя в Варшавской тюрьме, может быть утешен только тем, что идеи, за которые он боролся, не умирают, но ширятся и растут, — теперь каждая книга, освещающая пути революционной борьбы, должна быть настольной книгой в каждом доме.

Анархизм — не привиллегия избранных, а глубокое и широкое учение и мировоззрение, с которым в наши дни должен быть знаком всякий.

Пусть читатель не станет анархистом. Но пусть не случится с ним того, что случилось с одним стариком-профессором, попавшим случайно на анархическую лекцию. Взволнованный до слез, он говорил, после лекции, собравшимся вокруг него слушателями: «Вот я, профессор, дожил до седых волос, и до сих пор ничего не знал об этом замечательном, прекрасном учении . . . И мне — стыдно . . .»

Пусть читатель никогда не будет анархистом: быть анархистом — не обязательно. Но з н а т ь анархизм — надо.

В о л и н.

М а й 1923 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Махновщина — колоссальное явление русской действительности. По глубине и разнообразию идей она превосходит все известные нам самобытные движения трудящихся. Фактический материал у нее огромный. Но в условиях теперешней — коммунистической — действительности нечего и думать собрать весь материал для освещения движения. Это — дело последующих лет.

Работа по истории махновского движения предпринималась мною четыре раза. Для этого тщательно собирался весь материал, относящийся к движению. Но все четыре раза работа, доведенная до средины, пропадала вместе с материалом. Дважды она пропала на фронте, в боевой обстановке, а два раза — на квартирах во время обысков. Особенно ценный материал пропал в январе 1921 г. в г. Харькове. В нем было собрано все, что имелось на фронте, в махновском лагере и в личных архивах Махно: записки Махно, содержавшие большой фактический материал, большинство изданий и документов движения, комплект газеты «Путь к Свободе», подробные биографические данные ответственных участников движения. Собрать в близкое время хотя бы часть пропавшего не представлялось возможным. Поэтому настоящая работа велась при отсутствии многих, крайне необходимых материалов. С другой стороны, она производилась первое время в обстановке боев, а после — в очень неблагоприятных полицейских условиях русской действительности, когда ее приходилось писать так, как в царской каторге заключенные

писали записки друг другу, т.-е. где-нибудь в углу или спрятавшись за стол, с вечной опаской, как бы не накрыло начальство.

Естественно, поэтому, работа носит спешный характер, имеет много пробелов. Окружающая действительность требует, однако, чтобы работа по истории движения была выпущена хотя бы и в таком неполном виде. Следовательно, она не является исчерпывающей, а лишь начальной и будет иметь дальнейшую разработку и продолжение. Но для этого необходимо собирание материалов, относящихся к движению. Просьба ко всем товарищам, имеющим что-либо из этого материала, передать его автору.

* * *

В этом предисловии я желаю сказать несколько слов заграничным товарищам-рабочим. Многие из них, приезжая в Россию на те или иные конгрессы, видят русскую действительность из казенных рук. Они обходят заводы Петрограда, Москвы и других городов и знакомятся с положением в них на основании данных правительственной партии или родственных ей политических групп. Такое знакомство с русской действительностью не имеет ценности. Приезжающим гостям всегда показывают жизнь, далекую от действительности. Возьмем следующий пример. В 1912 или 1913 году один амстердамский ученый (кажется, Израель Ван-Кан) приехал в Россию для ознакомления с русской тюрьмой и каторгой. Царское правительство предоставило ему возможность осмотреть тюрьмы Петрограда, Москвы и иных городов. Профессор ходил по камерам, знакомился с положением заключенных, разговаривал с ними. Несмотря на это и на то, что он вступил в нелегальную связь с некоторыми политическими каторжанами (Минор и др.), в русской тюрьме он в общем не увидел больше того, что ему желало показать само тюремное начальство; и то, что было специфическим в русской каторге, осталось для него неизвестным. Вот в положение

такого Израеля Ван-Кана попадают все заграничные товарищи-рабочие, приезжающие в Россию и думающие в короткий срок, на основании данных правительственной партии или соперничающих с ней политических деятелей, познакомиться с русской жизнью. Они неизбежно будут впадать в тяжелые ошибки.

Чтобы прощупать русскую действительность, необходимо пойти или в деревню в качестве простого работника-земледельца, или на фабрику — в качестве рабочего, получать экономический и политический паек, выдаваемый коммунистической властью народу, требовать священных прав труда, а когда их не дают, — бороться за них, и бороться революционно, ибо революция есть высшее право труда; и лишь тогда подлинная, а не показная русская действительность заглянет такому смельчаку прямо в лицо. И тогда для него не покажется неожиданной история, рассказанная в этой книге. Он с ужасом и потрясением увидит, что в России сейчас, как и везде, распинается великая правда трудящихся, и ему понятен будет героизм махновского движения, защищающего эту правду.

Мне думается, что всякий вдумчивый пролетарий, заботящийся о судьбах своего класса, согласится, что только так и следует знакомиться с русской — и со всякой иной — жизнью. Все же то, что до сих пор, обыкновенно, практиковалось в России в целях изучения ее действительности заграничными делегациями,—вздор, самообман, заграничный пикник, пустая трата времени.

Москва, апрель 1921 г.

P. S. — Считаю приятным товарищеским долгом, от себя и от остальных участников движения, высказать благодарность всем организациям и товарищам, помогшим или стремившимся помочь делу издания книги: федерации анархо-коммунистических групп Северной Америки, итальянским и болгарским товарищам.

Май 1923 г.

Глава первая.

ДЕМОКРАТИЯ И ТРУДОВЫЕ МАССЫ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Мы не знаем ни одной революции в мировой истории, когда-бы её — революцию — вел в своих интересах сам трудовой народ, т.-е. городские рабочие и бедное, не эксплуатирующее чужого труда, крестьянство. Несмотря на то, что во всех крупных революциях главною силою были рабочие и крестьяне, приносившие неисчислимые жертвы во имя торжества их, — руководителями, идеологами и организаторами форм и целей революции неизменно бывали не рабочие и крестьяне, а сторонний, чуждый им элемент, обыкновенно элемент средний, колеблющийся между господствующим классом отмирающей эпохи и пролетариатом города и деревни.

Этот элемент всегда зарождался и выростал на почве распада старого строя, старой системы государственности, производимого постоянным движением к свободе порабощенных масс. Благодаря своим классовым особенностям, своим претензиям на власть в государстве, он в отношении отмирающего политического режима занимал революционную позицию, легко становился вождем порабощенного труда, вождем революционных движений масс. Но, организуя революцию, ведя ее под флагом кровных интересов рабочих и крестьян, этот элемент всегда преследовал свои узко-групповые или сословные интересы, и всю революцию стремился ис-

пользовать в целях утверждения своего господского положения в стране. Так было во время английской революции. Так было во время великой французской революции. Так было во французской и германской революциях 1848 года. Так было в целом ряде иных революций, когда пролетариат города и деревни, борясь за свободу, истекал кровью, а плодами его жертв и усилий распоряжались вожди, политики разных названий, разрабатывавшие за спиной народа задачи и цели революции применительно к интересам своих групп.

Во время великой французской революции трудящиеся принесли колоссальные усилия и жертвы во имя ее торжества. Но разве политические деятели этой революции были сынами пролетариата и боролись за его идеи — равенство и свободу? Ничуть не бывало. Дантон, Робеспьер, Камилл Дэмулен и ряд других владык революции были кровными представителями тогдашней либеральной буржуазии. Они боролись за определенный буржуазный тип общественных отношений, ничего общего не имевших с революционными идеями равенства и свободы народных масс Франции 18-го века. А ведь они считались и до сих пор считаются общепризнанными вождями всей великой революции. И разве после французской революции 1848 года рабочий класс, отдавший революции три месяца героических усилий, нужды, лишений и жертв, получил «социальную республику», как обещали ему руководители революции? От них он получил социальное порабощение и массовое избиение, расстрел 50-ти тысяч рабочих Парижа, когда последние попытались восстать против обманувших их руководителей.

Рабочим и крестьянам во всех прошлых революциях удавалось лишь *наметить* свои основные устремления, создать лишь свое *течение,* которое всегда извращалось и затем ликвидировалось более умными, более хитрыми, более знающими «вождями» революции. Самое большее, чего трудящиеся достигали в этих революциях, — это незначительной кости, в форме ли права на собрания, союзы, печать, или — в форме права избирать себе правительство; да и то, этой кости хватало на очень корот-

кое время, пока новая власть не закреплялась вполне. После этого жизнь масс направлялась в русло прежнего бесправия, эксплуатации, обмана.

Лишь в таких *низовых* движениях масс, как бунт Разина, или как революционные повстания крестьян и рабочих наших лет, народ бывал хозяином движения, давая ему свою форму и содержание. Но эти движения, встречаемые обыкновенно хулой и проклятиями всего «мыслящего» человечества, еще никогда не побеждали, и они по своему содержанию и форме резко отличаются от революций, руководимых политическими группами или партиями.

Наша русская революция является, несомненно, пока-что политической революцией, осуществляющей силами народа не народные интересы. Основным фактом этой революции, на фоне величайших жертв, страданий и революционных усилий рабочих и крестьян, является захват политической власти промежуточной группой, так-называемой социалистической революционной интеллигенцией — социалистической демократией.

О социалистической интеллигенции — русской и международной — писали много. Обыкновенно ее хвалили, называя носительницей высших человеческих идеалов, поборницей вечной правды. Реже ее бранили. Но всё, написанное о ней, — и хорошее и худое, — имеет один существенный недостаток: тот именно, что она сама себя определяла, сама себя хвалила или бранила. Для независимого ума рабочих и крестьян это совершенно неубедительно и не может иметь никакого значения в отношениях между нею и народом. Последний в этих отношениях будет считаться только с фактами. Реальным, неопровержимым фактом в жизни социалистической интеллигенции является тот, что она всегда пользовалась привиллегированным социальным положением. Живя в привиллегиях, интеллигенция стала привиллегированной не только социально, но и психологически. Все ее духовные устремления, — то, что называется «общественным идеалом», — неизбежно несут в себе дух сословных привиллегий. Мы находим его на протяжении всего общественного развития интелли-

генции. Если мы возьмем эпоху декабристов, как начало революционного движения интеллигенции, то, переходя последовательно через все этапы этого движения — народничество, народовольчество, марксизм и вообще социализм во всех его разветвлениях, — мы всюду находим этот ярко выраженный дух сословных привиллегий.

Как бы ни был высок общественный идеал по своей внешности, но раз он несет в себе привиллегии, за которые народ должен будет платить своим трудом и своими правами, он не есть уже полная правда. А общественный идеал, не представляющий народу полную правду, является ложью для него. Вот именно *такой* ложью является для народа вся идеология социалистической интеллигенции и она сама. Этот факт предопределяет *всё* во взаимоотношениях народа и интеллигенции. Народ никогда не забудет и не простит того, что, за счет его подневольного труда и бесправия, известная общественная группа устраивала себе социальные привиллегии и старалась эти привиллегии перенести для себя в общество будущего.

Народ — одно, а демократия и ее социалистическая идеология — другое, исподволь и лукаво подходящее к народу. Конечно, отдельные героические натуры, подобно Софье Перовской, стояли выше низменных привиллегий, присущих социализму, но потому только, что представляли собою явление не классово-демократическое, а психологическое или этическое. Они — цветы жизни, украшение рода человеческого. Загоревшись страстью правды, они целиком шли на служение народу и своим красивым существованием еще более оттеняли фальшивый характер социалистической идеологии. Народ никогда не забудет их и вечно будет носить в своем сердце великую любовь к ним.

Смутные политические искания русской интеллигенции 1825 года сложились через полстолетие в законченную социалистическую государственную систему, а она сама—в отчетливую общественно-экономическую группу: социалистическую демократию. Отношения между нею и народом определились окончательно: народ идет

к гражданскому и хозяйственному самоуправлению; демократия стремится к власти над ним. Связь между ними может держаться лишь путем хитрости, обмана и насилия, но никоим образом не естественно, в силу общности интересов. Они — враждебны друг другу.

Сама государственная идея, идея принудительного управления массами всегда была достоянием тех индивидов, в которых чувство равенства отсутствует и господствует инстинкт эгоизма; для которых человеческая масса — сырой материал, лишенный воли, инициативы и сознания, неспособный к актам общественного самоуправления.

Всегда эта идея была достоянием господских привиллегированных групп, стоящих вне трудового народа, — патриарших сословий, военной касты, дворянства, духовенства, торговой и промышленной буржуазии и т. д.

Не случайностью является то, что современный социализм оказался ревнивым служителем этой идеи: он есть идеология новой господской касты. Если мы присмотримся внимательно к носителям и проповедникам государственного социализма, то увидим, что каждый из них преисполнен централистических устремлений, каждый из них смотрит на себя, прежде всего, как на центр, управляющий и повелевающий массами. Эта психологическая черта государственного социализма и его носителей есть прямое продолжение психологии прежних, уже вымерших или вымирающих господских групп.

Вторым основным фактом нашей революции является тот, что рабочие и трудовое крестьянство остаются в прежнем положении «рабочих классов», — производителей, управляемых свыше властью.

Всё теперешнее так-называемое социалистическое строительство, производимое в России, весь государственный аппарат управления страною, создание новых социально-политических отношений — все это, прежде всего, является ничем иным, как сооружением нового классового господства над производителями, установлением новой социалистической власти над ними. План этого строительства и этого господства в те-

чение десятков лет разрабатывался и подготовлялся вождями социалистической демократии и до русской революции был известен под названием коллективизма. Сейчас он называется советской системой.

Он впервые проводится в жизнь на почве революционного движения рабочих и крестьян России. Это — первая попытка социалистической демократии утвердить свое государственное господство в стране силою революции. Как первая попытка, предпринятая притом лишь частью демократии, — правда, наиболее активной, наиболее инициативной и наиболее революционной ее частью, ее левым коммунистическим флангом, — этот опыт своей неожиданностью для широкой демократической массы, своими резкими формами расколол первое время самую демократию на несколько враждующих между собою групп. Некоторые из этих групп (меньшевики, эсеры и проч.) считали преждевременным и рискованным введение в настоящее время коммунизма в России. Они продолжали надеяться достичь государственного господства в стране так-называемым законным парламентским путем: получением большинства мест в парламенте посредством подачи за них голосов рабочими и крестьянами. На почве этого расхождения они вступили в спор со своими собратьями слева — коммунистами. Но спор этот является временным, случайным и не серьезным. Он порожден недоразумением, непониманием широкой, более робкой частью демократии смысла политического переворота, совершаемого большевиками. Как только последняя увидит, что коммунистическая система не только не несет ей ничего плохого, но, наоборот, открывает ей прекрасные места в новом государстве, — все споры между отдельными враждующими группами демократии отпадут сами собой, и последняя целиком пойдет под руководством единой коммунистической партии.

И уже сейчас мы замечаем некоторое «просветление» демократии в этом смысле. Целый ряд групп и партий, у нас и заграницей, примыкают к «советской платформе». Огромные политические партии разных стран, на-днях бывшие воротилами во II-м интернацио-

нале и враждовавшие оттуда с большевизмом, собираются теперь в лоно коммунистического интернационала и подходят к рабочему классу с коммунистическим знаменем, с «диктатурой пролетариата» на устах.

Но, подобно предыдущим великим революциям, в которых боролись рабочие и крестьяне, и наша революция запечатлела ряд самобытных устремлений трудящихся в их борьбе за свободу и равенство, неметила основные течения их в революции. Одним из таких течений, наиболее мощным и ярким, является *махновщина*. В продолжение трех лет она героически пробивала путь в революции, которым бы трудящиеся России подошли к цели своих вековых устремлений — свободе и независимости. Несмотря на ожесточеннейшие попытки коммунистической власти задушить это течение, извратить и опоганить его, оно продолжало расти, жить и развиваться, борясь на нескольких фронтах гражданской войны, нанося подчас серьезные удары своим врагам и подымая надежды на революцию у рабочих и крестьян Великороссии, Сибири и Кавказа. Факт успешного развития махновщины об'ясняется тем, что часть русских рабочих и крестьян была в некоторой степени знакома с историей революций других народов и с революционными движениями своих праотцев, могла опереться на их опыт. Кроме того, трудящиеся выдвинули из своей среды лиц, сумевших отыскать, формулировать и остановить внимание масс на наиболее существенных и основных сторонах их революционного движения, противопоставить эти стороны политическим достижениям демократии и с достоинством, упорством и талантливостью защищать их.

Прежде, чем перейти непосредственно к истории махновского движения, необходимо отметить следующее. Русскую революцию часто называют «октябрской». При этом смешивают два отдельных явления: те лозунги, под которыми масса совершала переворот, и результаты этого переворота.

Октябрское движение масс 1917 года шло под лозунгами: «Фабрики рабочим! Земля крестьянам!» В этом коротком, но глубоком по своему смыслу лозунге содер-

жалась вся социально-революционная программа масс: низвержение капитализма, наемного труда, государственного порабощения, и организация новой жизни на началах самоуправления производителей. На самом деле, эту программу октябрский переворот в жизнь не воплотил. Капитализм не разрушен, а реформирован. Наемный труд и эксплуатация производителей остались в прежней силе. А новый государственный аппарат сдавил волю трудящихся не меньше, чем ее давило государство помещиков и частных капиталистов. Таким образом, русскую революцию можно назвать «октябрской» в определенном узком смысле — в смысле осуществления в ней целей и задач коммунистической партии.

Октябрский переворот является лишь этапом в общем ходе русской революции, подобно тому, как февраль-март 1917 года были тоже не более, как этапом нашей революции. Революционными силами октябрского движения воспользовалась коммунистическая партия в своих планах и целях. Но всей нашей революции этот акт не представляет. Общее русло ее вмещает целый ряд других течений, не останавливающихся на октябре, а идуших дальше, к осуществлению исторических задач рабочих и крестьян — их трудового, равенственного безгосударственного общежития. И теперешний длительный и затвердевший уже октябрь несомненно должен дать место следующему народному этапу революции. В противном случае революция, как и все предыдущие, окажется лишь сменой власти.

Глава вторая.

ОКТЯБРСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В ВЕЛИКОРОССИИ И НА УКРАИНЕ.

Для уяснения хода русской революции, необходимо остановиться на пропаганде и развитии революционных идей среди рабочих и крестьян в период времени от 1900 до 1917 г. и на значении октябрского переворота в Великороссии и на Украине.

Начиная с 1900—5 гг., революционная пропаганда среди рабочих и крестьян велась представителями двух основных учений: государственного социализма и анархизма. При этом, государственный социализм проповедывался несколькими прекрасно организованными демократическими партиями — большевиками, меньшевиками, социалистами - революционерами и рядом родственных им политических течений. Анархизм располагал немногими малочисленными группами, притом недостаточно ясно представлявшими себе свои задачи в революции. Поле политической проповеди и политического воспитания целиком почти завоевала демократия. В духе своих политических программ и идеалов она воспитывала массы. Завоевание демократической республики было очередной задачей ее; политическая революция — средством осуществления этой задачи.

Анархизм, наоборот, отвергал демократию, как одну из форм государственности, отвергал политическую революцию, ка средство ее утверждения. Задачей дня рабочих и крестьян он считал лишь социальную револю-

цию и к ней звал массы. Это было единственное учение, проповедывавшее полное разрушение капитализма во имя свободного безгосударственного общества трудящихся. Но, располагая крайне малым числом работников и не имея в то же время конкретной программы завтрашнего дня, анархизм не смог широко распространиться и укрепиться в масах, как определенная социально-политическая теория их. Тем не менее, благодаря тому, что он подходил к самым важным сторонам жизни порабощенных масс, никогда не лицемерил с ними, учил их борьбе за непосредственное свое дело и уменью умирать за него, — благодаря этому, он в самой гуще трудящихся создал галерею борцов и мучеников за социальную революцию, а идеи его выдержали испытание многолетней царской реакции и сохранились в душе отдельных городских и деревенских тружеников, как их социально-политический идеал.

Социализм, будучи кровным детищем демократии, всегда располагал огромными интеллектуальными силами. Студенчество, профессора, врачи, адвокаты, журналисты и т. д. были или патентованными марксистами или в громадной степени сочувствующими марксизму. Благодаря своим многочисленным силам, искушенным в политике, социализму всегда удавалось держать при себе значительную часть рабочих, хотя он и звал их на борьбу за непонятные и подозрительные идеалы демократии.

Всё-таки, в момент революции 1917 г., классовый интерес и классовый инстинкт воспреобладали и повлекли рабочих и крестьян к непосредственно их целям — на завоевание земли, фабрик, заводов.

Когда этот уклон обозначился в массах, — а он обозначился еще задолго до революции 1917 года, — часть марксистов, именно левое крыло их — большевики, быстро покинули свою открытую буржуазно-демократическую позицию, выбросили лозунги применительно к требованиям трудящихся и пошли в дни революции за бунтующей массой, стремясь овладеть ее движением. И опять-таки, благодаря значительным интеллигентным силам, составлявшим ряды большевизма, а также соци-

алистическим лозунгам, подкупавшим массы, им это удалось.

Мы уже указали выше, что октябрский переворот совершался под двумя могучими лозунгами: «Фабрики рабочим! Земля крестьянам!» Трудящиеся вкладывали в эти лозунги простой смысл, без коментариев, — т.-е., всё фабрично-заводское хозяйство страны революция должна передать непосредственному управлению рабочих, землю и земельное хозяйство — крестьянам. Дух справедливости и самодеятельности, вложенный в эти лозунги, настолько захватил массы, что значительная, наиболее активная часть их готова была на другой день переворота начать строительство жизни на основе этих лозунгов. В ряде городов профессиональные союзы и фабрично-заводские комитеты приступили к перенятию предприятий и товаров в свое ведение, к удалению предпринимателей, к самостоятельному проведению тарифов и т. д. Но все эти шаги встретили железное противодействие со стороны, ставшей уже государственной, коммунистической партии.

Последняя, идя плечо о плечо с революционной массой, подхватывая крайние, нередко анархические лозунги ее, резко изменила свою деятельность, как только коалиционное правительство было низвергнуто и власть перешла к ней. Отныне для нее революция, как массовое движение трудящихся под лозунгами октября, закончилась. Основной враг трудящихся — промышленная и земельная буржуазия — разбит. Период разрушения, преодоления сил капиталистического режима закончился; начался период коммунистического строительства, возведения пролетарского здания. Поэтому революция может итти теперь только через органы государства. Продление же прежнего состояния страны, когда рабочие продолжают командовать с улицы, с фабрик и заводов, а крестьяне совсем не видят новой власти, пытаясь наладить свою жизнь независимо от нее, носит в себе опасные последствия, может дезорганизовать государственную роль партии. Этому всему должен быть положен конец всеми возможными средствами вплоть до государственного насилия.

Таков был поворот в деятельности коммунистической партии, как только она стала у власти.

Начиная с этого момента она упорно стала противодействовать всяким массовым социалистическим начинаниям рабочих и крестьян. Конечно, этот поворот в революции и этот бюрократический план ее дальнейшего развития были слишком наглым шагом партии, обязанной своим положением только трудящимся. Во всем этом было много самозванства. Но такова была логика положения, занимаемого в революции коммунистической партией, что иначе она поступить не могла. Впрочем, так поступила бы всякая политическая партия, ищущая в революции диктатуры и господства в стране. До октября революцией пытался командовать правый фланг демократии — меньшевики и эсеры. Их отличие в революции от большевиков состоит лишь в том, что они не успели или не сумели сорганизовать своей власти и зажать массы в своих руках.

* * *

Разсмотрим теперь, как была принята трудящимися Украины и Великороссии диктатура коммунистической партии, ее запрет на дальнейшее развитие революции вне органов государства. Революция для трудящихся Великороссии и Украины была единой, но большевистское огосударствление революции было принято не одинаково. На Украине хуже, нежели в Великороссии. Начнем с Великороссии.

И до революции, и во время революции коммунистическая партия вела здесь усиленную работу среди городских рабочих. В период царизма она, будучи левым крылом социал-демократии, пыталась организовать их на почве борьбы за демократическую республику, подготовляя из них надежную армию в борьбе за свои идеалы.

После низвержения царизма в феврале-марте 1917 г., для рабочих и крестьян настало острое, не терпящее промедления время. В лице временного правительства они видели определенного врага себе. Поэто-

му они не ждали, а революционным порядком стали осуществлять свои права — сначала на восьми-часовый рабочий день, потом на органы производства и потребления и на землю. Во всем этом коммунистическая партия явилась для них прекрасным организованным союзником. Правда, она преследовала этим союзом свои цели, но массы этого не знали, а видели факт, что коммунистическая партия вместе с ними борется против капиталистического режима. Последняя всю силу своих организаций, весь политический организационный опыт, лучших своих работников направила в гущу рабочего класса и в армию. Она напрягла все силы, чтобы сгруппировать массы вокруг своих лозунгов, демагогически заигрывая на наболевших вопросах порабощенного труда, подхватывая лозунги крестьян о земле, рабочих о вольном труде и толкая их на решительное столкновение с коалиционным правительством. Изо дня в день коммунистическая партия была в рядах рабочего класса, ведя с ним неустанную борьбу против буржуазии, и довела ее до октябрских дней. Естественно, поэтому, рабочие Великороссии привыкли видеть в ней своего энергичного соратника в революционной борьбе. Это обстоятельство и то, что рабочий класс России почти не имел своих классовых революционных организаций, — был организационно распылен, — позволили партии легко взять руководство событиями в свои руки. И когда коалиционное правительство было свергнуто рабочим классом Петрограда и Москвы, власть просто перешла к большевикам, как руководителям переворота.

После этого коммунистическая партия всю свою энергию направила на организацию твердой власти и на ликвидацию массовых движений рабочих и крестьян, продолжавших в разных местах страны добиваться основных целей революции прямым действием. Благодаря огромному влиянию, приобретенному ею за доктябрский период, это ей удалось без особого труда. Правда, коммунистической партии неоднократно приходилось, сейчас-же после захвата ею власти, душить первые шаги рабочих организаций, пытавшихся начать производство в своих предприятиях на началах трудового

равенства. Правда, не один десяток деревень и не одна тысяча крестьян были разгромлены комвластью за непослушание и попытки обойтись без власти. Правда, в Москве и ряде других городов, компартия, ликвидируя в средине апреля 1918 г. анархические организации, а после — организации левых соц.-революционеров, вынуждена была пустить в ход пулеметы и орудия, раскрывая этим самым двери гражданской войны слева. Но в общем, благодаря известному послеоктябрскому кратковременному доверию рабочих Великороссии к большевикам, последним удалось легко и быстро взять массы в свои руки и приостановить дальнейшее развитие рабоче-крестьянской революции, заменив ее государственными мероприятиями партии. На этом революция в Великороссии остановилась.

Иначе шел дооктябрский и октябрский период на Украине. Коммунистическая партия не имела здесь и десятой доли тех организованных партийных сил, которыми располагала в Великороссии. Влияние ее здесь на рабочих и крестьян всегда было ничтожным. Октябрский переворот произошел здесь значительно позже — в ноябре, декабре и январе следующего года. До этого на Украине была власть местной национальной буржуазии — петлюровцев. В отношении ее большевики действовали не революционным, а главным образом военным порядком. В Великороссии переход власти советам сразу же означал переход ее коммунистической партии. Здесь же, благодаря бессилию и непопулярности партии, переход власти советам означал совершенно другое. Советы были собраниями выборных рабочих без реальной силы подчинить массы себе. Фактической силой чувствовали себя рабочие на заводах и крестьяне в деревнях. Но эта сила была распылена, неорганизована и над ней каждое мгновение висела опасность подпасть под диктатуру какой-либо крепко спаянной партии.

За все время революционной борьбы рабочий класс и крестьянство Украины не привыкли видеть около себя такого постоянного и непреклонного опекуна, каким была коммунистическая партия в Великороссии. Поэто-

му здесь в гораздо большей степени накопился известный душевный простор, который непременно должен был сказаться в дни революционных движений масс.

Другой, еще более важной стороной в жизни украинского крестьянства и рабочих (местных, а не пришлых) были *традиции вольницы,* сохранившиеся на Украине от давно прошедших времен. Как ни старался царский режим со времен Екатерины II вытравить в украинском народе всякий след вольницы — наследия бранной эпохи 14—16 веков и запорожской сечи, — особенная любовь к независимости в нем, всё-таки, сохранилась в значительной степени до наших дней, и в современном украинском крестьянстве сказалась упорным сопротивлением всяким властям, стремившимся подчинить его себе.

Таким образом, революционное движение на Украине сопровождалось двумя условиями, не имевшимися в Великороссии: отсутствием сильной организованной политической партии и наличием духа вольницы, исторически присущим украинскому труженику. Это неминуемо должно было сказаться на всем характере украинской революции. И на самом деле, в то время, когда в Великороссии революция была без особого труда огосударствлена, введена в рамки коммунистического государства, — на Украине это огосударствление шло очень туго, советский апарат создавался механически, главным образом военным порядком. А рядом с этим продолжало развиваться самостоятельное движение масс, преимущественно крестьянских. Оно зародилось еще при власти демократической республики петлюровцев и медленно пока-что ступало, ища своего пути. Больше того — корнями своими это движение держалось в самых основах русской революции. Оно отчетливо наметилось еще с первых дней февральского переворота. Это было движение низов трудящихся, стремившееся уничтожить рабскую экономическую систему и создать вместо нее новую — на базисе обобществления средств и орудий труда и трудового пользования землей.

Выше мы отметили, как, во имя этого, рабочие из-

гоняли с фабрик и заводов их собственников и руководство производством передавали своим органам — профсоюзам, фабрично-заводским комитетам или специально созданным рабочим управлениям. Крестьяне же отбирали землю у помещиков и кулаков и обращали её в строго трудовое пользование, намечая, таким образом, совершенно новый тип земельного хозяйства.

Эта практика революционного действия рабочих и крестьян развивалась почти беспрепятственно в течение всего первого года революции и создала здоровую вполне определенную *линию революционного поведения масс*.

И всякий раз, когда та или иная политическая группа, захватившая власть, пыталась разбить эту линию революционного поведения трудящихся, последние неизменно вступали в революционную оппозицию этим попыткам, так или иначе боролись с ними.

Таким образом, революционное движение трудящихся к социальной независимости, начавшееся с первых дней революции, не замирало ни при одной власти, бывшей на Украине. Не умерло оно и при большевизме, который, после октябрского переворота, стал вводить в стране свою единодержавную государственную систему.

Что было характерного в этом движении?

Желание достичь в революции своих подлинно-классовых интересов; завоевать независимость труда; недоверие ко всем нетрудовым группам общества.

Ведь как коммунистическая партия ни мудрствовала, доказывая, что она являтся мозгом рабочего класса, что ее власть есть власть рабочих и крестьян, — всякому, не утратившему классового чутья и классового сознания рабочему и крестьянину было ясно, что трудящиеся города и деревни оттесняются от своего дела в революции, что власть берет их под свой надзор, что самый факт государственной организации является отнятием у них прав на независимость и на какое бы то ни было самоуправление.

Стремление к полному самоуправлению трудящихся — вот что стало основой начавшегося в глубине масс

движения. Множеством путей и случаев мысль их постоянно направлялась к этому. Государственная деятельность коммунистической партии беспощадно убивала это стремление. Но именно деятельность самоуверенной, не терпящей возражения партии лучше всего освещала трудящимся эту область, толкала к ней.

Движение первое время ограничивалось игнорированием новой власти и самочинными действиями крестьян в области захвата помещичьих земель и инвентаря. Оно искало своих форм и своего пути. Неожиданная оккупация Украины австро-германцами поставила трудящихся в совершенно новую обстановку и дала толчок ускоренному развитию их движения.

Глава третья.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПОВСТАНЧЕСТВО НА УКРАИНЕ. — МАХНО.

Брест-Литовский договор, заключенный большевиками с германским императорским правительством, открыл настежь ворота Украины для австро-германцев. Последние вошли в нее полными хозяевами. Они наложили свою руку не только на военную, но и на политическую и хозяйственную жизнь страны. Целью их было — пограбить страну продовольственно. Чтобы достигнуть этого возможно полнее и безболезненнее для себя, они возродили в стране свергнутую народом власть помещиков и дворян, поставив над ним единодержавную власть гетмана Скоропадского. Войска же, оккупировавшие Украину, систематически обманывались своим офицерством в отношении русской революции. Положение в России и на Украине им представляли, как разгул диких слепых сил, разрушающих порядок в стране и терроризирующих всё честное трудовое население. Этим в них разжигали вражду ко всем бунтующим крестьянам и рабочим, создавая, таким образом, почву для возмутительного и прямо разбойного поведения австро-германской армии в революционной стране.

Продовольственный грабеж Украины, начатый австро-германцами при всемерной помощи правительства Скоропадского, был бесконечно велик и безобразен. Вывозили все — хлеб, скот, птицу, яйца, сырье и

т. д., — и все это в таких размерах, с которыми еле справлялся транспорт. Словно попав на гигантские продовольственные склады, обреченные на расхищение, австрийцы и германцы торопились забрать как можно больше, грузили поезд за поездом, сотни, тысячи поездов, и вывозили к себе. Там, где крестьянство противилось этому грабежу, пыталось не отдавать свое трудовое добро за ничто, его подвергали репрессиям, шомполовали и расстреливали.

Оккупация Украины австро-германцами составляет мрачную страницу в истории ее революции. Помимо открытого военного грабежа и насилия оккупантов, она сопровождалась еще черной помещичьей реакцией. Гетманский режим — это полный возврат к прошлому, уничтожение всех революционных завоеваний крестьян и рабочих. Естественно, эта новая обстановка дала громадный толчок к ускоренному развитию того движения, которое намечалось в крестьянстве еще раньше, при петлюровцах и большевиках. Всюду, главным образом в деревнях, пошли ожесточеннейшие акты восстания против помещиков и австро-германских властей. С этого началось новое революционное движение крестьян Украины, ставшее потом известным под именем *революционного повстанчества.* Некоторые об'ясняют происхождение революционного повстанчества исключительно фактом австро-германской оккупации и режимом гетмана. Это об'яснение не полно и потому не верно. Повстанчество имеет корни в обстановке и основе русской революции, является попыткой трудящихся довести революцию до конца — к реальному освобождению и господству труда. Австро-германцы и реакция помещиков лишь ускорили проявление этого движения.

Движение быстро приняло широкие размеры. Всюду крестьянство подымалось на помещиков, убивало или изгоняло их, забирая себе землю и имущество, не щадя при этом и австро-германских насильников. Ответом на это были беспощадные репрессии немецких и гетманских властей. Крестьян бунтующих сел массами расстреливали, шомполовали, сжигая их хозяйства. В короткий срок сотни сел и деревень понесли на себе не-

истовую расправу военно-помещичьей касты. Это было в июне, июле и августе 1918 года.

Тогда крестьянство, упорное в своем движении, начало действовать партизанским способом. Словно силою невидимых организаций, оно, почти одновременно во многих местах страны, выдвинуло множество партизанских отрядов, начавших действовать военными набегами на помещиков, их охрану и представителей власти. Обыкновенно эти партизанские отряды, состоявшие из 20—50—100 человек конных, хорошо вооруженных крестьян, делали быстрый, неожиданный в данной местности, налет на помещичью усадьбу, на государственную стражу, перебивали всех врагов крестьян и исчезали. Каждый помещик, преследовавший крестьян, его верные слуги были на учете у крестьян-партизан и ежедневно могли быть убиты. Каждый милиционер, каждый немецкий офицер были обречены на верную смерть партизанами. Акты эти, ежедневно производимые в разных концах страны, били по живому телу помещичью контр-революцию, подготовляя неминуемую её гибель и победу крестьянства.

Мы должны отметить здесь, что, как широкие, неподготовленные, принимавшие стихийный характер обще-деревенские повстания крестьян, так и партизанские их действия велись исключительно самими крестьянами, без руководства какой бы то ни было политической организации. Повстанческий способ действия поставил крестьян в положение — самим заботиться о движении, руководить им и направлять к победе. На протяжении всей борьбы с гетманом и помещиками, в самые тяжелые моменты этой борьбы, крестьянство оставалось одно лицом к лицу со своим организованным, вооруженным и ожесточенным врагом. Это, как мы увидим дальше, имело громадное влияние на характер всего революционного повстанчества. Основной чертой его там, где оно до конца осталось классовым и не подпало под влияние партийного или националистического элемента, было не только то, что оно вышло из глубин крестьянства, но и всеобщее сознание крестьян, что они сами являются руководителями этого движения. Этой мыслью

особенно были преисполнены партизанские отряды. Они гордились этим, чувствуя в себе силы и свое великое призвание.

Ожесточенные репрессии помещичьей контр-революции не остановили движения, а наоборот — расширили, делая его повсеместным. Крестьяне сплачивались и самым ходом движения приближались к общему и единому плану революционных действий. Конечно, в масштабе всей Украины крестьянство ни разу не об'единилось в одну группу, действующую под одним руководством. О таком об'единении можно говорить лишь в смысле единства революционного духа. Практически же, организационно, крестьянство об'единялось по районам, притом в форме слияния отдельных партизанских отрядов. Такое об'единение, — как только повстания участились, а репрессии приняли ожесточенный и организованный характер,—стало неотложным делом отрядов. На юге Украины инициативу об'единения проявил Гуляй-Польский район. Там оно происходило не только с целью самозащиты крестьянства, но, главным образом, имея в виду общее генеральное разрушение помещичьей контр-революции. Об'единение это преследовало также цель — создать из революционного крестьянства реальную организованную силу, которая могла бы бороться с любой контр-революцией и отстоять свободу и территорию революционного народа.

Наибольшую роль в деле этого об'единения, а также в области общего развития революционного повстанчества на юге Украины сыграл повстанческой отряд, руководимый местным крестьянином Нестором Махно. С первых дней движения и до момента его высшего напряжения, когда крестьянство победило помещиков, Махно играл в движении такую исключительную роль, что целые области повстания и наиболее героические его моменты связаны с его именем. Затем, когда повстанчество восторжествовало над контр-революцией Скоропадского, а району стала угрожать опасность со стороны Деникина, Махно стал центром об'единения миллионов крестьян на территории нескольких губерний. Этот момент в истории пов-

станчества на Украине является моментом оформления его лица, выявлением его исторических задач. Ибо не везде повстанчество сохранило свою революционную народную сущность, верность интересам своего класса. В то время, как на юге Украины оно взяло черное знамя анархизма и пошло по пути безвластия и самоуправления трудящихся, в западной и северо-западной части Украины оно, по свержении гетмана, подпало под влияние чуждых и враждебных ему элементов — демократических националистов (петлюровцев). В течение двух с лишним лет часть повстанцев западной Украины служила опорой петлюровцам, которые под национальным стягом преследовали интересы местной либеральной буржуазии. Таким образом, повстанчество крестьян Киевской, Волынской, Подольской и части Полтавской губерний, хотя имело общие с остальным повстанчеством корни, в своём последующем развитии не отыскало в самом себе своих исторических задач, своих организационных сил, подпало под руководство врагов труда и стало, таким образом, слепым орудием в их руках.

Совершенно иной смысл и вид приняло революционное повстанчество юга Украины. Оно резко отмежевалось от нетрудовых элементов современного общества, от национальных, религиозных, политических и иных предрассудков рабского строя, встало на почву реальных требований своего класса — пролетариев города и деревни — и во имя этих требований повело суровую войну с многочисленными врагами труда.

Махно.

Мы уже сказали, что громадную, исключительную роль в обширных областях крестьянского повстания юга Украины играл Махно. Проследим его повстанческую деятельность первого периода, т.-е. до свержения гетманщины. Предварительно дадим о нем краткие биографические сведения.

Махно — Нестор Иванович — крестьянин, родив-

шийся 27-го октября 1889 г. и выросший в селе Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии, сын бедной крестьянской семьи. На 11-м месяце жизни он лишился отца, оставшись, вместе с четырьмя маленькими братьями, на руках матери. Уже с семи лет, по причине особенной семейной бедности, он служил подпаском — пас коров и овец крестьян своего села. 8-ми лет поступил в местную начальную школу, причем зимой учился, а летом пастушествовал. Окончив школу, 12-ти летним мальчиком он пошел в работу на сторону. Работал в экономиях немецких кулаков и в имениях помещиков в качестве простого чернорабочего. Уже тогда, будучи 14—15-летним юношей, он питал сильную ненависть к эксплуататорам хозяевам, мечтая о том, как бы он посчитался с ними за себя и за других, если бы был в силах. После он работал литейщиком на заводе своего села.

До 16-ти лет он не соприкасался с политическим миром. Его революционные и социальные воззрения складывались в небольшом кругу односельчан, таких же пролетариев-крестьян, как он сам. Революция 1905 года сразу выбила его из этого небольшого круга, поставив в поток широких революционных событий и действий. В это время он был 17-летним юношей, полным революционного энтузиазма, готовым на всякие шаги в борьбе за освобождение трудящихся. После ближайшего знакомства с политическими организациями, он решительно вступает в ряды анархистов-коммунистов и становится с этого момента неустанным борцом за социальную революцию.

Русский анархизм того времени имел перед собою две конкретные задачи: 1 — раскрыть тот политический обман, который социалистические партии, во главе с марксистами, затевали над трудящимися, и 2 — указать рабочим и крестьянам путь социальной революции. В области этих задач Махно нашел себе обширное поле деятельности, принимая участие во многих опаснейших моментах анархической борьбы.

В 1908 году он попадает в руки царского суда, который, за участие в анархических сообществах и террори-

стических актах, приговаривает его к повешению, замененному затем, в виду его несовершеннолетия, бессрочной каторгой. Всю каторгу Махно отбывал в Московской центр. пересыльной тюрьме (Бутырках). Как ни тяжела и безнадежна была жизнь на каторге, Махно, тем не менее, постарался широко использовать свое пребывание на ней в целях самообразования и проявил в этом отношении крайнюю настойчивость. Он изучил русскую грамматику, занимался математикой, русской литературой, историей культуры и политической экономией. Каторга, собственно, была единственной школой, где Махно почерпнул исторические и политические знания, послужившие затем ему огромным подспорьем в последующей его революционной деятельности. Жизнь, факты жизни были другой школой, научившей его узнавать людей и общественные события.

На каторге, будучи еще совсем молодым, Махно подорвал свое здоровье. Упорный, не могущий помириться с полным бесправием личности, которому подвергался всякий осужденный на каторгу, он всегда спорил с тюремным начальством и вечно сидел за это по холодным карцерам, нажив себе, таким образом, туберкулез легких. За «неодобрительное поведение» он в течение 9-ти лет, до последнего дня заключения, пробыл закованным по рукам и ногам, пока, наконец, восстанием московского пролетариата не был освобожден 2-го марта 1917 года, наряду с остальными политическими заключенными.

По выходе из заключения, Махно немедленно возвращается в Гуляй-Поле, где многочисленное крестьянство встретило его с особенным сочувствием. Он явился на все село единственным политическим каторжанином, возвращенным революцией домой, и невольно стал, поэтому, предметом теплого отношения крестьян. Теперь это был уже не молодой, мало подготовленный юноша, а законченный опытный борец, с сильным волевым устремлением и с определенным планом социальной борьбы.

По прибытии в Гуляй-Поле, он немедленно отдается революционной работе, стараясь, прежде всего, органи-

зовать крестьян своего села и окрестных: создает профессиональный союз крестьян-батраков, организует трудовую коммуну, организует местный крестьянский совет. Волнующей его задачей было — сплотить и организовать всё крестьянство настолько прочно, чтобы оно могло раз навсегда прогнать от себя всю расу крепостников-управителей и само строить свою жизнь. И он вел организационную работу среди крестьян в этом смысле, но не как проповедник, а как практический борец, стараясь сплачивать трудящихся на живых фактах обмана, угнетения и несправедливости, претерпеваемых ими от рабского строя. В период керенщины и октябрьских дней он был председателем районного крестьянского союза, земельного комитета, проф. союза металлистов и деревообделочников и, наконец, председателем Гуляй-Польского Совета крестьян и рабочих.

В средних числах августа 1917 г., в качестве председателя Совета, он собрал всех помещиков и собственников района, отобрал у них документы о количестве находившихся в их владении земли и инвентаря и произвел точный учет всего этого имущества. Затем он сделал доклад — сначала на собрании волостного совета, а потом на районном с'езде. В своем докладе он предложил ограничить помещиков и кулаков в пользовании землей наравне с трудовым крестьянством. Районный с'езд, по его предложению, постановил: оставить кулакам и помещикам по трудовой норме земли, а также живого и мертвого инвентаря. По примеру гуляйпольского района, такие постановления были вынесены на многих уездных с'ездах крестьян Екатеринославской, Таврической, Полтавской, Харьковской и других губерний.

За это время Махно в своем районе стал душою крестьянских движений, отнимавших у помещиков землю, имущество, а где надо было — и жизнь. Этим он нажил себе смертельных врагов в лице местных землевладельцев, богачей и буржуазных организаций.

В момент оккупации Украины австро-германцами Махно, по поручению гуляй-польского рев. комитета,

создал для борьбы с немцами и центральной радой батальоны крестьян и рабочих, с которыми в боевом порядке отступал на Таганрог, Ростов и Царицын. В то время местная буржуазия, окрепшая с приходом австро-германцев, искала уже его головы, и ему пришлось скрыться. В отместку, украинские и немецкие военные власти сожгли дом его матери и расстреляли его старшего брата — Емельяна, инвалида войны.

В июне 1918 года Махно прибыл в Москву, чтобы посоветоваться с некоторыми старыми работниками анархизма относительно направления и характера работы среди украинского крестьянства. Однако, у анархистов, оказавшихся в этот период русской революции крайне неустойчивыми и слабыми, он удовлетворительных советов и указаний не нашел и поехал на Украину со своими собственными мнениями.

Давно уже у него зрела мысль: организовать многочисленное крестьянство, как самостоятельную историческую силу, выявить веками накопленную в нём революционную энергию и всю эту гигантскую мощь обрушить на современный крепостнический строй. Теперь этот момент подошел для него. Находясь в Москве и читая сообщения газет о многочисленных актах повстания украинских крестьян, он волновался, делался сам не свой и с большими душевными страданиями переживал каждый лишний день в Москве. Наконец, на-спех, с помощью старого своего товарища по идее и по каторге, он собрался и поехал на Украину, в свой гуляй-польский район. Это было в июле 1918 года. Ехать пришлось с большим трудом, строго законспирировавшись, чтобы в том или ином месте не попасть в руки гетманских агентов. И в самом деле, в одном месте Махно чуть не погиб, будучи схвачен немецкими властями с чемоданом анархической литературы. Его спас один знакомый гуляй-польский еврей-обыватель, потративший большую сумму денег на его освобождение. По дороге на Украину он получил предложение от большевиков взять для подпольной революционной работы определенный район Украины и вести там работу от их имени. Нечего, конечно, и говорить, что Махно не стал даже

обсуждать это предложение, стремясь к работе, прямо противоположной работе большевиков.

Махно вновь в гуляй-польском районе,—на этот раз с бесповоротной решимостью или погибнуть, или добиться победы крестьянства, но не уходить более из своего района. Весть о его возвращении быстро пролетела из села в село. Он же, с своей стороны, не замедлил выступить перед широким крестьянством открыто, — митингами и печатно, — зовя его к решительным действиям против гетманщины и панства, резко подчеркивая, что теперь трудящиеся не должны упускать своей судьбы из своих рук. Громкий, крайне напряженный призыв его в несколько недель облетел десятки сёл и волостей, подготовляя массы к великим событиям.

Сам Махно приступил к действиям сейчас же. Первое, что стояло перед ним, — это создать военно-революционный отряд достаточной силы, который гарантировал бы свободу агитации и пропаганды в селах и деревнях и который приступил бы к партизансикм операциям. Отряд этот был создан скоро. В деревнях имелось достаточно великолепного боевого элемента, готового к действиям. Ощущалась нужда лишь в хорошем организаторе. Таковым явился Махно. Обязанностями его отряда было: а) вести самую энергичную пропагандистскую и организационную работу среди крестьянства и б) самую беспощадную партизанскую борьбу с врагами крестьянства. В основу партизанских действий был положен принцип, по которому всякий помещик, преследовавший крестьян, всякий вартовой (милиционер), всякий офицер русской или немецкой службы, как злейшие враги крестьянства и его свободы, должны быть только убиваемы. Кроме того, по принципу партизанства, предавался смерти каждый, причастный к угнетению бедного крестьянства и рабочих, к попранию их прав или к ограблению их труда и имущества.

За две-три недели действий отряд этот стал предметом ужаса не только для местной буржуазии, но и для австро-германских властей. Район военно-революционных действий Махно имел огромный — от Лозовой до

Бердянска, Мариуполя и Таганрога, и от Луганска и Гришина до Екатеринослава, Александровска и Мелитополя. Быстрота передвижения была особенностью его тактики. Благодаря обширности района и быстрым передвижениям, он всегда, как снег на голову, появлялся в том месте, где его меньше всего ожидали, и в короткий срок охватил огнём и мечем весь район местной буржуазии. Все те, кто за последние два-три месяца гетманщины успели обосноваться в старых дворянских гнездах, кто упивался бесправием крестьян, грабя их труд и землю, кто стоял начальством над ними, вдруг оказались под беспощадной неумолимой рукой Махно и его партизан. Быстрые, как вихрь, не знающие страха и жалости к врагам, налетали они на помещичью усадьбу, вырубали всех бывших на учете врагов крестьянства и быстро исчезали. А на другой день Махно делал налёт уже в разстоянии ста с лишним верст от этой усадьбы на какое-либо большое село, вырубал там всю варту, офицеров, помещиков и исчезал, не дав времени опомниться стоявшим подбоком немецким войскам и сообразить, что произошло по соседству с ними. На следующий день он вновь более чем за сто верст от этого села расправлялся с каким-нибудь мадьярским карательным отрядом, усмирявшим крестьян, или вешал вартовых.

Варта всполошилась. Всполошились австро-германские власти. Они выслали ряд баталионов для разгрома и поимки Махно. Но тщетно. Великолепные кавалеристы, наездники с детских лет, имеющие притом по дороге переменных лошадей, Махно со своими партизанами оказывался совершенно неуловимым, делая в сутки переходы, абсолютно невозможные для обычной кавалерийской части. И неоднократно, словно насмехаясь и издеваясь над противником, Махно появлялся то в центре Гуляй-Поля, то в Пологах, где всегда были расположены большие части австро-германцев, то в других местах скопления войск, перебивал попадавшихся ему под-руку офицеров и невредимый исчезал, теряя через полчаса всякий след за собою. Или же в то время, когда, казалось, по горячим следам должны были окру-

жить его в определенном селе, он с небольшим отрядом партизан, переодетый в государственную форму варты, втирался в самую гущу неприятеля, разузнавал планы и расположения противника, затем ехал с каким-нибудь настоящим отрядом для поимки Махно и по дороге изрубал этот отряд.

В отношении австро-германских и мадьярских войск общим правилом партизан было — уничтожать офицерство, пленных же солдат распускать, предлагая им итти на родину, рассказывать там, что делают украинские крестьяне, и работать на пользу социальной революции. Их при этом снабжали литературой, а иногда и деньгами. Лишь солдат, уличенных в насилии над крестьянами, предавали казни. Это отношение к пленным солдатам австро-германцам и мадьярам имело на них определенное революционизирующее влияние.

В этот период своей повстанческой деятельности Махно являлся не только организатором и вождем крестьянства, но в такой же степени грозным народным мстителем. За короткий период его первого партизанского выступления сотни помещичьих гнезд были уничтожены, тысячи активных врагов и угнетателей народа — безжалостно раздавлены. Его смелый и решительный образ действий, быстрота его появления и исчезновения, неуловимость его при разного рода обстоятельствах создали из него фигуру, полную страха и ненависти для буржуазии и полную довольства, гордости и легенд для крестьян. В его поступках было, действительно, много легендарного, совершенного его удивительной смелостью, его упрямой волей, проницательностью и здоровым мужицким юмором.

Но все это не являлось основным, исчерпывающим в Махно.

Его боевой дух, партизанские выступления первого периода являлись лишь начальными проявлениями громадного военного и организаторского таланта. Дальше мы увидим, какую колоссальную военную силу и какого великолепного организатора выдвинуло крестьянство в лице Махно.

Будучи не только выдающимся военным вождем, но

и хорошим агитатором, Махно неустанно собирал митинги во всех многочисленных селах района, делал на них доклады о задачах момента, о социальной революции, о трудовом, ни от кого независимом, общежитии крестьян, как цели настоящего повстания. Писал в этом смысле листки, воззвания к крестьянам, рабочим, к австрийским и германским солдатам, к казакам Дона и Кубани и т. д.

— «Умереть или победить — вот что стоит перед крестьянством Украины в настоящий исторический момент. Но все умереть мы не можем, нас слишком много, мы — человечество; следовательно, мы победим. Но победим не затем, чтобы, по примеру прошлых лет, передать свою судьбу новому начальству, а затем, чтобы взять ее в свои руки и строить свою жизнь своей волей, своей правдой.» (Из первых призывов Махно). — Таков голос Махно к широкому крестьянству. И в скором времени он становится центром об'единения повстанческих масс. Почти в каждом селе крестьяне создают свои потайные местные группы, связываются с Махно, во всем его поддерживают и руководятся его указаниями.

Партизанские отряды, существовавшие ранее и вновь возникающие, стали сливаться с его отрядом, стремясь достигнуть единства действий. Необходимость единства действий и общего руководства сознавалась всюду, и всюду партизаны-революционеры признавали, что лучше всего это единство будет достигнуто в лице Махно. К этому заключению пришли такие большие и самостоятельные отряды, как отряд Куриленко, оперировавший в бердянском районе, отряд Щуся и отряд Петренко-Платонова, оперировавшие в дибривском и в гришинском районах. Все они, по собственной инициативе, стали составными частями отряда Махно. Таким образом, слияние партизанских отрядов юга Украины в одну повстанческую армию произошло естественно, в силу требований обстановки и голоса масс.

К этому же времени, в сентябре 1918 г., Махно получил название батьки, — вождя революционного повстанчества Украины. Это произошло при следующих

обстоятельствах. Местные помещики, попрятавшиеся в больших центрах, кулаки и немецкие власти решили во чтобы то ни стало уничтожить Махно и его отряд. Помещики создали особый добровольческий отряд из своих и из кулацких сынков специально для борьбы с Махно. И вот, 30 сентября этот отряд совместно с австро-германцами окружил Махно в районе Б. Михайловки, поставив на всех путях сильные воинские части. Махно в этот момент находился с 30 партизанами при одном пулемете. Ему пришлось отступать и лавировать между многочисленным врагом. Попав в Дибривский лес, Махно оказался в очень затруднительном положении. Пути отступления были заняты врагом. Пробиться с отрядом было невозможно, а спасаться в одиночку было ниже его революционного достоинства. Да никто из отряда не согласился бы в этот момент оставить своего руководителя для того, чтобы самому спасаться в одиночку. После некоторого раздумья, Махно решил на другой день итти обратно на село Б. Михайловку (Дибривки). Выбравшись из лесу, партизаны встретили нескольких крестьянок, спешивших предупредить их о том, что в Дибривках великая сила неприятеля, и что им надо торопиться пробраться в другую сторону. Сообщение это не остановило Махно и его партизан. Они, удерживаемые плачущими женщинами, все-таки двинулись на Б. Михайловку. Под'ехав осторожно к селу, Махно сам с несколькими товарищами из отряда пошел на разведку и увидел на церковной площади большое становище неприятеля, десятки пулеметов, сотни оседланных лошадей и кавалеристов, расположенных группами. Со слов крестьян они узнали, что в селе находятся батальон австрийцев и помещичий отряд. Отступать было некуда. Тогда Махно, с присущей ему твердостью и решительностью, обратился к своему отряду со словами: — «Ну, друзья! Вот здесь-то мы все должны умереть сейчас . . .» Это была серьезная минута, полная душевного под'ема и решимости. Все 30 человек видели перед собою только один путь — путь на врага, численностью около тысячи хорошо вооруженных бойцов, и все сознавали, что это означает для них

конец. Все были взволнованы, но не потеряли мужества.

И вот в эту минуту один из партизан отряда — Щусь, — обратясь к Махно, сказал:

— «Отныне ты над всеми нами будь батькой, а мы клянемся умереть с тобою в рядах повстанчества.»

Здесь же весь отряд клятвенно постановил никогда не покидать рядов повстанчества, а Махно считать общим батькой всего революционного повстанчества. Затем двинулись в наступление. Щусю с отрядом в 5—7 человек была дана задача заехать в сторону и ударить неприятеля в бок. Сам Махно с остальными пошел в лоб ему. При громком «ура» партизаны стремительно бросились на врага, врезались в самую середину его, действуя шашками, винтовками и револьверами. Нападение произвело ошеломляющее действие. Ничего не ожидавший противник сразу был опрокинут и начал панически бежать, спасаясь кучками и в одиночку, бросая оружие, пулеметы и лошадей. Не давая времени опомниться ему, учесть силы напавших и перейти в контр-наступление, повстанцы гнали его разрозненными кучками, рубя на всем скаку. Часть особого помещичьего отряда забежала в реку Волчью, где была перетоплена вышедшими на побоище местными крестьянами. Поражение неприятеля было полное.

Местное крестьянство и с'ехавшиеся отряды повстанцев-революционеров торжественно приветствовали героев. С полным единодушием было принято здесь постановление считать Махно батькой всего революционного повстанчества Украины.

Два дня спустя после этих событий, Б. Михайловка была обложена массою австро-германских войск и отрядами помещиков и кулаков, стянувшимися со всего района. Около 5-го октября немецкие войска начали обстреливать село усиленным артиллерийским огнем и когда оно было достаточно разрушено снарядами, ввели в него пехотные части и кулацкие отряды, начавшие производить экзекуции и поджегшие село со всех сторон. Два дня горела Б. Михайловка, и два дня в ней производилась неистовая расправа кулаков и немецких войск над бедным крестьянством.

Факт этот еще больше сплотил крестьянство района и еще выше поднял его в революционном отношении.

Широкое крестьянство, основное население сёл и деревень не входило, конечно, в отряды на положении партизан, но тем не менее находилось в самой близкой связи с отрядами. Оно содержало их продовольствием, доставляло лошадей и фураж, носило пищу в лес, когда это надо было, собирало и передавало партизанам все нити передвижения противника, а при случае большими массами примыкало к отрядам, стремясь общими силами осуществить какую-либо определенную революционную задачу, воевало плечо-о-плечо с ними в течение двух-трех дней, а затем возвращалось к своему хозяйству.

Характерно в этом отношении занятие Гуляй-Поля партизанами уже накануне падения гетмана и разложения австро-германских войск. Махно занял его небольшим отрядом. Стоявшие в Пологах австрийцы выслали туда свои войска. В течение дня Махно оставался без поддержки и был вынужден оставить село. Но с вечера к нему вышли на помощь несколько сот крестьян гуляйпольцев, с которыми можно было держаться против целой австрийской части. На рассвете крестьяне разошлись по своим домам, опасаясь предательства со стороны какого-либо односельчанина, могущего видеть их днем в партизанском отряде. И на все время дня Махно, благодаря численному превосходству противника, вновь вынужден был выступить из села. С вечера он вновь делал наступление, оповещенный крестьянами о том, что, как только стемнеет, они выйдут ему помогать. Вновь забирал село, выгоняя из него, с помощью местных жителей, австрийцев. И так продолжалось в течение 3—4 дней, пока Гуляй-Поле не было окончательно закреплено за повстанцами-крестьянами.

Такая живая связь широкого крестьянства с военно-революционными отрядами Махно была повсеместной. Она имела очень важное значение, придавая революционному повстанчеству размер и характер обще-крестьянского движения.

Глава четвертая.

ПАДЕНИЕ ГЕТМАНА. — ПЕТЛЮРОВЩИНА. — БОЛЬШЕВИЗМ.

Помещичья контр-революция на Украине, в лице гетманщины, была безусловно делом искусственным, насажденным насильно германским и австрийским империализмом. Ни одного дня украинские помещики и капиталисты не продержались бы на Украине в бурный 1918 год, не будучи поддерживаемы силой немецкой армии. По приблизительному подсчету, австро-германских и мадьярских войск, оккупировавших Украину, было не менее полумиллиона. Возможно, что и более. Вся эта масса войск была планомерно распределена по Украине, притом в большем количестве там, где район был более революционный и бурный. Вся она, с первого же дня вторжения на Украину, целиком встала на охрану интересов контр-революции, в отношении же трудового крестьянства вела себя, как победители в стране побежденных.

Таким образом, во все время контр-революции, украинскому крестьянству пришлось бороться не только с ней, но и со всей массой австро-немецких войск. Но и при этой опоре контр-революция не могла ни разу твердо стать на ноги, а с развитием крестьянского повстания начала определенно разлагаться. Разлагались, конечно, от толчков этого повстания и австро-германские войска. Когда же последние, под дуновением революционного повстанчества с одной стороны и под вли-

янием политических переворотов в Австрии и Германии с другой, утратили свое значение и стали отзываться на родину, — вся украинская контр-революция оказалась повисшей в воздухе. Дни и минуты ее жизни были сочтены. При этом слабость и трусость ее оказались настолько велики, что она не решилась даже оказать хоть какое-либо сопротивление. Гетман просто сбежал по наиболее безопасным от крестьянского повстания местам — туда, откуда его искусственно вызвал к жизни германский империализм. А еще раньше гетмана разбежались помещики.

С этого момента на Украине начинают действовать три основные, но крайне отличные друг от друга общественные силы — петлюровщина, большевизм и махновщина. Каждая из них, с течением времени, вступила в непримиримо враждебные отношения к двум остальным. Для более точного изображения лица махновского движения, нам следует сказать несколько слов о классовой и социальной природе петлюровщины. Это — движение национальной украинской буржуазии, стремящейся утвердить в стране свое политическое и экономическое господство. Приблизительно, республика Франции или Швейцарии являются для нее образцом политического устройства страны. Движение это в настоящее время нисколько не является социальным, а исключительно политическими и националистическими. Те обещания улучшить социальный быт трудящихся, которые имеются в программе его, являются, собственно, данью революционному времени, флагом, под которым легче достигнуть своей цели.

Еще с первых дней мартовской революции 1917 года перед либеральной украинской буржуазией встал волнующий ее вопрос о национальном отделении от России. Широкие круги кулачества, либеральная интеллигенция, образованная часть украинцев примкнули к этому делу, положив начало политическому самостийническому движению. Руководители движения сразу же обратили серьезное внимание на солдатские массы украинцев, бывшие на фронте и в тылу. Их стали организовывать по национальному признаку в особые украинские полки.

В мае 1917 года руководителями движения был организован военный с'езд, выделивший из себя генеральный военный комитет, который стал руководящим органом всего движения. После этот комитет был переименован в Раду. В дальнейшем, в ноябре 1917 г., на общеукраинском с'езде была сконструирована и утверждена, в качестве парламента украинской демократической республики, Центральная Рада. А ровно через месяц «универсалом» этой Рады была провозглашена самостоятельность и независимость украинской демократической республики. Таким образом, в период керенщины на Украине создалась новая самостийническая государственность, начавшая закрепляться по всей стране в качестве господствующей силы. Это была петлюровщина, получившая свое название от имени Семена Петлюры — одного из активных руководителей движения.

Развитие и закрепление на Украине петлюровщины, в качестве государственной силы, явилось ударом для большевизма, взявшего уже власть в Великороссии и распространявшего ее на Украину. Положение его в Великороссии без всей Украины оказалось бы довольно затруднительным даже на первое время. Поэтому большевики поспешно двинули свои войска на Киев. С 11-го по 25-ое января 1918 г. Киев был предметом ожесточенной борьбы между петлюровцами и большевиками. 25-го января большевики заняли Киев, начав затем распространять оттуда свою власть по всей Украине. Петлюровское правительство и политические деятели движения эвакуировались в западную часть страны, протестуя оттуда против занятия Украины оккупационной властью большевиков.

Последние, однако, продержались в этот раз на Украине недолго — 2-3 месяца, — и в марте-апреле 1918 г. ушли в Великороссию, очистив Украину оккупационной армии австро-германцев. Этим воспользовались петлюровцы: их правительство, в лице центр. рады и кабинета министров, возвратилось в Киев на свои места. Республика на этот раз стала называться не демократической, а народной украинской республикой. Ко-

нечно, правительство этой республики, как и всякое правительство, опиралось прежде всего на войска и при в'езде в Киев совершенно не спрашивало у народа, нужно ли оно ему или нет. Оно, пользуясь случаем, просто в'ехало в страну, об'явив себя национальным правительством. Доказательством этому служила прежде всего сила штыка.

Однако, и на этот раз петлюровцам не пришлось долго быть во главе государства. Для австро-германских властей, оккупировавших Украину, оказалось лучше иметь дело с прежними господами Украины — генералами и помещиками, нежели с петлюровцами. Они поэтому очень просто, на основании своих военных сил, удалили правительство петлюровской республики, заменив его единодержавным правительством гетмана Скоропадского. С этого момента начинается помещичья-генеральская реакция на Украине. В отношении этой реакции петлюровцы заняли политически революционную позицию. Они ждут теперь крушения ее, чтобы вновь встать во главе государства. Сам Петлюра подвергся тюремному заключению, а затем вынужден был уйти с политической арены. Но уже подходил конец контр-революции гетмана, начинался её развал под ударами повсеместного крестьянского повстания. Чувствуя это, петлюровцы, еще до полного падения гетмана, начали организовывать свою власть в разных местах Украины и формировать войска. Обстановка чрезвычайно благоприятствовала этому. Крестьянство кипело и бурлило, сотни тысяч стихийных повстанцев ждали только первого призыва, чтобы пойти на гетманскую власть. Еще гетман находился в Киеве, а ряд крупных городов юга Украины были в руках петлюровцев. Там же — в провинциях — был учрежден центральный орган петлюровской власти — директория. Петлюровцы спешили расширить и закрепить свою власть, пользуясь отсутствием на Украине других сильных претендентов на нее, главным образом отсутствием большевиков. В декабре 1918 года Скоропадский сбежал, и в это же время в Киев в'ехала петлюровская директория во главе с Пет-

люрой и прочими чинами правительства народной республики.

Под'ём среди масс населения был огромный. Петлюровцы постарались поставить себя в центре этого под'ёма в качестве национальных борцов. В короткий срок их власть охватила большую часть Украины. Лишь на юге, в районе крестьянского махновского движения, они не имели успеха, наоборот — встретили сопротивление и даже получили серьезные удары. Во всех же крупных центрах страны петлюровцы торжествовали, горделиво вывесив свой стяг. Господство самостийнической украинской буржуазии начало, как-будто, налаживаться. Но это оказалось заблуждением.

Еще не успела новая власть встать прочно на ноги, как вокруг нее пошло разложение, вызванное классовыми противоречиями. Миллионы крестьян и рабочих, оказавшихся в дни свержения гетмана в сфере влияния и руководства петлюровцев, начали массами уходить от них, стремясь найти опору своим народным интересам и устремлениям. Основная масса разбрелась по селам и деревням, заняв там враждебные позиции в отношении новой власти. Многие ушли в революционные повстанческие отряды махновцев с лозунгами борьбы против идей и власти петлюровцев. Последние, таким образом, самим ходом событий так же быстро обезоруживались, как неожиданно и быстро они было вооружились. Их идея буржуазной самостийности, буржуазного единства нации, смогла продержаться среди революционного народа всего несколько часов. Горячее дыхание народной революции сожгло эту ложную идею, поставив носителей ее в беспомощное положение. А в это время с севера быстро шёл воинствующий большевизм, искушенный в приемах классовой агитации и проникнутый твердым решением овладеть на Украине властью. Ровно через месяц после в'езда петлюровской директории в Киев, туда вошли большевистские войска. С этого времени в большей части Украины вновь устанавливается коммунистическая власть большевиков.

Большевизм. Его классовая природа.

В главе I-ой мы уже сказали, что всё так-называемое социалистическое строительство, весь государственный советский аппарат управления страною, новые общественно-политические отношения, — всё, что проводится большевизмом в русской революции, является ничем иным, как осуществлением кровных интересов социалистической демократии, утверждением ее классового господства в стране. Крестьяне и рабочие, имя которых миллионы раз произносится всуе на протяжении всей русской революции, являются лишь мостом, по которому пробирается к власти новая каста —четвертое господское сословие.

Во время русской революции 1905 г. это сословие потерпело поражение. Достигнув руководства над рабочим движением, оно тогда намеревалось осуществлять свои идеи проторенным политическим путём, начиная с всем известной программы-минимум. Предполагалось на первое время низвергнуть царский режим и ввести в стране республиканский образ правления. И затем приступать к завоеванию власти в государстве парламентским путем, как это делается демократией в государствах Зап. Европы и Америки. Как известно, в России в 1905 г. этот план демократии потерпел полную неудачу, не встретив необходимой поддержки со стороны рабочих и крестьян. Ошибочно некоторые об'ясняют поражение революции 1905 года мощной и грубой силой царизма. Причины этого поражения лежат глубже — в самом характере революции.

Еще в 1900—3 гг.ряд массовых экономических забастовок охватил юг России, затем север и иные части ее. Движение, пока-что, не формулировало отчётливо своих задач, но характер его — классовый, социальный — сказался сразу. Социалистическая демократия вошла в это движение извне, стремясь направить его на путь чисто-политической борьбы. Благодаря своим многочисленным, прекрасно организованным партиям, захватившим всё поле политической проповеди, ей удалось вытравить из движения живые социальные лозун-

ги, заменив их политическими лозунгами демократии. Под ними шла революция 1905 года. Но именно потому, что революция шла под чуждыми народу политическими лозунгами, она потерпела поражение. Изгнав из революции социальные элементы, социальную программу трудящихся, демократия этим самым обескровила революцию, убив могучий порыв к ней народа. Революция 1905 года не удалось не потому, что царизм оказался слишком силен, а потому, что она, в виду своего узко-политического характера, не могла поднять большие массы народа. Она подняла лишь часть городского пролетариата; крестьянство же во всей своей массе едва шевельнулось. Царизм, пошедший было на уступки, быстро оправился, когда увидел настоящее положение дел, и разгромил половинчатую революцию. Революционная демократия, руководившая движением, разбежалась по заграницам. Но такой урок, как разгром революции, не мог пройти бесследно для нее. Его здраво учел большевизм — левое крыло демократии. Он увидел, что о чисто-политической революции в России не может быть и речи, что в массах назрел и стал во весь рост вопрос социальный, и что победоносная революция в России возможна лишь, как социальное движение рабочих и крестьян, направленное к ниспровержению и политического, и экономического режима современного строя. Империалистическая война 1914—1917 гг., лишь усилила и скрепила такое направление революции. Она, обнажив истинное лицо демократии, показала, что монархия стоит демократии, а демократия стоит монархии; что та и другая проявили себя одинаковыми хищниками и убийцами народных масс. Если и до этой войны в России уже не было никаких оснований для чисто-политической революции, то империалистическая война убила самую идею такой революции.

По всему миру огненной полосой давно прошёл великий раздел, разбивший современное общество на два основных, враждебных друг другу, лагеря — капитал и труд, и сгладивший политические различия отдельных государств-эксплуататоров. Ниспровержение капитала, как основы рабства, — вот мысль, которой единственно

живут массы, как только они обращают свои взоры к революции. К политическим переворотам прошлых лет они абсолютно равнодушны. Таково лицо действительности в России. Таково же оно в Западной Европе и Америке. Не видеть и не учесть его — значит непоправимо отстать от жизни.

Большевизм учел эту сторону действительности и быстро перестроил свою политическую программу. Он увидел грядущую массовую революцию в России, направляющуюся на самые устои современного общества — на земельный, промышленный и торговый капитал, — увидел обреченный класс собственников города и деревни и сделал свои выводы: раз это так, раз могучий социальный взрыв в России неминуем, то демократия должна осуществлять свои исторические задачи на почве этого взрыва. Она должна воспользоваться революционными силами народа, стать во главе их при низвержении буржуазии, захватить государственную власть и строить здание своего господства на основах государственного социализма. Это и проделал с успехом большевизм в момент до-октябрского и октябрского революционного движения масс. Вся его дальнейшая деятельность в обстановке русской революции будет лишь осуществлением в деталях государственного господства демократии.

Несомненно, большевизм — явление историческое, русской и международной жизни. Он — выразитель не только социального, но и психологического типа. Он выдвинул многочисленную группу лиц — цепких, властных, чуждых каких бы то ни было общественных и моральных сантиментальностей и не останавливающихся ни перед какими средствами в борьбе за свое торжество. И он же выдвинул соответствующего этой группе руководителя. Ленин не только вождь партии, — он, что значительно важнее, вождь определенного психологического типа людей. В нем наиболее совершенно и могуче проявлен этот тип, по нём идут отбор и группировка боевых наступательных сил мировой демократии. Основной чертой психологии большевизма является — утверждение своей воли путём насильственного устра-

нения воли всех остальных, абсолютное подавление личности, низведение ее до неодушевленного предмета. В этих чертах не трудно узнать древнюю господскую породу людей. И действительно, во всей русской революции большевизм проявляет себя исключительно властническими жестами. В нем нет и тени того, что составит основную черту будущей подлинно-социальной революции трудящихся — ж а ж д ы р а б о т а т ь, работать, не жалея рук, плеч и спины, работать до последних сил, до самозабвения во имя народного блага. Все его усилия, подчас огромные и упорные, свелись на создание властнических органов, которые в отношении народа являются старой начальнической угрозой и окриком.

Остановимся несколько на тех преобразованиях, которые большевизм ввел в жизнь рабочих и крестьян, сообразно со своей коммунистической идеологией.

Национализация промышленности, земли, городских жилищ, торговли и избирательное право для рабочих и крестьян — вот основы чистого большевистского коммунизма. Конкретно «национализация» вылилась в абсолютное огосударствление всех форм народной жизни. Не только промышленность, транспорт, образование, органы продовольствия и т. д. сделались собственностью государства, но весь рабочий класс, каждый рабочий в отдельности, его труд и энергия, профессиональные и кооперативные организации рабочих и крестьян были огосударствлены. Государство — все, отдельный рабочий ничто. Это главная заповедь большевизма. Но государство олицетворяется чиновниками, и фактически они являются всем, рабочий класс — ничем.

Национализация промышленности, вырвав рабочих из рук отдельных капиталистов, отдала их в более цепкие руки одного вездесущего хозяина-капиталиста, государства. Отношения между рабочим и этим новым хозяином те же, что были раньше между трудом и капиталом, с той лишь разницей, что коммунистический хозяин — государство — не только эксплуатирует трудящихся, но и карает их сам, так-как обе эти функции — эксплуатация и наказание — совмещены в нем одном. Наемничество осталось в прежнем нетронутом ви-

де, приняв характер государственной обязанности. Профессиональные союзы утратили все свои естественные права, превратившись в органы полицейского надзора над рабочими массами. Выработка тарифов, размер заработной платы, прием и увольнение рабочих, общее руководство предприятиями, распорядок внутри их и т. д. — все это составляет неот'емлемое право партии, ее органов или ее агентов. Роль же профсоюзов в этом и во всех прочих областях производства — чисто обрядовая: они должны поставить свои подписи под готовыми и не могущими быть опротестованными или измененными постановлениями партии.

Ясно, что во всем этом мы имеем дело просто с заменой частного капитализма капитализмом государственным. Коммунистическая национализация промышленности представляет собою новый тип производственных отношений, при котором экономическое рабство, экономическая зависимость рабочего класса концентрируется в одном кулаке — в государстве. Это по существу нисколько не меняет положение рабочего класса к лучшему. Всеобщая трудовая повинность (для рабочих, конечно) и милитаризация труда — вот дух национализированной фабрики. Приведем пример. В августе 1918 г. рабочие бывшей прохоровской мануфактуры в Москве, на почве недостаточной оплаты их труда и полицейского режима на фабрике, начали волноваться и угрожали бунтом. Они устроили несколько собраний по предприятию, разогнали заводской комитет, являвшийся партийной ячейкой, и взяли в счет платы за свою работу часть выработанной ими мануфактуры. Члены центр. правления союза текстильщиков, после того, как рабочая масса не пожелала с ними разговаривать, обсудили вопрос так: поведение прохоровских рабочих набрасывает тень на авторитет советской власти; более резкое выступление рабочих опозорит советскую власть в глазах рабочих других предприятий; этого нельзя допустить, а потому прохоровскую мануфактуру следует закрыть, рабочих распустить, на фабрике подготовить комиссию, которая организовала бы твердый режим, и уж затем набирать новый кадр рабо-

чих. Так и было поступлено. Спрашивается, — кто же эти люди, три-четыре человека, так свободно распорядившиеся судьбой многотысячной рабочей массы? Были ли они поставлены на свои посты массой и наделены ею такой большой властью? Ничуть не бывало. Их назначила партия и в этом их могущество. Приведенный пример — один из тысячи. В нем, как в капле воды, отражается правовое положение рабочего класса в национализированном производстве.

Что же остается рабочим и их организациям? Очень узенькая полочка — право подавать голоса за того или иного депутата в советы, всецело подчиненные партии.

В деревне положение трудящихся и того хуже. Крестьяне пользуются землей бывших помещиков, князей и иных собственников. Но это благо им дала не коммунистическая власть, а революция. Они десятки лет рвались к земле и в 1917 году, еще до сфомирования советской власти, они уже завладели ею. Если большевизм шел вместе с крестьянами в захвате помещичьих земель, то только потому, что победить земельную буржуазию, для него же самого, иначе нельзя было. Но никоим образом из этого не следует, что грядущая коммунистическая власть собиралась наделить крестьян землею. Как-раз наоборот. Идеалом этой власти является организация единого земельного хозяйства, принадлежащего всё тому же господину — государству. Советские земельные хозяйства, обрабатываемые наемными рабочими и крестьянами, — вот образец, по которому комвласть стремится построить государственное земледелие по всей стране. Об этом очень ясно и просто вожди большевизма высказались значительно позже первых дней революции. В № 13 «Коммунистического Интернационала», в резолюции по аграрному вопросу (стр. 2435—2445, рус. изд.) даны подробные указания об организации государственного земледелия в этом смысле. В той же резолюции сказано, что к организации коллективного земледелия (т. е. государственно-капиталистического) надо подходить с громадной осторожностью и постепенностью. Это вполне понятно. Резкий перевод десятков миллионов крестьян из поло-

жения самостоятельных хозяев в положение наемников государства вызовет опасную бурю, могущую привести коммунистическое государство к катастрофе. Конкретное строительство комвласти в деревне в настоящем свелось исключительно к насильственному вывозу из сел и деревень продовольствия и сырья и к борьбе с крестьянскими движениями, создавшимися на этой почве.

Политические права крестьянства. Они заключаются в обязательном создании сельских и волостных советов, всецело подчиненных партии. Больше никаких прав за крестьянами нет. Многомиллионное крестьянство любой губернии, положенное на чашку политических весов, будет перетянуто любым губернским комитетом партии. Короче, вместо прав мы констатируем самое вопиющее бесправие крестьян.

Государственный советский аппарат создан таким образом, что все руководящие нити этого аппарата находятся в руках демократии, ложно выдающей себя за авангард пролетариата. В какую бы область государственного управления мы ни обратились, всюду на руководящих местах мы находим все того же неизменного, вездесущего демократа.

Кто руководит всеми газетами, журналами и прочими изданиями? Люди политики, выходцы из привиллегированой демократической среды.

Кто пишет и руководит в таких центральных изданиях, претендующих на руководство мировым пролетариатом, как «Известия» Вцика, «Коммунистический Интернационал» или орган центрального комитета партии? Исключительно группы строго подобранных интеллигентов-демократов.

А кем руководятся политические органы, созданные, как указывает само их название, не для целей труда, а для политики, для господства? В чьих руках находится центральный комитет партии, «Совнарком», «Вцик» и т. д.? Всецело в руках тех, кто вырос на политике, в стороне от труда, и кто имя пролетариата произносит так, как неверующий поп произносит пустое имя бога. И в их же руках находятся все хозяйственные органы

страны, начиная с Совнархоза и кончая более мелкими главками и центрами.

Мы видим, таким образом, всю социальную группу демократии занимающей главные руководящие места в государстве.

История человечества не знает примера, когда бы определенная социальная группа, имеющая свои классовые интересы и свой классовый путь, приходила к трудящимся с целью помочь им. Нет, всегда такие группы подходят к народу с целью прибрать его к своим рукам. Группа демократии не составляет исключения в этом всеобщем социальном законе. Наоборот — самым полным и законченным образом она подтверждает его.

Если в коммунистическом государстве на некоторых руководящих постах находятся рабочие, то ведь это только на пользу рабскому строю: они придают иллюзию народности демократической власти и имеют цементирующее, скрепляющее значение в возводимом господском здании социалистической демократии. Роль их второстепенная, главным образом исполнительная. Притом, за счет остальной подневольной массы, они держатся на привиллегиях и вербуются из так называемых «сознательных рабочих», т.-е. без критики приемлющих основы марксизма и социалистического движения интеллигенции.

Рабочие и крестьяне в коммунистическом государстве социально порабощены, экономически ограблены, политически бесправны. Но это еще не всё. Встав на путь всеобщего огосударствления, большевизм неминуемо должен был наложить свою руку и на духовную жизнь трудящихся. И, действительно, трудно найти страну, где бы мысль трудящихся была так абсолютно подавлена, как в коммунистическом государстве. Под предлогом борьбы с буржуазными и контр-революционными идеями, уничтожена вся пресса некоммунистического исповедания, хотя бы эта пресса издавалась и поддерживалась широкими массами пролетариата. Никто не может вслух высказывать своих мыслей. Подобно тому, как общественно-хозяйственную жизнь страны большевизм распланировал согласно своей программы,

так и духовную жизнь народа он вогнал в рамки этой программы. Живое поле народной мысли, народного искательства превращено в мрачную казарму партийной муштровки и учёбы. Мысль и душа пролетариата посажены в партийную школу. Всякое стремление заглянуть за стену этой школы об'является вредным, контрреволюционным.

Но и это еще не всё. Такое искажение революции и ее перспектив, какое внёс большевизм своей диктатурой, не могло пройти без протестов со стороны масс и без усилий с их стороны бороться с таким искажением. Но эти протесты повели не к ослаблению политического гнёта, а к укреплению его. Открылась длительная полоса правительственного террора, превратившая всю Россию в сплошную гигантскую тюрьму, где страх стал добродетелью, ложь — обязанностью. Придавленные политическим гнётом, устрашаемые террором власти, лгут взрослые, лгут учащиеся-подростки, лгут дети 5—7 лет.

Возникает вопрос — почему же в коммунистическом государстве создалось такое невозможное положение — социальное, политическое и моральное? Неужели социалистическая демократия хуже своей предшественницы — капиталистической буржуазии? Неужели она не хочет допустить даже те обманные свободы, которыми буржуазия Европы и Америки сохраняет видимость равновесия в своих государствах? Дело здесь в ином. Хотя класс демократии и имеет свое самостоятельное бытие, материально он до последнего момента был беден, вернее нищ. Благодаря этому, с первых дней своего политического выступления, он не мог найти в себе того единства и всеобщности, которые даются господствующим классам их привиллегированным материальным положением. Демократия выдвинула лишь боевой партийный отряд, в лице коммунистической партии, и этот отряд вынужден был в течение трех с лишним лет обходиться своими силами в громадном деле построения новой государственности. Не имея *естественной* опоры ни в одном из классов современного общества — ни в рабочих, ни в крестьянах, ни в дворянстве, ни в

буржуазии — (а сама демократия, экономически неорганизованная, не могла итти в счёт), — коммунистическая партия естественно прибегла к террору и режиму всеобщего порабощения.

В связи с указанным террористическим положением большевизма в России становится понятным, почему коммунистическая власть так открыто и поспешно размножает и закрепляет, в лице компартии, верхов чиновничества и командного состава армии, новую буржуазию. Последняя необходима ей, как естественная почва, питающая ее живыми соками, как постоянная классовая опора в борьбе с трудовыми массами.

Всё, отмеченное нами, коммунистическое строительство, несущее рабство рабочим и крестьянам, мы об'ясняем не ошибками и заблуждением большевизма, а сознательным его стремлением к порабощению масс, его господской эксплуататорской сущностью.

Спрашивается, в силу чего, однако, этой чуждой и враждебной трудовым массам группе удалось достигнуть руководства революционными силами народа, пробраться от его имени к власти, укрепить свое господство?

Этому две причины — распыленное, неорганизованное состояние масс в дни революции и обман их лозунгами социализма.

Существовавшие до 1917 года профессиональные организации рабочих и крестьян значительно отстали от кипучего революционного настроения последних. Революционный разлив масс вышел далеко за пределы этих организаций, он перерос и захлестнул их. Рабочие и крестьяне стали перед лицом развернувшейся социальной революции всей своей необ'ятной массой, не имея необходимой опоры и руководства в своих классовых организациях. А бок-о-бок с ними действовала прекрасно организованная социалистическая партия (большевики). Вместе с рабочими и крестьянами она приняла прямое участие в ниспровержении промышленной и земельной буржуазии, звала к этому массы, уверяя, что эта революция будет социальной — последней — революцией, ведущей порабощенных в свободное царство социализма и коммунизма. Для широких масс,

не искушенных в политике, это казалось очевидной истиной. Участие же коммунистической партии в разгроме капиталистического режима породило огромное доверие к ней. Слой работников умственного труда, являющийся носителем идеалов демократии, был всегда настолько тонок и невелик, что массы никогда не знали о его существовании в целом, как об определенной экономической категории. Они, поэтому, в момент низвержения буржуазии, не видели никого, кроме самих себя, кто бы мог занять место последней. На самом же деле, это место целиком занял их случайный и обманчивый руководитель — большевизм, искушенный в политической демагогии.

Эксплуатируя без зазрения совести революционные устремления рабочих и крестьян к свободе, равенству и социальной независимости, большевизм с тонким мастерством подменил их идеей советской власти.

Во многих местах революционной России в первые дни октябрского переворота трудящиеся идею советской власти приняли, как идею их местного общественно-экономического самоуправления.

Благодаря революционной энергии и демагогическому смешению революционной идеи трудящихся со своей политически-властнической идеей, большевизм приблизил к себе массы и широко использовал их доверие.

Беда для масс заключалась в том, что они приняли учение социализма и коммунизма цельно и просто, так, как народ всегда принимает идеи правды, справедливости и добра. Между тем, в этих учениях правда являлась лишь внешней приманкой, красивым, волнующим душу народа обещанием. Главное же в них, как и в прочих государственных системах, является — захват и распределение народных сил и народного труда между небольшой, но хорошо организованной группой тунеядцев.

В вихре совершавшихся в России и на Украине событий, в массе политических, военных и иных операций факт поднятия к власти новой эксплуататорской группы первое время не улавливался отчётливо широкой народной массой. Это потому, что самый факт этот для

своего окончательного завершения требует несколько лет времени. Он, кроме того, растянут в пространстве и искусно прячется заинтересованной группой. Нужно известное время, чтобы он стал открытым для широких масс.

Во время великой французской революции, когда решительно был разрушен феодализм — монархия королей и дворян, — массы думали, что это великое разрушение они делают во имя своей свободы, и что руководящие политические партии являются в этом деле не более, как их друзьями и помощниками. Лишь по прошествии нескольких лет трудовой народ, осмотревшись, увидел, что произошла только смена властей, что место дворян и короля заняло новое господское эксплуататорское сословие — промышленная и торговая буржуазия. Такие исторические факты всегда требует известного времени, чтобы стать открытыми и понятными широким массам.

* * *

В общих чертах мы представили политическую и социальную сущность большевизма, его действительное нутро. За первые полтора года своей диктатуры в России он вполне его выявил. Оно стало ясным вначале для отдельных групп рабочих и крестьян, а затем и для широких масс. И вот эта, молодая, полная властнических желаний сила, после крушения гетмана, вновь устремляется на Украину с непреклонным решением овладеть в ней властью во что бы то ни стало.

Во время скоропадчины большевики в самой Украине не имели достаточно сил, которые смогли бы организовать немедленный захват власти в момент падения гетмана*). Почти все силы их были в Великороссии, и

*) Правда, в период гетманщины большевики пытались иметь партизанские отряды своего типа, которые вели бы работу по директивам партии. Таковым являлся отряд Колосова в Павлоградском районе. Но отряды эти были крайне редки, они потонули в общей повстанческой массе, шедшей независимым от партии путем. Притом, даже эти редкие партийного типа отряды заразились общим духом революционного повстанчества. Отряд Колосова свою повстанческую деятельность мало отделял от повстанческой деятельности Махно, работая часто совместно.

они оттуда наблюдали за Украиной, подстерегая момент, когда можно будет двинуться в нее и провозгласить свою власть. Там же, в Великороссии, в городе Курске, проживало их заранее приготовленное правительство, в лице Пятакова, Квиринга и других. Поэтому, как зорко ни следили они за Украиной, им не удалось попасть туда в момент свержения Скоропадского, благодаря чему власть первые захватили петлюровцы. Но это же обстоятельство тем энергичнее заставило их действовать в военном порядке. Атмосфера была революционна, обстановка до крайности перепутана массовым повстанческим движением крестьян. В этих условиях шесть недель времени, выигранных петлюровцами, могут потонуть в ходе событий. Надо лишь спешить действовать. И большевики спешили с действиями.

В то время, когда их, сидевшее в Курске, правительство переехало в Харьков, впервые освобожденный и занятый повстанческим отрядом анархиста Чередняка *), и приступило там к созданию центра гражданской власти, дивизии их продвигались по освободившимся уже районам в глубь Украины и в военном порядке учреждали органы коммунистической власти. Мы сказали — освободившиеся районы. Действительно, всё пространство Украины от Курской губ. до Азовского и Черного морей было уже освобождено от гетманской власти революционными повстанческими отрядами крестьян. С падением гетмана эти отряды частью рассосались по деревням, а частью ушли к побережью Азовского моря, откуда надвигалась уже новая контр-революция генерала Деникина.

В большей части Украины большевики приходили на готовое положение. Там же, где они сталкивались с

---

*) Чередняков, крестьянин — анархист, об'явленный вскоре болшевистскими властями вне закона, влился со своим отрядом в общую повстанческую армию Махно, сражался на приазовском фронте против Деникина. При вторжении деникинцев в гуляй-польский район в начале июня 1919 г. попался в плен и получил свыше 300 плетей. Бежал. Летом 1919 г. он вновь попался деникинцам в Полтавской губ. и был расстрелян ими.

петлюровцами, они разбивали последних военной силой и занимали их места. Решающее столкновение большевиков с петлюровцами произошло в районе Киева, который с момента в'езда туда директории стал центром политической деятельности петлюровцев, средоточием их войск. В конце января 1919 года большевики повели генеральное наступление на Киев. В начале февраля Киев был занят ими. Правительство народной украинской республики отступило, по обыкновению, на западные границы Украины. Государственная власть оказалась у большевиков.

Следует отметить при этом, что как там, где большевики с боем занимали местности, изгоняя из них петлюровцев, так и там, где район был свободен и крестьянство жило само, коммунистическая власть устанавливалась военным порядком. Советы рабочих и крестьян, яко-бы создавшие эту власть, появились задним числом, после того, как власть уже укрепилась. До них были партийные политические ревкомы. А до ревкомов были просто военные дивизии.

Глава пятая.

МАХНОВЩИНА.

Революционное повстанческое движение крестьян и рабочих Украины имело вначале характер бушующего моря. По всему необ'ятному бассейну Украины массы бурлили, шли к боям и восстанию. Они убивали зарвавшихся помещиков, представителей власти, изгоняли их из пределов своей среды. Господствовала разрушительная сторона движения. Положительная сторона как бы отсутствовала. Ясного определенного плана строительства свободной жизни крестьян и рабочих движение еще не указывало. Но постепенно, в процессе своего развития, оно выявляло и оформляло свое лицо. С момента об'единения большинства повстанческих потоков под руководством Махно оно приобрело единство, нашло свой твердый остов, хребет. Начиная с этого момента, оно становится вполне законченным, ярко выраженным социальным движением, имеющим свою определенную идеологию и свой план строительства народной жизни. Это — наиболее могучий и высший период революционного повстанчества, махновщина.

Характерными, специфическими сторонами этого движения являются: глубокое недоверие к нетрудовым или привиллегированным группам общества; недоверчивое отношение к политическим партиям; отрицание диктатуры над народом какой бы то ни было организации; отрицание принципа государственности; полное самоуправление трудящихся у себя на местах. Конкрет-

ной и начальной формой этого самоуправления будут вольные трудовые советы крестьянских и рабочих организаций. «Вольные» в них означает то, что они должны быть совершенно независимы от какой бы то ни было центральной власти, входя в общую хозяйственную систему на основах равенства. «Трудовые» означает то, что они должны строиться на базисе труда, включать в себя только тружеников, их интересам и воле служить, не давая никакого места в себе политическим организациям. (См. «Общие положения махновцев о Вольном Совете рабочих и крестьянских организаций»). Таково знамя, с которым махновщина выступила на арену социальной борьбы.

Махновщина зародилась в бурную пору украинской действительности, летом 1918 года, когда все крестьянство кипело повстанием. С первых дней своего зарождения и до последнего времени ей ни одного дня не пришлось быть в мирной обстановке. В силу этого её рост и развитие пошли особенным, двойным путем — путем внедрения в широкие массы основных идей ее и путем наростания и укрепления военных сил. С момента об'единения всех военно-революционных отрядов в одну армию, последняя стала единой революционной армией масс. Боевая обстановка Украины послужила причиной того, что все лучшие организационные силы движения влились в армию. Последняя невольно стала одновременно и вооруженной самоохраной крестьян, и вождем всего их движения, их революционным авангардом. Она развила наступление на помещичью контр-революцию, разрабатывала план этого наступления, давала лозунги момента. Никогда она, при этом, не была самодовлеющей силой. Всегда черпала революционные идеи из широких масс, охраняла их интересы. И массы крестьянства, с своей стороны, считали ее главным руководящим органом во всех случаях своей жизни. *).

---

*) Характерными в этом отношении являются следующие случаи того времени. Неоднократно крестьяне разных сел Приазовья задерживали продовольственные поезда и проверяли документы. Если при этом из штаба армии махновцев бумаг не оказывалось, то поезда задерживались в

Отношение махновщины к государственной власти, к политическим партиям, к непроизводящим группам становилось и отношением крестьянства ко всему этому. И обратно — интересы беднейшего крестьянства и рабочих, их боли и думы становились интересами, болями и думами махновщины. Так, при взаимном воздействии, шло развитие махновского движения, ставшего вскоре огромным социальным явлением русской жизни.

* * *

В октябре и ноябре 1918 г. отряды Махно повели повсеместное наступление на гетманскую контр-революцию. К этому времени войска австро-германцев, под влиянием происшедших на их родине политических событий, были достаточно разложены, утратили свою энергию и силу. Этим воспользовался Махно. Он вступил в договорные, нейтральные отношения с теми частями этих войск, которых коснулся дух революции. Такие части легко поддавались разоружению, чем махновцы пользовались, вооружаясь за их счет. Где не удавалось ладить с австро-германцами добром, Махно боями вытеснял их из района. С упорным трех-дневным боем было занято им в последний раз Гуляй-Поле. В нем он окончательно закрепился и организовал основной штаб армии. Всюду чувствовался близкий конец гетмана, и крестьянская молодежь массами стекалась к Махно. В это время армия его состояла уже из нескольких полков пехоты и кавалерии при одной батарее и множестве пулеметов.

Войск гетмана в районе не было. Государственная варта разбежалась при виде необычайного роста повстанческой армии. Последняя осталась одна в громадном районе. Но гетман еще держался в Киеве. Тогда Махно двинулся со своими частями к северу, занял узловые

ожидании раз'яснения от махновцев. Нередко также на призывы большевистских организаций — подвозить для государства хлеб по твердым ценам, крестьяне многих мест просто заявляли, что если на это будет согласие организации махновцев, то они хлеб дадут.

станции Чаплино, Гришино, Синельниково, дошел до Павлограда и свернул затем на запад в сторону Екатеринослава. В этом районе он столкнулся с петлюровскими властями.

Петлюровцы, захватившие власть в целом ряде городов, почитали себя подлинными хозяевами страны. Из множества крестьянских отрядов они сформировали свое войско, затем об'явили повсеместную мобилизацию в целях создания регулярной государственной армии. Махновское движение они сочли эпизодом в общей украинской революции и надеялись втянуть его в сферу своего влияния и руководства. Они послали Махно ряд политических вопросов: о том, как он смотрит на петлюровщину и на власть последней, как представляет себе политическое устройство Украины, не находит ли он желательным и полезным работать совместно с ними в деле создания независимой Украины. Ответ Махно и его штаба был короток. Петлюровщина, по их мнению, есть движение украинской националистической буржуазии, с которой им, крестьянам и революционерам, совсем не по пути. Украина должна быть построена на принципе труда и независимости крестьян и рабочих от всякой политической власти. Не об'единение, а лишь борьба может быть между народным движением махновщиной и буржуазным движением петлюровщиной.

Вскоре после этого Махно идет на Екатеринослав для изгнания оттуда петлюровской власти. У последней там были значительные военные силы. Кроме того, защищенные Днепром, петлюровцы могли оказаться неуязвимыми в этом городе. Отряды Махно стали в Нижне-Днепровске. Там же находился и городской комитет партии коммунистов-большевиков, располагавший местными вооруженными силами. Личность Махно в это время была известна по всему округу, как личность заслуженного революционера-героя и талантливого военного руководителя. Комитет коммунистов-большевиков предложил ему взять на себя командование их рабочими и партийными отрядами. Это предложение Махно принял.

Как часто с ним бывало раньше и впоследствии, он

прибег к военной хитрости. Нагрузив состав поезда своими войсками, он пустил его, под видом рабочего поезда, через днепровский мост прямо в город. Риск был огромный. Узнай петлюровцы про эту хитрость за несколько минут до остановки поезда, они могли бы его целиком полонить. Но этот же риск прокладывал махновцам путь к победе. Поезд в'ехал прямо на городской вокзал, где революционные войска неожиданно выгрузились, заняли станцию и ближайшую часть города. В самом городе произошло ожесточенное сражение, окончившееся поражением петлюровцев. Однако, через несколько дней, благодаря недостаточной бдительности гарнизона махновцев, город пришлось вновь сдать петлюровцам, подошедшим новыми силами со стороны Запорожья. При отступлении, в Нижне-Днепровске на Махно дважды производилось покушение. Оба раза подброшенные под него бомбы не разорвались. Армия махновцев отступила в район Синельникова. С этого момента на северо-западной границе махновского района создался фронт между махновцами и петлюровцами. Однако, войска последних, состоявшие в большинстве из крестьян-повстанцев и насильно мобилизованных, стали быстро разлагаться при соприкосновении с махновцами. И в скором времени фронт этот был ликвидирован. Громадные тысячеверстные пространства были освобождены от всяких властей и войск.

* * *

Государственники боятся свободного народа. Они утверждают, что народ без власти потеряет якорь общественности, рассыпется и одичает. Это, конечно, вздор. Он говорится бездельниками, любителями власти и чужих трудов, или слепыми мыслителями буржуазного общества. Освобождение народа действительно означает вырождение и одичание, но не народа, а тех, кто, благодаря власти и привиллегиям, живет трудом рук его, соком его сердца. На примере русской революции мы видим, как тысячи семейств из привиллеги-

рованного сословия — чистых, сытых и холеных — пошли к упадку и одичанию. Революция отняла у них прислугу, и они через месяц-два покрылись грязью, запаршивели. Освобождение народа ведет к одичанию тех, кто вырос на его рабстве. Народ же с момента полной свободы лишь начинает жить и усиленно развиваться. Крестьянство гуляй-польского района как нельзя лучше показало это. В течение шести с лишним месяцев — с ноября 1918 по июнь 1919 г. — оно жило без всякой внешней политической власти и не только не утратило общественной связи в своей среде, но, наоборот, выдвинуло новую, более высокую форму общественности — свободную трудовую коммуну и свободные советы трудящихся.

По изгнании из района помещиков, земля оказалась в руках крестьянства. Однако, многие из крестьян сознавали, что на этом дело еще не кончается, что недостаточно захватить клок земли и успокоиться на нем. Суровая жизнь говорила, что со всех сторон их подстерегают враги, и учила держаться вместе. В ряде мест стали проявляться попытки организовать общественную жизнь коммунально. Несмотря на враждебное отношение крестьян к казенным коммунам, во многих местах гуляй-польского района возникли крестьянские коммуны с названием «трудовая» и «свободная». Так, при селе Покровском была первая свободная покровская коммуна имени Розы Люксембург. Участники ее были сплошная «голота». Вначале в нее входило несколько десятков человек, а потом дошло до трех сот и более. Коммуна эта была создана местным беднейшим крестьянством, и ее название, посвященное памяти Розы Люксембург, указывает на отсутствие в организаторах ее какого бы то ни было партийного духа. Крестьяне с народной простотой и великодушием почтили память неизвестной для них революционерки, мученически погибшей в революционной борьбе. Внутренняя же жизнь коммуны не имела ничего общего с тем учением, за которое боролась Люксембург. Она была построена на безвластных началах. С своим развитием и ростом она начала оказывать большое влияние на местное кресть-

янство. Коммунистическая власть попробовала, было, вмешаться во внутреннюю жизнь коммуны, но не была допущена туда. Коммуна определенно назвала себя свободной, трудовой, чуждой всякой власти. *).

В семи верстах от Гуляй-Поля, в бывшей помещичьей экономии, была коммуна, об'единявшая гуляй-польскую бедноту. Коммуна эта называлась просто коммуной № 1 гуляй-польских крестьян. Верстах в двадцати от нее находились коммуна № 2 и коммуна № 3. В ряде других мест возникли коммуны бедняков. Конечно, в общем их было немного, они об'единяли значительное меньшинство населения, — главным образом тех, кто не имел своих прочных удобных хозяйств. Но ценным в них было то, что они возникли по почину самих крестьян бедняков. Следы работы махновцев сказались на них лишь постольку, поскольку махновцы вообще вели в районе пропаганду свободных коммун.

Коммуны создавались не на почве каприза или примера, а исключительно на почве насущных потребностей крестьян, бывших до революции ни с чем и приступивших после победы к организации своих хозяйств на общинном начале. Это не были искусственные коммуны коммунистической партии, в которых обыкновенно работает случайно подобранный элемент, зря переводящий семена и землю, пользующийся всемерной поддержкой государства и живущий, таким образом, трудом того народа, которого он собирается поучать труду. Это были, действительно, трудовые коммуны крестьян, выросших на труде, ценящих его в себе и в других. В них крестьяне прежде всего работали, стараясь обеспечить себя ежедневным пропитанием. Кроме того, каждый находил в них необходимую моральную и физическую

*) 9—10-го июня 1919 г., во время общего похода большевиков на махновский район, коммуна эта была разгромлена большевистскими войсками. При этом, тов. Кирьяков и другие руководители коммуны были об'явлены вне закона. Пришедшие, затем, через несколько дней в с. Покровское деникинцы совершенно уничтожили коммуну, а Кирьяков — выдающийся местный революционер крестьянин — был публично расстрелян ими.

опору. В коммунах проводился глубокий принцип товарищества и братства. Все — и мужчины, и женщины, и подростки — обязаны были равно трудиться по мере своих сил. Организационные работы поручались одному, двум товарищам, которые, выполнив их, работали потом по другим работам, наряду с остальными членами коммуны. Несомненно, коммуны имели эти черты потому, что возникли в трудовой среде, и что развитие их шло естественным путем.

Однако, ростки свободного коммунизма далеко не составляли всего общественно-хозяйственного строительства крестьян. Наоборот — эти ростки только пробивались. Независимо от этого, политическая обстановка требовала от крестьян общих усилий и общего напряжения в другой смежной области. Необходимо было достигнуть единения не только в пределах того или иного села, но в пределах целых уездов и губерний, входящих в состав освободившегося района. Необходимо было достигнуть общего решения вопросов, общих всему району. Для этого необходимо было создание соответствующих органов. И крестьяне не замедлили создать их. Районные с'езды крестьян, рабочих и повстанцев стали такими органами. Этих с'ездов за время свободы района состоялось три. На них крестьянство успело сплотиться, осмотреться вокруг, определить стоявшие перед ним хозяйственные и политические задачи. На первом же районном с'езде, происходившем 23 янв. 1919 г. в с. Б. Михайловке, крестьяне обратили главное свое внимание на опасность петлюровщины и деникинщины.

Петлюровцы организовывали в стране новую государственность. Под обманным лозунгом защиты страны они проводили повсеместную мобилизацию, затягивая, таким образом, революционный народ в узел нового рабства. Революционное крестьянство всего Приазовья решило энергично бороться с этой опасностью. Оно создало несколько отрядов и комиссий и послало их в район петлюровской директории с целью раз'яснять там широким массам всю ложь новой демократической власти, призвать массы к неповиновению этой

власти, к бойкоту об'явленной ею мобилизации и к продолжению повстания до свержения этой власти.

Деникинцы представляли собою еще большую опасность свободному району. Они шли войной вообще на русскую революцию во всех ее видах и представляли собою один из потоков той общей контр-революции, которая ставила себе целью восстановление разрушенной монархии. Эта контр-революция вышла на свет божий сейчас же, как только, после низвержения царизма, дворянское сословие мало-мальски пришло в себя и осмотрелось. Генералы Корнилов, Каледин, Краснов, Алексеев, Колчак и Деникин — это все вожди одной и той же общей монархической контр-революции в России. Они — живые куски низвергнутой монархии. Хотя многие из них и прибегали к демократическим лозунгам, шли под флагом учредительного собрания, однако, — делали это только по тактическим соображениям. Отдавая дань времени, они надеялись таким образом успешнее пройти первые шаги по восстановлению монархии. Какой бы то ни было республиканский дух был им абсолютно чужд.

Второй районный с'езд крестьян, рабочих и повстанцев собрался через три недели после первого — именно 12-го февраля 1919 года в с. Гуляй--Поле. На этом с'езде всесторонне был обсужден вопрос об опасности, надвигавшейся на свободный район со стороны контрреволюции Деникина. Армия последнего состояла из подобранного контр-революционного элемента — кадрового офицерства и старого казачества. Крестьяне прекрасно знали, как будет решаться спор между ними и этой армией. Поэтому они немедленно приняли меры для усиления своей самоохраны. Повстанческая армия махновцев имела к этому времени в своих рядах около 20 тысяч бойцов добровольцев. Многие из них были крайне переутомлены и истрепаны, участвуя в течение 5—6 месяцев в беспрерывных боях. Между тем, деникинцы быстро усиливались и нависали над свободным районом огромной опасностью. В виду этого, второй с'езд крестьян, рабочих и повстанцев постановил организовать добровольную уравнительную

мобилизацию по району за 10 лет. Мобилизация предполагалась добровольной, основанной на совести и добром пожелании каждого. Постановление с'езда о ней имело лишь тот смысл, что с'езд своим авторитетом подчеркивал необходимость пополнить повстанческую армию свежими бойцами*). «Уравнительная» в этой мобилизации означало то, что крестьяне разных сел и волостей брали на себя обязанность поддерживать армию бойцами на равных приблизительно основаниях.

Как только среди крестьян были распространены резолюции с'езда о добровольной мобилизации, — каждое село стало слать в Гуляй-Поле массы свежих добровольцев, из'явивших желание итти на деникинский фронт. Определилась огромная цифра таких бойцов. Между тем, в районе не было вооружения, благодаря чему не удалось во-время сформировать новые повстанческие части. Это роковым образом отозвалось на судьбе района во время общего наступления деникинцев в июне 1919 г. Но об этом речь ниже.

Для общего руководства борьбою с петлюровцами и деникинцами, а также для задач внутренней общественной связи, информации и отчета, для проведения в жизнь разнообразных постановлений с'ездов, на втором с'езде был создан Районный Военно-революционный Совет крестьян, рабочих и повстанцев. В него вошли представители 32 волостей Екатеринославской и Таврической губерний и от повстанческих частей. Он охватывал всю местность свободного района, обнимал, по поручению с'ездов, все дела общественно-политического и военного характера и являлся как бы высшим органом всего движения. Но он ни в какой степени не был органом властным. Он получил только исполнительную

---

*) Некоторые члены армии, а также некоторые крестьяне толковали после эту мобилизацию, как обязательную для каждого, входящего в указанные 10 лет. По их мнению, постановление с'езда, отражавшего волю трудящихся всего района, даже будучи выражено в пожелательной форме, должно быть выполнено полностью. Это — ошибка и заблуждение отдельных лиц. Постановление с'езда о мобилизации имело лишь смысл повсеместного призыва итти добровольно в армию.

функцию. Роль его — выполнять наказы и постановления с'ездов рабочих и крестьян. В любую минуту он мог быть распущен тем же с'ездом и прекратить свое существование.

С образованием Районного Совета общественная деятельность в районе пошла интенсивнее. Во всех селах подымались и решались вопросы, общие всему району. Главными вопросами были: военный, продовольственный и вопрос местного самоуправления. Мы говорили уже о военных мерах, предпринятых крестьянами в связи с обстановкой момента и местности. Продовольственный вопрос в полном масштабе — для всего населения района — пока не решался. Решение его в таком об'еме предполагалось на 4-м районном с'езде крестьян, рабочих, повстанцев и красноармейцев, созывавшемся на 15 июня 1919 г., но об'явленном советской властью вне закона. Об этом — ниже. Что же касается повстанческой армии, то содержание ее крестьянство брало на себя. В Гуляй-Поле был организован центральный отдел снабжения армии, куда с разных концов доставлялись продовольствие и фураж, направляемые затем оттуда на фронт.

В отношении органов общественного управления, крестьяне и рабочие всего района держались идеи Вольных Трудовых Советов. В отличие от политических советов большевиков и прочих социалистов, вольные советы крестьян и рабочих должны быть органами общественно-экономического самоуправления. Каждый такой совет является выполнителем воли местных тружеников и их организаций. Между собою советы вступают в необходимую связь, образуя высшие — в хозяйственном и территориальном отношении — органы народного самоуправления.

Однако, повсеместная боевая обстановка района крайне затрудняла создание этих органов, и в своем чистом виде организация их ни разу не была доведена до конца.

Общие положения о Вольном Совете крестьян и рабочих удалось впервые отпечатать лишь в 1920 г.

До этого же, в «Декларации» реввоенсовета армии махновцев, в главе о Вольном Советском строе, были даны общие начала трудовых советов крестьян и рабочих.

Мы видим, таким образом, как широкое крестьянство и часть рабочих, освободившись от режима гетмана и других властей, вдумчиво и деловито подошли к громадному делу построения новой жизни; как они, будучи в окружении разнообразных враждебных сил, здраво и верно принимали меры защиты от них своего, озаренного лучем свободы, района. Возникновение ряда свободных трудовых коммун, стремление создать органы общественного и экономического самоуправления являлись первыми шагами крестьян и рабочих в построении их свободной и независимой жизни. Нет никакого сомнения в том, что вся масса трудящихся, оставаясь свободной, пошла бы по этому пути, внесла бы в свое строительство много здорового, самобытного и мудрого, соорудив, таким образом, фундамент подлинно-свободного трудового общества.

Но на район уже надвигался исконный враг труда и свободы — власть. С севера двигалась государственная армия коммунистов-большевиков, с юго-востока — армия генерала Деникина.

Первыми пришли деникинцы. Еще в период борьбы крестьян с гетманом и, в особенности, в первые дни низвержения его, с Дона и Кубани просочились на Украину отдельные партизанские контр-революционные отряды генерала Шкуро и подошли к Пологам и Гуляй-Полю. Это была первая угроза освободившемуся району со стороны новой контр-революции. Естественно, армия повстанцев-махновцев повернула свои силы в эту сторону. К этому времени она состояла из нескольких полков пехоты и нескольких полков кавалерии, прекрасно организованных. Пехота в армии махновцев представляла собою исключительное, своеобразное явление. Вся она, подобно коннице, передвигалась на лошадях, но не верхом, а в легких рессорных экипажах, называемых на юге Украины «тачанками». Выстроившись в ряд или в два ряда, эта пехота двигалась, обыкновенно, быстрой рысью вместе с конницей, делая в среднем по

60—70 верст в день, а когда надо было, — и по 90—100 верст.

Деникин, расчитывая на запутанную украинскую обстановку, на борьбу петлюровской директории с большевиками, надеялся без особого труда занять большую часть Украины и поставить свой фронт — по крайней мере, первое время — за северными пределами Екатеринославской губернии. Но он неожиданно наткнулся на упорную, хорошо организованную армию повстанцев-махновцев. После нескольких боев деникинские отряды стали отступать обратно в направлении Дона и Азовского моря. В короткий срок все пространство от Полог и до моря было освобождено от них. Махновские части заняли ряд важных узловых станций и города Бердянск и Мариуполь. Начиная с этого времени (январь 1919 г.) здесь создался первый противоденикинский фронт, — фронт, на котором махновская армия в течение шести месяцев сдерживала поток контр-революции, лившийся с Кавказа. Он растянулся затем на сто с лишними верст, от Мариуполя по направлению на восток и северо-восток.

Борьба на этом фронте приняла упорный, ожесточенный характер. Деникинцы, подражая махновцам, стали прибегать к партизанскому способу действий. Отдельными конными отрядами они врывались в глубокий тыл района, производили там разрушение, пожарища и смерть, исчезали и вновь неожиданно появлялись уже в другом месте, производя подобное же разрушение. От этих набегов страдало исключительно трудовое оседлое население. Ему мстили за поддержку повстанческой армии, за несочувствие деникинцам, стараясь таким способом вызвать в нем реакцию против революции. Страдало от этих набегов также еврейское население, издавна живущее в приазовском районе самостоятельными колониями. Евреев отряды Деникина громили при каждом своем набеге, стараясь искусственно вызвать антисемитское движение, которое бы создало благоприятную почву для вторжения их на Украину. В этих контр-революционных набегах особенно проявил себя генерал Шкуро.

Однако, в течение четырех с лишним месяцев деникинцы, несмотря на подобранный состав войск и ожесточение, с каким нападали, не смогли осилить повстанческие войска, преисполненные революционного огня и не менее деникинцев искусные в партизанской войне. Наоборот, очень часто генералу Шкуро приходилось попадать под такие удары повстанческих полков, что лишь отступление на 80—120 верст к Таганрогу и Ростову спасало его от полной катастрофы. У стен Таганрога махновцы были в это время не менее 5—6 раз. Ожесточение и ненависть деникинских офицеров в отношении махновцев принимали невероятные формы. Пленных махновцев они подвергали различным истязаниям, рвали снарядами и были случаи, когда сжигали их на листах раскаленного железа*).

Во время этой упорной четырех-месячной борьбы военный талант Махно ярко проявился. Славу талантливого полководца за ним признали и его враги — деникинцы. Это, конечно, нисколько не помешало ген. Деникину обещать полмиллиона рублей тому, кто убьёт Махно.

Революционное повстанчество было попыткой народных масс воплотить в жизнь неосуществленные замыслы русской революции. Оно являлось органическим продолжением массового движения рабочих и крестьян в октябре 1917 г. и было проникнуто единством цели с этим движением и глубочайшим духом братства между трудящимися всех национальностей и областей.

Отметим следующий характерный факт. В начале 1919 г. повстанцы-махновцы, после ряда боев, отбросили деникинские войска к Азовскому морю, захватив у них около 100 вагонов хлеба в зерне. Первой мыслью Махно и штаба повстанческой армии было — послать все захваченные продовольственные трофеи голодающим рабочим Москвы и Петрограда. Широкая повстанческая масса восторженно приветствовала эту мысль. Хлеб, в количестве около 100 вагонов, был доставлен в Петро-

---

*) См. „Путь к Свободе“ №№ 2—3.

град и Москву, в сопровождении махновской делегации, горячо принятой Московским Советом.

* * *

Большевики пришли в район махновщины значительно позже деникинцев. Повстанцы-махновцы дрались с последними уже в течение трех месяцев, выгнали их из своего района и провели линию фронта восточнее Мариуполя. Лишь после этого в Синельниково пришла первая дивизия большевиков во главе с Дыбенко.

Сам Махно и революционное повстанчество были для большевиков неизвестностью. До этого в коммунистической прессе — московской и провинциальной — о Махно писали, как об отважном повстанце, много обещающем в будущем. Его борьба, сначала с гетманом Скоропадским, затем с Петлюрой и Деникиным, заранее расположила в его пользу видных вождей большевизма. Им казалось несомненным, что революционные отряды махновцев, дравшиеся против стольких разнообразных контр-революций на Украине, вольются в красную армию. Поэтому они, не познакомившись с Махно на месте, заранее восхваляли его, предоставляя для этого столбцы своих столичных газет. В духе этих восхвалений произошла первая встреча большевистского военного командования с Махно (март 1919 г.). Ему немедленно было предложено войти со своими отрядами в красную армию в целях одоления Деникина общими силами. Идейные и политические особенности революционного повстанчества считались вполне естественными, не могущими никоим образом препятствовать об'единению на почве общего дела. Они остаются неприкосновенными.

Махно и штаб повстанческой армии прекрасно видели, что приход к ним коммунистической власти несет с собою новую угрозу свободному району; что это — вестник гражданской войны с другого конца. Но этой войны ни Махно, ни штаб армии, ни районный совет не хотели. Она могла гибельно отразиться на судьбе всей украинской революции. Главным образом принималось во внимание то, что с Дона и Кубани шла сорганизовав-

шаяся откровенная контр-революция, с которой мог быть только один разговор — разговор оружием. Опасность ее с каждым днем разросталась. У повстанцев была надежда, что борьба с большевиками ограничится идейной областью. В этом случае, они были абсолютно спокойны за свой район, так-как сила революционных идей, революционное чутье и недоверчивость крестьян к посторонним явились бы лучшими защитниками района. Общее мнение руководителей повстанчества было то, что все свои силы следует направить против монархической контр-революции, и уже после её ликвидации обратиться к идейным расхождениям с большевиками. В таком смысле состоялось об'единение армии махновцев с красной армией. Ниже мы увидим, что руководители махновщины ошиблись, надеясь найти в большевиках только идейных противников. Они упустили из вида, что имеют дело с наиболее законченными насильниками-государственниками. Но ошибки, если они не приводят к гибели, полезны. И данная ошибка пошла впрок махновцам.

Повстанческая армия вошла в состав красной армии на следующих основаниях: а) внутренний распорядок ее остается прежний; б) она принимает политических комиссаров, назначаемых Комвластью; в) она подчиняется высшему красному командованию лишь в оперативном отношении; г) армия с противоденикинского фронта никуда не уводится; д) армия получает военное снаряжение и содержание наравне с частями красной армии; е) армия продолжает называться Революционной Повстанческой, сохраняя при себе черные знамёна.

Армия повстанцев-махновцев была построена на трех основных принципах — на добровольчестве, выборном начале и на самодисциплине.

Добровольчество означало то, что армия состоит лишь из революционных, добровольно вошедших в нее бойцов.

Выборное начало означало то, что командиры всех частей армии, члены штаба и совета армии и, вообще, все лица, занимающие ответственные посты в армии, должны быть избираемы или утверждаемы пов-

станцами соответствующих частей или собраниями всех частей армии.

Самодисциплина означала то, что все правила армейской дисциплины вырабатывались избранными комиссиями повстанцев, утверждались общими собраниями армейских частей и соблюдались под строгой ответственностью каждого повстанца и командира.

При вхождении в красную армию все эти основания сохранились в махновской армии. Она получила вначале название третьей бригады, затем была переименована в Первую Революционно-Повстанческую Украинскую дивизию, а еще позже получила название «Революционной Повстанческой армии Украины (махновцев)». Политическая сторона в соглашении отсутствовала. Соглашение было исключительно военным. Благодаря этому, жизнь района, его общественное и революционное развитие продолжали итти прежним путем — т.-е. путем самодеятельности трудящихся, не допускавших в район никакой внешней власти. Ниже мы увидим, что это послужило единственной причиной вооруженного нападения большевиков на этот район.

Со времени образования районного совета—февраль 1919 г.—район прочно об'единился. Идея вольных трудовых советов достигла отдаленых сел района. В создавшейся обстановке крестьяне медленно подходили к созданию этих советов, но всюду они прочно держались за их идею, чувствуя, что они стоят на здоровой почве, на которой только и возможно строительство их свободного общежития. В то же время в районе зрел и вставал во весь рост вопрос о непосредственном союзе с рабочими ближайших городов. Эта связь должна была, минуя государственные органы, итти прямо в рабочую городскую массу, в предприятия, в профессиональные организации рабочих. Она была необходима для укрепления и дальнейшего развития революции. В районе сознавали, что такая связь поведет к борьбе с государственной партией, которая не уступит так просто своей власти над массами. Но это не казалось большой опасностью, так-как об'единенные крестьяне и рабочие легко умиротворили бы любую власть. А главное,

иных форм союза с рабочими, кроме прямых, ведущих к отставке власти и вызывающих ее сопротивление, и быть не могло. Именно в *таком* союзе деревни с городом и заключалась возможность укрепления и дальнейшего развития революции. «Рабочий, подай руку», — вот голос гуляй-польских крестьян-революционеров, обращенный в город. Со стороны крестьян освободившегося района это было единственно разумное. У себя они были абсолютно свободны; собой и продуктом своего труда распоряжались самостоятельно. Естественно, они хотели видеть в таком же положении городских рабочих и, подходя к ним, конечно, миновали всякого рода политические, государственные и иные непроизводящие организации, от которых они успели вдоволь натерпеться в прошлом. В то же время они желали, чтобы и рабочий так же непосредственно подошел к ним.

Вот как ставился в районе вопрос о связи с городскими рабочими. Он повсеместно распространялся и обсуждался, становясь лозунгом дня повстанческого района.

Естественно, при таких лозунгах, политические партии не могли иметь никакого успеха в районе. Когда они выступали в нём с планами государственного строительства, их встречали обыкновенно холодно, нередко с насмешками, как людей, пришедших со своим уставом в чужое хозяйство. Коммунистическая власть, начавшая с разных сторон проникать в район, оказалась действительно чужим лицом в нём.

Первое время она надеялась рассосать махновщину в рядах большевизма. Это оказалось пустой затеей. Повстанческая масса упорно шла своим путём. Государственные органы большевиков она целиком игнорировала. Разгон чрезвычайных комиссий вооруженной рукой крестьян был обычным явлением. В самом Гуляй-Поле власть ни разу не решилась организовать ни одного своего учреждения. В других местах эти учреждения являлись причиною кровавых столкновений между населением и властью. Положение для нее в районе создалось очень тяжелое.

Тогда большевики повели организованную борьбу с

махновщиной и как с идеей, и как с социальным движением.

Выступила прежде всего их печать. Она стала упорно называть махновское движение кулацким, его лозунги — контр-революционными, его действия — вредными для революции.

Угрозы начали сыпаться по адресу руководителей махновщины и со столбцов газет, и со стороны центральных властей. Район определенно стал блокироваться. Всех, направлявшихся в Гуляй-Поле или из него революционных работников стали хватать по дороге. Снабжение повстанческой армии снарядами и патронами сократилось в 5—6 раз. От всего этого веяло недобрым.

На 10 апреля 1919 года Военно-Революционный Совет назначил третий районный с'езд крестьян, рабочих и повстанцев. С'езд должен был определить задачи момента и дальнейшее направление революционной жизни района. На с'езд с'ехались делегаты от 72 волостей, представившие массу в 2 с лишним миллиона человек. Работа его прошла крайне оживленно. К сожалению, у нас нет под руками работ с'езда. Из них можно было бы видеть, как народная масса осторожно и пытливо искала своих путей в революции, своих форм жизни. Под конец своих работ с'езд получил телеграмму начальника дивизии Дыбенко, в которой организаторы с'езда об'являлись вне закона, а самый с'езд — контрреволюционным.

Это было первым открытым покушением большевиков на свободный район. Весь с'езд великолепно понял смысл его и вынес в резолюции негодующий протест против этого покушения. Протест с'езда сейчас же был отпечатан и распространен по району среди крестьян и рабочих. А несколько дней спустя Военно-Революционный Совет района дал достойный ответ коммунистической власти (в лице Дыбенко), указав, чем является Гуляй-Польский район в революции, и кто в действительности делает контр-революционное дело.

Этот ответ типично представляет одну и другую сторону, и мы печатаем его целиком. Вот он:

КОНТР - РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЛИ?

«Тов.» Дыбенко об'явил созванный в с. Гуляй-Поле на 10 апр. с. г. с'езд контр-революционным, а организаторов такового — вне закона, к которым должны быть применены, по его словам, самые суровые репрессивные меры. Приводим дословно его телеграмму:

«Из Новоалексеевки № 283. 10 числа 22 ч. 45 мин. По нахождении, т-щу Батько Махно, штаб дивизии Александровск. Копия Волноваха, Мариуполь, по нахождению т-щу Махно. Копия Гуляй-Польскому Совету:

Всякие с'езды, созванные от имени распущенного, согласно моего приказа, военно-революционного штаба, считаются явно контр-революционными и организаторы таковых будут подвергнуты самым репрессивным мерам вплоть до об'явления вне закона. Приказываю немедленно принять меры к недопущению подобных явлений. Начдив Дыбенко».

Но прежде чем об'явить с'езд контр-революционным, «тов.» Дыбенко не потрудился узнать: от чьего имени и для чего созывался таковой, и благодаря этому он об'являет, что с'езд созывался от имени распущенного Гуляй-Польского Военно-революционного штаба, а на самом деле таковой созван Исполнительным Комитетом Военно-революционного Совета. Поэтому последний, как виновник созыва с'езда, не знает, считает ли его ««тов.» Дыбенко вне закона.

Если да, то позвольте «Вашу Высокопоставленную» личность познакомить с тем, кто и для чего созывал этот (по вашему явно контр-революционный) с'езд, и тогда, может быть, вам не будет он таким страшным, как вы его рисуете.

С'езд, как сказано выше, созывался Исполкомом Военно-революционного Совета Гуляй-Польского района на 10 апреля в с. Гуляй-Поле (как центральное село). Назывался третьим районным Гуляй-Польским с'ездом. Созывался для указания дальнейшего направления деятельно-

сти Военно-революционного Совета. (Видите, «тов.» Дыбенко, уже три таких «контр-революционных» с'езда было). Но вопрос: — откуда взялся и для чего создан районный Военно-революционный Совет? Если вы, «тов.» Дыбенко, не знаете, то мы вас познакомим. Районный Военно-революционный Совет образован согласно резолюции второго с'езда, бывшего в с. Гуляй-Поле 12 февраля с. г. (видите, как давно, когда вас здесь еще не было), для того, чтобы организовать фронтовиков и провести добровольную мобилизацию, так как вокруг были кадеты, а повстанческих отрядов, составленных из первых добровольцев, недостаточно было для того, чтобы занять широкий фронт. Советских войск в нашем районе никаких не было, да от них население района и не ждало большой помощи, а считало своим долгом самозащиту. Вот для этого-то и был образован Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района, куда, согласно резолюции второго с'езда, вошло по одному представителю от волости, а всего — 32 человека от волостей Екатеринославской и Таврической губ.

О созданном Военно-революционном Совете раз'яснение будет ниже, а теперь у нас создался вопрос: откуда взялся, кто созвал второй районный с'езд; от кого было разрешение, и об'явлен-ли тот, кто созвал его, вне закона, а если нет, то почему? Второй районный с'езд в с. Гуляй-Поле созван инициативной группой из пяти человек, избранных на первом с'езде. Второй с'езд состоялся 12-го февраля с. г., и к великому удивлению созвавшие его не были об'явлены вне закона, так как в то время не было такого героя, который бы дерзнул на права народа, добытые собственною кровью. Теперь опять перед нами вопрос: откуда взялся и кто созвал первый районный с'езд, не об'явлен-ли тот вне закона, а если нет, то почему? Вы, «тов.» Дыбенко, как видно, молоды в революционном движении на Украине и вас нам приходится знакомить с самым началом революционного движения на Украине. Ну, что же, мы познакомим, а вы, познакомившись, быть может, исправитесь немного.

Первый районный с'езд был 23 января с. г. в первом повстанческом лагере в с. Б. Михайловке из представителей от волостей, близко находившихся к фронту. В то

время советские войска были где-то далеко, далеко. В то время район был отрезан от всего мира: с одной стороны кадетами,*) а с другой — петлюровцами, и в это время лишь одни повстанческие отряды, во главе с батько-Махно и Щусем, наносили удар за ударом кадетам и петлюровцам. В селах и деревнях организации и общественные учреждения были не однообразны по названию. В одном селе был Совет, в другом — Народная Управа, в третьем — Военно-революционный Штаб, в четвертом — Земская Управа и пр. и пр., но дух был у всех революционный, и для укрепления фронта, для установления чего-либо однообразного в районе и был созван с'езд.

Его никто не созывал, он сам по себе с'ехался с согласия населения. На с'езде возник вопрос о том, чтобы вырвать из армии Петлюры своих братьев, насильно мобилизованных, и для этого была избрана делегация из пяти человек, которым был дан наказ проехать через штаб батько-Махно и др., где будет нужно, в армию украинской директории (имени Петлюры), дабы заявить своим братьям мобилизованным, что их обманули и что им следует оттуда уйти. Этой же делегации было поручено, по возвращении ее обратно, собрать более обширный с'езд для организации всего очищенного от контр-революционных банд района, для создания более могучего фронта. Делегаты, возвратившись, созвали второй районный с'езд вне всяких партий, власти и закона, ибо вы, «тов.» Дыбенко, и подобные вам законники, в то время находились далеко-далеко, а герои, вожди повстанческого движения, к власти над народом, который собственными руками разорвал цепи рабства, не стремились, а потому и с'езд не был об'явлен контр-революционным, а созвавшие его — вне закона.

Вернемся к районному Совету. С появлением Военно-революционного Совета Гуляй-Польского района в свет, в район прорывается советская власть. Но ведь с появлением советской власти Районный Совет не имел права оставить дела невыполненными, согласно вынесенной резолюции на втором с'езде. Он должен был выполнить данный ему с'ездом наказ, ничуть не уклоняясь в сторону, ибо

*) деникинцами.

Военно-революционный Совет не есть приказывающий, а только исполнительный орган. И он продолжал работать по мере своих сил, и работа была только в революционном направлении. Постепенно советская власть стала оказывать препятствия в работе Военно-революционного Совета, а комиссары и проч. ставленники советской власти на Военно - революционный Совет стали смотреть, как на контр - революционную организацию. И вот члены Совета решили созвать третий районный с'езд на 10 апреля в с. Гуляй-Поле, для указания дальнейшего направления деятельности Совета, или, может быть, с'езд найдет нужным ликвидировать его. И с'езд собрался. На с'езд с'ехались не контр-революционеры, а те, кто первые подняли знамя восстания на Украине, знамя социальной революции, для согласованности общей борьбы со всеми угнетателями. На с'езд явились представители от 72 волостей разных уездов и губерний и от нескольких воинских частей и нашли, что Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района необходим, и пополнили его Исполком, поручив ему провести в районе добровольную уравнительную мобилизацию. С'езд не мало удивлялся телеграмме «тов.» Дыбенко, об'являвшему с'езд «контр-революционным», в то время, когда этот район первый поднял знамя восстания, и на телеграмму вынес горячий протест.

Вот перед вами картина, «тов.» Дыбенко, которая должна Вам открыть глаза. Опомнитесь! Подумайте! Имеете ли вы, один человек, право об'являть слишком миллион народа контр-революционерами, который своими мозолистыми руками сбросил цепи рабства и теперь сам, по своему усмотрению строит свою жизнь?

Нет! Если вы истинный революционер, вы должны помогать ему в борьбе с угнетателями, в строительстве новой свободной жизни.

Могут-ли существовать законы нескольких человек, заявляющих себя революционерами, дающие право об'являть более революционный народ вне закона? (Исполком Совета олицетворяет собою всю массу народа).

Допустимо-ли и благоразумно ли вводить законы насилия в стране того народа, который только что сбросил всех законников и всякие законы?

Существует-ли такой закон, по которому революционер имел-бы право применить самые суровые меры наказания к той революционной массе, за которую он борется, и за то, что народная масса без разрешения взяла то хорошее, — свободу и равенство, — что революционер обещал?

Может-ли народная революционная масса молчать тогда, когда революционер отбирает у нее добытую ею свободу?

Следует-ли по закону революции расстреливать делегата за то, что он стоит за проведение в жизнь данного ему наказа избравшей его революционной массы?

Чьи интересы должен революционер защищать: партии или того народа, который своею кровью двигает революцию?

Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района стоит вне зависимости и влияния всяких партий, а только народа, избравшего его. А потому его обязанность проводит в жизнь то, что поручил ему избравший его народ и не препятствовать всем левым социалистическим партиям проповедывать свои идеи. А потому, если большевистская идея среди трудящихся будет иметь успех, то Военно-революционный Совет, с точки зрения большевиков организация явно контр-революционная, заменится другой, «более» революционной большевистской организацией. А покамест не мешайте нам, не насилуйте нас.

Если вы, «тов.» Дыбенко и подобные вам, будете вести в дальнейшем такую политику, как раньше, и если думаете, что она хороша и добросовестна, то тогда уж продолжайте свои грязные делишки. Об'являйте вне закона всех инициаторов районных с'ездов и тех с'ездов, которые созывались тогда, когда вы и ваша партия сидели в Курске. Об'являйте контр-революционерами всех, кто первые подняли знамя восстания, знамя социальной революции на Украине и везде пошли без вашего позволения, в точности не по вашей программе, а взяли левее. Об'явите вне закона и всех тех, которые послали своих представителей на районные с'езды, признанные вами контр-революционными. Об'явите вне закона и всех павших борцов, которые без вашего позволения приняли участие в повстанческом движении за

освобождение всего трудового народа. Об'являйте все революционные с'езды, собравшиеся без вашего разрешения, контр-революционными и незаконными, но знайте, что правда силу побеждает и Совет не откажется, несмотря на угрозы, от выполнения возложенных на него обязанностей, ибо он на это не имеет никакого права и не имеет права узурпировать права народа.

Военно-революционный Совет Гуляй-Польского района:

Председатель:

Чернокнижный, тов. пред-ля Коган,

секретарь Карабет.

Члены: Коваль, Петренко, Доценко и др.

После этого, вопрос о махновщине в высших большевистских сферах ставится резко и определенно. Официальная пресса, и до того писавшая о махновском движении в извращенном виде, стала теперь систематически поносить его, умышленно ложно приписывая ему всякий вздор, гадости и преступления. Следующий пример достаточно рисует большевиков в этом отношении. В конце апреля или начале мая 1919 г. ген. Шкуро, одураченный одним пленным махновцем, прислал Махно письмо, в котором, восхваляя самородковый военный талант его и сокрушаясь, что этот талант пошел по ложному революционному пути, предлагал ему об'единиться с армией деникинцев во имя спасения русского народа. Революционеры-повстанцы, читавшие это письмо у себя на широком заседании, немало смеялись наивности и тупости контр-революционного генерала, не знакомого даже с азбукой революции в России и на Украине. Они передали письмо в свою газету «Путь к Свободе» для напечатания и для высмеяния его. Письмо, в сопровождении насмешек, целиком было отпечатано в № 3 газ. «Путь к Свободе». Что же делают коммунисты-большевики? Они берут это письмо из махновской газеты, перепечатывают в своих газетах и с чудовищным бесстыдством заявляют, что это письмо перехвачено ими по дороге, что между Махно и Шкуро идут

переговоры о союзе, и что этот союз уже состоялся. Собственно, вся идейная борьба большевиков с махновщиной проходила в такой форме.

* * *

С средины апреля 1919 г. повстанческий район тщательно исследуется высшими чинами коммунистического правительства. 29-го апреля в Гуляй-Поле приезжает командующий южного фронта Антонов с целью познакомиться с самим Махно, махновским фронтом и настроением повстанчества. А 4—5 мая туда же приехал чрезвычайный уполномоченный Совета Обороны республики Л. Каменев с чинами харьковского правительства. В'езд Каменева в Гуляй-Поле был внешне дружественный, не оставлял желать ничего лучшего. Он приветствовал собравшихся крестьян и повстанцев, как героев, своими усилиями освободивших район от гетмана, отстоявших его от Петлюры и Деникина. Казалось, революционная самодеятельность крестьян нашла в лице Каменева своего пылкого восхвалителя. Однако, в официальной беседе с Махно, членами штаба и районного совета, Каменев повел речь далеко не в духе сочувствия самодеятельности трудящихся. Был поставлен вопрос о районном Военно-революционном Совете. Существование этого совета при советской власти Каменев нашел абсолютно недопустимым и предложил распустить его.

Как и должно ожидать от государственника, Каменев спутал два различных органа — Военно-революционный Совет республики, создаваемый правительственной партией, и Военно-революционный Совет трудовой массы, созданный ею непосредственно, в качестве ее исполнительного органа. Первый совет, действительно, может быть распущен очень просто — приказом центрального комитета партии; но второй совет никем не может быть распущен, кроме самой массы, создавшей его. Распустить его, помимо массы, может только контр-революционная сила, но никак не революционеры.

В таком смысле был дан ответ Каменеву. Ответ оказался довольно неприятным, вызвавшим жаркие споры. Несмотря на это, уезжая, Каменев, подобно Антонову, горячо распрощался с махновцами, высказал благодарность и всякие пожелания, расцеловался с Махно, уверяя, что с махновцами, как с подлинными революционерами, у большевиков всегда найдется общий язык, что с ними можно работать и должно работать совместно.

Были ли приезды большевистских наркомов в Гуляй-Поле действительно такими дружественными, как это можно было думать по их горячим пожеланиям, или же за внешней дружественностью наркомов уже тогда пряталась их непримиримая вражда к повстанческому району? Вернее последнее. Развернувшиеся в скором времени события в районе показали, что в большевистском мире давно зрела мысль о военном походе на независимое повстанчество. Приезд Антонова и Каменева в Гуляй-Поле можно рассматривать, как тщательную разведку большевиков перед их нападением на район. После этих посещений ничто не изменилось в отношениях большевиков к махновщине. Их агитационная кампания в прессе не только не ослабела, но наоборот — усилилась. Измышления, одно другого постыднее и гнуснее, не переставали пускаться ими по адресу махновцев. Всё показывало, что большевики стремятся подготовить мнение рабочих и красноармейцев к готовящемуся ими вооруженному нападению на вольный район. Месяцем раньше с их стороны была сделана попытка убить Махно из-за угла. Командир одного полка Падалка, подкупленный большевиками, взял на себя их «поручение» — напасть со стороны Покровского на Гуляй-Поле, когда там будет Махно, захватить его и штаб. Заговор был обнаружен самим Махно, когда он находился в Бердянске и через несколько минут должен был ехать в Гуляй-Поле. Его удалось предотвратить только потому, что под рукою у Махно оказался аэроплан, на котором он успел пролететь расстояние от Бердянска до Гуляй-Поля в два часа с минутами. Организаторы заговора были врасплох схвачены и казнены.

Неоднократно от товарищей, работавших в большевистских учреждениях, Махно получал предостережения — ни в коем случае не ехать по вызову ни в Екатеринослав, ни в Харьков, ибо каждый оффициальный вызов будет означать ловушку, готовящую ему смерть. Словом, всякий новый день говорил за то, что спор об идейном влиянии в украинской революции большевики не сегодня-завтра будут решать оружием. Мятеж Григорьева неожиданно заставил их внешне и на некоторое время изменить свое отношение к махновщине.

Глава шестая.

МАХНОВЩИНА (продолжение).

Мятеж Григорьева. — Первое нападение большевиков на Гуляй-Поле.

12-го мая 1919 г. в основной штаб махновцев, стоявший в Гуляй-Поле, пришла телеграмма следующего содержания:

Гуляй-Поле, батько-Махно по нахождению.

«Изменник Григорьев предал фронт. Не исполнив боевого приказа, он повернул оружие. Подошел решительный момент — или вы пойдете с рабочими и крестьянами всей России, или на деле откроете фронт врагам. Колебаниям нет места. Немедленно сообщите расположение ваших войск и выпустите воззвание против Григорьева, сообщив мне копию в Харьков. Неполучение ответа буду считать об'явлением войны. Верю в честь революционеров — Вашу, Аршинова, Веретельникова и др. Каменев. № 277. Реввоенконтролер Лобье.»

Штаб в своем расширенном составе, с участием представителей Военно-революционного Совета, немедленно обсудил телеграмму, сообщающую о событии, и само событие, и пришел к следующему заключению. Гри-

горьев — бывший царский офицер; накануне свержения гетмана он находился в рядах петлюровцев, руководя большими повстанческими отрядами, бывшими в распоряжении петлюровских властей. В дни разложения петлюровской армии, происшедшего под влиянием классовых противоречий, Григорьев со всеми своими частями перешел на сторону большевиков, пришедших к этому времени из центральной России, и стал действовать с ними против петлюровцев, сохранив за своими частями известную автономию и свободу действий. В Херсонской губернии сыграл значительную роль в ликвидации петлюровской власти. Занял Одессу. Затем до последнего времени держал фронт повстанческими отрядами в направлении Бессарабии.

Повстанческие отряды Григорьева и в организационном, а главное — в идейном отношении значительно отстали от махновского повстанческого района. Они не развивались, оставаясь все время в первоначальной стадии своего роста. От начала всеобщего повстания они были проникнуты революционным духом, но в самих себе и крестьянской среде, откуда вышли, они не отыскали тех исторических задач труда и того яркого социального знамени, какие были у махновцев. При своем богатом революционном под'еме, они имели неустойчивый, далеко не определенный социальный идеал, благодаря чему подпадали под руководство то петлюровцев, то Григорьева, то большевиков.

Сам Григорьев никогда не был революционером. В его поведении, когда он состоял в рядах петлюровцев, а затем в рядах красной армии, было много авантюристического. Он был преимущественно простым воякой, которому стихия народного повстания дала некоторое место и простор. Физиономия его имела чрезвычайно пёстрый вид: в нём была и доля сочувствия забитому крестьянству, и властничество, и атаманское озорство, и национализм, и антисемитизм. Что заставило его выступить против большевиков? Для штаба махновцев это было неизвестностью. Имелись веские данные за то, что сами большевики спровоцировали его на выступле-

ние, дабы ликвидировать его автономные повстанческие отряды, которые хотя и не преследовали самостоятельных революционных целей, как махновцы, но по своей форме и содержанию были все-таки враждебны идее большевизма. Как бы то ни было, но движение Григорьева против большевиков являлось, в глазах махновцев, не революционным, не трудовым, а лишь военным, политическим, заслуживающим полного презрения с их стороны. Это особенно стало ясным, когда Григорьев выпустил свой «Универсал», представлявший собою проповедь национальной вражды между трудящимися. Единственное во всем движении, достойное, по мнению махновцев, внимания и сожаления, — это повстанческие массы, увлеченные Григорьевым обманным путем в политическую авантюру.

Таково заключение, к которому пришли махновцы, обсудив григорьевское движение. И в соответствии с этим штаб армии начал реагировать на событие. Прежде всего было сделано следующее распоряжение по фронту:

«Мариуполь. Полевой штаб армии махновцев. Копия всем начальникам боевых участков, всем командирам полков, баталионов, рот и взводов. Предписываю прочесть во всех частях войск имени батько-Махно. Копия Харьков Чрезвычайному Уполномоченному Совета Обороны Каменеву.

Предпринять самые энергичные меры к сохранению фронта. Ни в коем случае недопустимо ослабление внешнего фронта революции. Честь и достоинство революционера заставляют нас оставаться верными революции и народу и распри Григорьева с большевиками из-за власти не могут заставить нас ослабить фронт, где белогвардейцы стремятся прорваться и поработить народ. До тех пор пока мы не победим общего врага в лице белого Дона, пока определенно и твердо не ощутим завоеванную своими руками и штыками свободу, мы останемся на своем фронте, борясь за свободу народа, но ни в коем случае не за власть, не за подлость политических шарлатанов.

Комбриг Батько-Махно. Члены штаба (подписи).»

Одновременно с этим штаб послал в ответ Каменеву следующую телеграмму:

«Харьков. Особоуполномоченному Совета Обороны республики Каменеву. Копия Мариуполь. Полевой штаб.

По получении от вас и от Рощина*) телеграфного известия о Григорьеве, мною немедленно дано было распоряжение — держать фронт неизменно верно, не уступая ни одной пяди из занимаемых позиций Деникину и прочей контр-революционной своре, и выполняя свой революционный долг перед рабочими и крестьянами России и всего мира. В свою очередь заявляю вам, что я и мой фронт останутся неизменно верными рабоче-крестьянской революции, но не институтам насилия, в лице ваших комиссариатов и чрезвычаек, творящих произвол над трудовым населением . Если Григорьев раскрыл фронт и двинул войска для захвата власти, то это — преступная авантюра и измена народной революции, и я широко опубликую свое мнение в этом смысле. Но сейчас у меня нет точных данных о Григорьеве и о движении, с ним связанном; я не знаю, что он делает и с какими целями; поэтому выпускать против него воззвание воздержусь до получения о нем более ясных данных. Как революционер-анархист, заявляю, что никоим образом не могу поддерживать захват власти Григорьевым или кем-бы то ни было; буду по-прежнему с товарищами-повстанцами гнать деникинские банды, стараясь в то же время, чтобы освобождаемый нами тыл покрывался свободными рабоче-крестьянскими соединениями, имеющими всю полноту власти у самих себя; и в этом отношении такие органы принуждения и насилия, как чрезвычайки и комиссариаты, проводящие партийную диктатуру — насилие даже в отношении анархических об'единений и анархической печати, встретят в нас энергичных противников.

Комбриг Батько-Махно. Члены штаба (подписи).

Предс. Культ.-Просв. Отд. Аршинов.»

---

*) Одновременно с телеграммой Л. Каменева была получена на имя Махно телеграмма от Гроссмана-Рощина (советского анархиста), говорившая о том же событии.

В то же время из представителей штаба и Военно-революционного Совета была организована комиссия и направлена в район григорьевского движения, с целью разоблачить Григорьева в глазах повстанцев и звать последних под революционное знамя махновщины. Григорьев же, между тем, заняв Александрию, Знаменку, Елисаветград, подошел к Екатеринославу, чем причинил большие тревоги коммунистической власти, бывшей в Харькове. Последняя с опасением посматривала в сторону Гуляй-Польского района. Каждый слух оттуда, каждая телеграмма Махно с жадностью ловились и печатались в советской прессе. Конечно, эти опасения были ничем иным, как плодом невежества советских правительственных чиновников, допускавших мысль, что революционер-анархист Махно вдруг выступит против них совместно с Григорьевым. Махновщина всегда держалась принципиальных позиций, руководствовалась идеалами социальной революции, идеалами безвластного трудового общежития. Она, поэтому, никогда не могла об'единиться с отдельными противобольшевистскими выступлениями на том только основании, что и сама махновщина шла против большевизма. Наоборот — движение, подобное григорьевскому, создавало лишнюю угрозу свободе трудящихся и, поэтому, являлось таким же враждебным махновщине, как и большевизм. И на самом деле, на протяжении всего своего существования, махновщина ни с одним противобольшевистским движением не об'единялась, а боролась с одинаковым героизмом и жертвами, как с большевизмом, так и с петлюровцами, Григорьевым, Деникиным, Врангелем, считая все эти движения стремлением властнических групп к порабощению и эксплуатации трудовых масс. Даже попытки некоторых лево-эсеровских групп к совместной борьбе с большевиками были отвергнуты на том основании, что лево-эсеровщина, как политическое движение, есть в сущности тот же большевизм, т.-е. государственное порабощение народа социалистической демократией.

Сам Григорьев, во время своего мятежа, несколько раз пытался связаться с Махно. Но из всех его теле-

грамм в Гуляй-Поле дошла лишь одна, следующего содержания: «Батько! Чего ты смотришь на коммунистов? Бей их. Атаман Григорьев.» Телеграмма эта осталась, конечно, без ответа, а через два-три дня штаб, при участии представителей воинских частей с повстанческого фронта, вынес окончательное осуждение Григорьеву, выпустив против него отдельное воззвание. Вот оно:

КТО ТАКОЙ ГРИГОРЬЕВ?

«Братья трудящиеся! Когда мы год тому назад выступили на путь беспощадной борьбы с германо-австрийским нашествием, с гетманщиной, а затем с петлюровщиной и деникинщиной, — мы ясно отдавали себе отчет в этой борьбе и с первого же дня мы пошли под знаменем, на котором написано: освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся. Эта борьба привела нас к многочисленным победам глубокого смысла — мы изгнали германцев, сбросили гетмана, не дали утвердиться мелкобуржуазному царству Петлюры и приступили к созидательной работе на освобожденной нами земле. Одновременно с этим мы постоянно предупреждали широкие массы народа о том, чтобы они зорко следили за тем, что делается вокруг них; что многочисленные хищники рыскают кругом, высматривая только удобный момент, когда бы они могли захватить власть и укрепиться на народной спине. Сейчас об'явился новый хищник в лице атамана Григорьева, который, каркая народу о его бедствиях, труде и угнетении, несет на самом деле старый разбойничий порядок, при котором труд народа будет порабощен, бедствия его возрастут, неволя закрепится, права упадут. Обратимся к самому атаману Григорьеву.

Григорьев старый царский офицер. В первые дни украинской революции он сражался за Петлюру против советского строя, затем перебежал на сторону советской власти, а теперь выступил и против советской власти, и против революции вообще. Что говорит Григорьев? С первых слов своего «Универсала» он говорит, что Украиной управляют люди, распявшие Христа, и люди, пришедшие из «московской обжорки». Братья! разве вы не слышите

в этих словах мрачного призыва к еврейскому погрому? Разве вы не чувствуете стремление атамана Григорьева порвать живую братскую связь революционной Украины с революционной Россией? Григорьев говорит о мозолистых руках, о святом труженике и т. д. Но кто теперь не говорит о святом труде, о благе народа? И белогвардейцы, насилующие нас и наши земли, говорят, что они борются за трудовой народ. Но мы знаем, какое они благо дают народу, когда прибирают его к своим рукам.

Григорьев говорит, что он борется против комиссаров, за подлинную власть советов. А в том же самом «Универсале» он пишет: «Я, атаман Григорьев ... вот вам мой приказ — избирайте своих комиссаров». И далее, заявляя, что он против пролития крови, Григорьев в том же «Универсале» об'являет мобилизацию и рассылает гонцов на Харьков, на Киев и пишет: «Приказ мой прошу исполнить, все остальное сделаю сам». — Что это? Подлинная власть народа? Но ведь и царь Николай считал свою власть подлинною властью народа. Или атаман Григорьев думает, что его приказы не будут властью над народом и что его комиссары не будут комиссарами, а будут ангелами? Братья! Чувствуете-ли вы, как шайка авантюристов, натравливая вас друг на друга, мутит ваши революционные ряды и старается незаметно за вашей спиной и при помощи ваших рук сесть вам на шею? Остерегайтесь! Предатель Григорьев, нанесший революции большой удар внутри, в то же время подымает на ноги буржуазию. Воспользовавшись его погромным движением, уже стремятся прорваться к нам внутрь из Галиции Петлюра, а с Дона — Деникин. Горе будет украинскому народу, если он сразу же не пресечет все эти внутренние и внешние авантюры.

Братья крестьяне, рабочие и повстанцы! Многие из вас будут задаваться вопросом, — как же быть с теми многими повстанцами, которые честно сражались за революцию, а теперь, благодаря предательству Григорьева, очутились в его позорных рядах? Считать ли их контр-революционерами? Нет. Эти товарищи являются жертвой обмана. Мы уверены, что здоровое чутье революционеров подскажет им, что Григорьев обманул их и они уйдут от него вновь под знамена революции.

Мы должны здесь сказать, что причины, создавшие все движение Григорьева, заключаются не только в самом Григорьеве, но в большей степени в том беспорядке, который установился у нас на Украине последнее время. Со времени пришествия большевиков у нас установилась диктатура их партии. Как партия государственная, партия большевиков всюду настроила государственные органы для управления революционным народом. Всё должно подчиниться им и жить под их бдительным оком! Всякое сопротивление, протест или даже самостоятельное начинание душились чрезвычайными комиссиями. В добавок все эти органы составлены из лиц далёких от труда и от революции. Таким образом, создалось положение, при котором весь трудовой и революционный народ попал под надзор и управление людей чуждых трудящимся, склонных к произволу и насилию над ними. Так проявилась диктатура партии коммунистов-большевиков. Это создало в массах озлобление, протест и враждебное настроение к существующему порядку. Этим воспользовался Григорьев в своей авантюре. Григорьев предатель революции и враг народа, но партия коммунистов-большевиков является не меньшим врагом труда. Своей безответственной диктатурой она создала в массах озлобление, которым сегодня воспользовался Григорьев, а завтра воспользуется какой-либо другой авантюрист. Поэтому изобличая атамана Григорьева в предательстве революции, мы в то же время требуем к ответу коммунистическую партию за григорьевское движение.

Мы снова напоминаем трудовому народу, что избавления от окружающего его гнета, насилия и нищеты народ может достигнут только своими народными усилиями. Никакая смена властей не поможет ему в этом. Только через свои свободные рабоче-крестьянские организации трудящиеся могут достичь берегов социальной революции — полной свободы и подлинного равенства. Смерть и гибель предателям и врагам народа! Долой национальную вражду! Долой провокаторов! Да здравствует всеобщая сплоченность рабочих и крестьян! Да здравствует всемирная свободная трудовая коммуна!

Подписали: Коллегия штаба дивизии войск имени

Батько-Махно. Члены Коллегии: Батько-Махно, А. Чубенко, Михалев-Павленко, А. Ольховик, П. М. Чучко, Е. Карпенко, М. Пузанов, В. Шаровский, П. Аршинов, Б. Веретельников.

Присоединились:

Члены Исполкома Совета раб. крестьян. и кр.-арм. депутатов г. Александровска: Предс. Уездного Исполкома Андрющенко, Завед. отд. Упр. Шпота, Завед. отд. Гаврилов, Член горисполкома политком А. Бондарь.»

Обращение это было в громадном количестве экземпляров распространено среди крестьян и на фронте и отпечатано особо в главном органе повстанцев-махновцев «Путь к Свободе» и в анархической газете «Набат».

Григорьевская авантюра так же быстро пошла ко дну, как быстро она всплыла на поверхность. Она привела к нескольким еврейским погромам, из которых один — в г. Елисаветграде — имел огромные размеры. В результате, широкие повстанческие массы быстро отошли от Григорьева. Крестьянство не могло его поддерживать, ибо видело в нем пустоту. Григорьев остался с отрядом в несколько тысяч человек, укрепившись в Александрийском уезде Херсонской губ. Тем не менее, эта авантюра причинила достаточно тревог большевикам. Но как только для них стала ясна позиция Гуляй-Польского района, они облегченно и уверенно вздохнули. Советская власть стала всюду трубить об отрицательном отношении махновцев к григорьевскому мятежу. Она стремилась использовать позицию махновцев в целях широкой агитации против Григорьева. Имя Махно не сходило со столбцов советской прессы. Телеграммы его перепечатывались. Его величали подлинным стражем рабоче-крестьянской революции. Им даже пугали Григорьева, сочинив историю, что Григорьев со всех сторон окружен войсками Махно и будет пленен им или до основания уничтожен.

Однако, все это хвалебное отношение к Махно было лицемерным и продолжалось не долго. Лишь только опасность Григорьева миновала, началась прежняя агитация большевиков против махновщины. Приехавший к этому времени на Украину Троцкий дал тон этой аги-

тации: — Повстанчество есть движение богатых кулаков, стремящихся утвердить в стране свою власть. Все разговоры махновцев и анархистов о безвластном общежитии трудящихся есть не больше, как хитрость с их стороны. На самом же деле и махновцы, и анархисты стремятся к своей анархической власти, которая есть власть богатых кулаков (газета «В Пути» № 51, статья Троцкого «Махновщина»). Одновременно с этой, заведомо-лживой агитацией, блокада района усилилась до чрезвычайности. С большими трудностями удавалось пробираться в него тем рабочим революционерам, которых симпатии к независимому и гордому району влекли из далеких мест России — из Иваново-Вознесенска, Москвы, Петрограда, с Волги, Урала и Сибири. Доставка патронов и необходимого снаряжения, ежедневно расходуемых на фронте, прекратилась совсем. Еще за две недели до этого, в момент григорьевского мятежа в Гуляй-Поле приезжал из Харькова Гроссман-Рощин, и ему было представлено тяжелое положение фронта из-за отсутствия патронов и снарядов. Представление это было горячо принято Рощиным, взявшим на себя обязанность хлопотать в Харькове о немедленной высылке на фронт необходимого снаряжения. После этого прошло более двух недель, патроны не присылались, положение фронта становилось катастрофическим. И это в то время, когда деникинцы неимоверно усилились на этом фронте полками кубанских пластунов и кавказскими формированиями.

Отдавали ли себе большевики отчет в том, что они делают, и в том, каковы будут последствия их дел в осложнявшейся украинской обстановке?

Отчет в своих действиях они, конечно, отдавали себе. Тактику блокады они вели в целях низведения к нулю военной силы района. С безоружным легче бороться, чем с вооруженным. Повстанчество без патронов, связанное притом тяжелым деникинским фронтом, легче будет обезоружено, чем то же повстанчество, имеющее патроны. Но в то же самое время большевики не отдавали себе никакого отчета в обстановке всего донецкого района. Деникинский фронт и деникинские

силы были для них полной неизвестностью. Неизвестны были и ближайшие планы Деникина. А между тем, на Дону, Кубани и Кавказе, были сформированы громадные, хорошо обученные военные части для генерального похода на революцию. Встретив в течение первых четырех месяцев упорное сопротивление Гуляй-Польского района, деникинцы ни в каком другом месте не могли уже серьезно развивать своего наступления, так-как Гуляй-Польский район представлял собою серьезную угрозу левому флангу их движения на север. Все четырех-месячные ожесточенные попытки генерала Шкуро не устранили эту угрозу. Тем с большей энергией они подготовились ко второй компании, которая с мая мес. 1919 г. была поведена в громадных, неожиданных даже для махновцев, размерах. Всего этого большевики не знали, вернее не хотели знать, отдавшись целиком идее борьбы с махновщиной.

На свободный район, а вместе с ним и на всю украинскую революцию, опасность надвигалась, таким образом, с двух сторон. Тогда Гуляй-Польский Военно-революционный Совет, учитывая всю создавшуюся обстановку, решил созвать экстренный окружной с'езд крестьян, рабочих, повстанцев и красноармейцев от губерний: Екатеринославской, Харьковской, Таврической, Херсонской и Донецкой. С'езд должен был учесть создавшееся в округе положение, ввиду надвинувшейся смертельной опасности деникинской контр-революции и ввиду беспомощности советской власти предпринять что-либо для предотвращения этой опасности; он должен был определить задачи и практические мероприятия трудящихся в связи с создавшейся обстановкой.

Вот текст обращения по этому поводу Военно-Революционного Совета к трудящимся Украины:

ОБ'ЯВЛЕНИЕ О СОЗЫВЕ ЧЕТВЕРТОГО ЭКСТРЕННОГО С'ЕЗДА КРЕСТЬЯНСКИХ, РАБОЧИХ И ПОВСТАНЧЕСКИХ ДЕЛЕГАТОВ.

Телеграмма № 416.

Всем исполкомам: уездным, волостным и сельским Екатеринославской, Таврической губерний и рядом распо-

ложенных с ними уездов, волостей и сел; всем повстанческим частям первой украинской повстанческой дивизии имени батько-Махно и красноармейским частям, расположенным в районе данной местности. Всем. Всем. Всем.

«Исполком Военно-Революционного Совета, в заседании своем 30 мая, обсудив создавшееся положение на фронте, в связи с наступлением белогвардейских банд, и принимая во внимание обще-политическое и экономическое положение советской власти, находит, что выход из создавшегося положения может быть указан только самими трудящимися массами, а не отдельными лицами и партиями. На основании этого Исполком В. — Р. Совета гуляйпольского района постановил: созвать экстренный с'езд гуляй-польского района на 15 июня (нов. ст.) 1919 г. в с. Гуляй-Поле. Норма представительства: 1) крестьяне и рабочие от трех тысяч населения выбирают одного делегата. 2) Повстанцы и красноармейцы делегируют по одному делегату от каждой отдельной части (полка, дивизиона и т. д.) 3) от штабов: дивизии батько Махно — 2 делегата, и бригад — по 1 делегату. 4) От уездных исполкомов по 1 представителю от каждой фракции. 5) Уездные партийные организации, стоящие на платформе советского строя, делегируют по 1 представителю.

Примечание: а) выборы делегатов от трудовых крестьян и рабочих должны происходить на общих сельских, волостных, заводских и фабричных собраниях; б) отнюдь не отдельными собраниями членов советов и фабрично-заводских комитетов; в) за отсутствием в распоряжении Военно-Рев. Совета наличных средств посылаемые делегаты должны снабжаться необходимыми продуктами и средствами на местах.

Повестка дня: а) доклад Исполкома Военно-Революционного Совета и с мест; б) текущий момент; в) цель, значение и задачи Районного Гуляй-Польского Совета крестьянских, рабочих, повстанческих и красноармейских Делегатов; г) реорганизация районного военно-революцион. совета; д) постановка военного дела в районе; е) продовольственный вопрос; ж) земельный вопрос; з) финансовый вопрос; и) о союзах трудового крестьянства и

рабочих; к) об охране общественного порядка; л) об установлении правосудия в районе; м) текущие дела.

Исполком Военно-Революционного Совета.

Гуляй-Поле, 31 мая 1919 г.»

С момента этого воззвания начался общий военный поход большевиков на гуляй-польщину.

В то время, когда повстанческие войска гибли под напором казачьих лавин, большевики несколькими полками вторглись в повстанческие села с северной—тыловой—стороны, хватали и казнили на местах отдельных повстанческих работников, разрушали коммуны района или аналогичные организации. Несомненно, решающую роль в этом походе сыграл Троцкий, приехавший к этому времени на Украину. Не трудно догадаться, какие порывы зародились в его душе, когда он с некоторого расстояния увидел свободный район, услышал речи народа, живущего непосредственно и сознательно не замечающего новую власть, прочел газеты этого народа, в которых простым, безбоязненным языком называли его только государственным чиновником. Он, грозивший «железной метлой» всему анархизму в России, мог испытать при виде всего этого лишь чувство дикого, слепого раздражения, свойственное государственникам его типа. Целый ряд его приказов, направленных против махновщины, дышат этим чувством.

С развязностью, не знающей границ, Троцкий приступил к ликвидации махновского движения.

Прежде всего, в ответ на воззвание Гуляй-Польского Военно-Революционного Совета, он выпустил следующий приказ:

ПРИКАЗ № 1824 РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ. 4 ИЮНЯ 1919 ГОДА. Г. ХАРЬКОВ.

Всем военным комиссарам и исполкомам Александровского, Мариупольского, Бердянского, Бахмутского, Павлоградского и Херсонского уездов.

На 15 июня исполком Гуляй-Поля совместно со штабом бригады Махно пытается созвать советский и повстан-

ческий с'езд от уездов — Александровского, Мариупольского, Бердянского, Мелитопольского, Бахмутского и Павлоградского. Означенный с'езд целиком направлен против советской власти на Украине и против организации юж. фронта, в состав которого входит бригада Махно. Результатом с'езда может быть только новый безобразный мятеж в духе григорьевского и открытие фронта белогвардейцам, перед которыми бригада Махно неизменно отступает в силу неспособности, преступности и предательства своих командиров.

1. Означенный с'езд запрещается и ни в коем случае не может быть допущен.

2. Всё рабоче-крестьянское население должно быть предупреждено устно и печатно о том, что участие в с'езде будет рассматриваться, как государственная измена по отношению к советской республике и советскому фронту.

3. Все делегаты на означенный с'езд должны подвергаться незамедлительному аресту и представляться в военно-революционный трибунал 14-ой, бывшей 2-ой, украинской армии.

4. Распространителей воззваний Махно и гуляй-польского исполкома арестовывать.

5. Настоящий приказ вводится в действие по телеграфу и должен быть широко распространен на местах, вывешен на всех публичных местах и вручен представителям волостных и сельских исполкомов, всем вообще представителям советской власти, а также командирам и комиссарам частей.

Председатель реввоенсовета республики Троцкий.

Главнокомандующий Вацетис. Член реввоенсовета республики Аралов. Харьковский окрвоенком Кошкарев.

Документ классический. Каждому, занимающемуся изучением истории русской революции, следовало бы наизусть заучить его. Но с какой зоркостью и проникновением гуляй-польские крестьяне - революционеры, еще за месяц-полтора до этого, в своем знаменитом ответе Дыбенко, помещенном выше, предвосхитили весь этот приказ! Они в упор ставили большевикам следующие вопросы (стр. 101—102):

— «Могут-ли существовать законы нескольких человек, заявляющих себя революционерами, дающих право об'являть более революционный народ вне закона?»

Параграф 2-ой приказа Троцкого с точностью отвечает, что такие законы могут существовать, и что одним из них является этот приказ.

— «Существует-ли такой закон, — спрашивают далее гуляй-польцы, — по которому революционер имел бы право применять самые суровые меры наказания к той революционной массе, за которую он борется, и за то, что народная масса без разрешения взяла то хорошее, — свободу и равенство, — что революционер обещал?»

Тот же 2-ой пункт приказа Троцкого отвечает на это утвердительно: приказ в этом пункте заранее об'являет все рабоче-крестьянское население государственными изменниками, в случае если оно осмелится принять участие в своем свободном с'езде.

— «Следует-ли по закону революции расстреливать делегата за то, что он стоит за проведение в жизнь данного ему наказа избравшей его революционной массы?»

Пункты 3 и 4 приказа Троцкого говорят, что не только делегатов, защищающих наказ революционной массы, но и делегатов, только-что выбранных и не имеющих еще на руках никаких наказов революционной массы, должно арестовывать и расстреливать (представить в военно-революционный трибунал армии — это значит расстрелять, что и было сделано, например, с Костиным, Полуниным, Добролюбовым и другими, доставленными в трибунал армии по обвинению в о б с у ж д е н и и воззвания Гуляй-Польского Военно-Революционного Совета).

Весь приказ представляет собою такую оголенную узурпацию прав трудящихся, что приведенных коментариев к нему достаточно.

Виновником всех гуляй-польских явлений, всех революционных мероприятий района Троцкий, по заведенному шаблону, счел Махно. Он даже не постарался рассмотреть, что с'езд созывался не штабом бригады Махно и не исполкомом Гуляй-Поля, а совершенно незави-

симым от них органом — Военно-Революционным Советом Района. Характерно, что уже в этом приказе Троцкий роняет идею о предательстве махновских командиров, «неизменно отступающих перед белогвардейцами». Через несколько дней он и вся коммунистическая пресса будут трубить о раскрытии махновцами фронта Деникину.

Мы уже знаем, что этот фронт создан был усилиями и жертвами исключительно самих крестьян-повстанцев. Он был рожден в героический момент их жизни — в момент освобождения района от всяких властей и поставлен был на юго-востоке, как бдительный часовой и защитник их свободы. В течение шести с лишним месяцев повстанцы-революционеры сдерживали на нем один из сильнейших потоков монархической контр-революции, принесли в жертву несколько тысяч лучших своих сынов, мобилизовали все свои силы внутри района и готовились до последних сил отстаивать свою свободу от перешедшей в генеральное наступление контр-революции. До какой степени фронт этот был главным образом повстанческим, — даже самое последнее время, — показывает приведенная выше телеграмма Л. Каменева, присланная в Гуляй-Поле по поводу григорьевского мятежа. В ней он — чрезвычайный уполномоченный Москвы — обращается к Махно с запросом:—указать ему расположение повстанческих частей на деникинском фронте. Ясно, что с таким запросом он обратился к Махно только потому, что в Харькове, где он находился в то время, он не мог получить необходимых ему сведений даже от военного комиссариата или командующего фронтом. Несомненно, еще меньшее представление о южном противо-деникинском фронте имел Троцкий, приехавший на Украину, когда последняя с разных концов уже охватывалась контр-революционными пожарищами. Но Троцкому надо было иметь формальное оправдание своему преступному походу на революционный народ, и он с чудовищным цинизмом и наглостью заявил, что созываемый на 15 июня с'езд крестьян, рабочих и повстанцев направлен целиком против организации южфронта. Получилось следующее:

крестьяне и повстанцы прилагают все усилия для укрепления южного фронта, призывают всех способных носить оружие спешить добровольцами на противо-деникинский фронт (резолюция II-го районного с'езда от 12 февр. 1919 г. о добровольной уравнительной мобилизации за 10 лет) и в то же время эти же самые крестьяне и повстанцы организуют тайный заговор против своего же фронта. Можно думать, что такие утверждения исходят от душевно-нездоровых людей. Нет, это — утверждения здоровых людей, но привыкших относится к народу с безграничным цинизмом.

На приведенный приказ Троцкого, который советская власть не прислала в штаб армии махновцев, и о котором махновцы узнали случайно, два или три дня спустя, Махно немедленно ответил телеграммой, в которой заявлял о желании своем уйти с командного поста, ввиду создавшегося невозможно-нелепого положения. Текста этой телеграммы, к сожалению, у нас не имеется.

Приказ Троцкого вводился в действие по телеграфу. Все пункты его большевики военным порядком воплощали в жизнь. Собрания рабочих александровских мастерских, обсуждавших воззвание В.-Р. Совета гуляй-польск. района, были разогнаны силой и поставлены вне закона. Крестьянам грозили просто расстрелом и веревкой. В разных местах района были схвачены ряд лиц — Костин, Полунин, Добролюбов и др., — обвинены в распространении воззваний Военно-Рев. Совета и казнены шемякиным судом военно-революционного трибунала. Помимо этого приказа, Троцкий издал ряд приказов по войскам красной армии, призывая последнюю к уничтожению махновщины в самом ее корне. И кроме того, им был дан тайный приказ, предписывавший схватить во что бы то ни стало Махно, членов штаба, культурных работников движения и предать их суду военно-революц. трибунала, т.-е. казнить.

По свидетельству одного ответственного лица, командовавшего несколькими красноармейскими дивизиями, а также ряда других лиц, занимавших в то время у большевиков высокие военные посты, политика Троцкого в отношении махновщины была выражена им при-

близительно в следующей форме: лучше отдать всю Украину Деникину, нежели допустить дальнейшее развитие махновщины. Деникинщину, как открытую контрреволюцию, всегда можно разложить классовой агитацией. Махновщина же идет в низах масс и, в свою очередь, подымает массы против нас. —

За несколько дней до этих событий Махно сделал сообщение штабу и Совету о том, что большевики сняли несколько своих полков с гришинского участка, чем открыли свободный проход деникинцам в гуляй-польский район с боковой, северо-восточной стороны. Действительно, казачьи орды ворвались в район не со стороны повстанческого фронта, а с левого фланга, где стояли красноармейские части. Благодаря этому армия махновцев, державшая линию Мариуполь —Кутейниково — —Таганрог, оказалась обойденной деникинцами. Последние влились громадными силами в самое сердце района.

Выше мы говорили, что крестьяне по всему району ожидали общего наступления деникинцев; они готовились к нему, остановившись на добровольной мобилизации за 10 лет. Еще в апреле месяце крестьяне разных сел прислали в Гуляй-Поле множество свежих бойцов. Но в районе не было оружия. Даже находившиеся на фронте старые части оставались без патронов и часто делали наступление на деникинцев с исключительной целью отбить у них патроны. Большевики, обязавшиеся, в силу договора, доставлять снаряжение повстанцам, уже в апреле приступили к блокаде и саботированию района вооружением. Благодаря этому, несмотря на наличие добровольцев, не удалось во время сформировать свежие боевые части, и теперь район платился за это.

Крестьяне Гуляй-Поля в одинь день сформировали полк, стремясь спасти свое село. Вооружиться пришлось домашними средствами — топорами, пиками, отдельными винтовками, охотничьими ружьями и т. д. Они пошли навстречу казачьей лавине, пытаясь задержать ее поток. В 15 верстах от своего села, под селом Свято-

духовкой, Александровского уезда, они столкнулись с превосходными силами донских и кубанских казаков. Гуляй-польцы вступили с ними в ожесточенную героическую борьбу, но пали почти все, вместе со своим командиром — Б. Веретельниковым, рабочим Путиловского завода и уроженцем Гуляй-Поля. Громадная волна казачества устремилась тогда на Гуляй-Поле и 6 июня заняла его. Махно со штабом армии и небольшим отрядом при одной батарее отступил на ж.-д. станцию Гуляй-Поле, отстоящую в семи верстах от села, но к вечеру пришлось сдать и станцию. На другой день, сорганизовав все бывшие под руками силы, Махно повел наступление на Гуляй-Поле, выбил из него деникинцев и занял село. Однако, подошедшая новая волна казаков заставила его вновь покинуть село.

Надо заметить, что большевики, выпустив против махновцев ряд приказов, первые дни держались с ними внешне лояльно, словно ничего между ними не произошло. Это была тактика, имевшая целью наиболее верно захватить руководителей махновщины. 7-го июня они прислали в распоряжение Махно бронепоезд, прося его держаться до последней возможности и обещая прислать подкрепления. Действительно, через день на ст. Гяйчур, отстоящую в 20 верстах от Гуляй-Поля, прибыло со стороны Чаплино несколько эшелонов красных войск; прибыли: военный комиссар Межлаук, Ворошилов и др. Был установлен контакт между красным и повстанческим командованием, создалось нечто в роде общего штаба. Межлаук, Ворошилов находились на одном бронепоезде с Махно, совместно с ним руководя военными действиями. Но в это же самое время в руках у Ворошилова был приказ Троцкого схватить Махно, всех ответственных руководителей махновщины, разоружить повстанческие части, сопротивляющихся расстрелять. Ворошилов выбирал более удобный для этого момент. Махно был во-время предупрежден и сообразил, что ему делать. Он учел создавшееся положение, увидел, что со дня на день могут разразиться кровавые события и искал здорового выхода. Уход свой с поста командующего повстанческим фронтом он считал наиболее здо-

ровым выходом. Об этом он заявил штабу повстанческой армии, добавив, что его работа в низах повстанчества в качестве простого повстанца будет в настоящее время полезнее. Так он и поступил. В связи с этим он написал мотивированное заявление высшему советскому командованию. Вот оно:

«Штаб 14 армии Ворошилову. Харьков Предреввоенсовет Троцкому. Москва Ленину, Каменеву.

В связи с приказом Военно-Рев. Совета республики за № 1824 мною была послана в штаб 2-й армии и Троцкому телеграмма, в которой я просил освободить меня от занимаемой должности. Сейчас вторично заявляю об этом, причем считаю себя обязанным дать следующее об'яснение своему заявлению. Несмотря на то, что я с повстанцами вел борьбу исключительно с белогвардейскими бандами Деникина, проповедуя народу лишь любовь к свободе, к самодеятельности, — вся официальная советская пресса, а также партийная пресса коммунистов-большевиков распространяла обо мне ложные сведения, недостойные революционера. Меня выставляли и бандитом, и сообщником Григорьева, и заговорщиком против советской республики в смысле восстановления капиталистических порядков. Так в № 51 газеты «В Пути» Троцкий в статье под названием: «Махновщина» задает вопрос: «Против кого же восстают махновские повстанцы?» и на протяжении всей своей статьи доказывает, что махновщина есть, в сущности, фронт против советской власти, и ни одного слова не говорит о фактическом белогвардейском фронте, растянувшемся более чем на сто верст, на котором, в течение шести с лишним месяцев, повстанчество несло и несет неисчислимые жертвы. В упомянутом приказе № 1824 я об'явлюсь заговорщиком против советской республики, организатором мятежа на манер григорьевского.

Я считаю неот'емлемым, революцией завоеванным правом рабочих и крестьян самим устраивать с'езды для обсуждения и решения, как частных, так и общих дел своих. Поэтому запрещение таких с'ездов центральной властью, об'явление их незаконными (приказ № 1824) есть прямое наглое нарушение прав трудящихся.

Я отдаю себе полный отчет в отношении ко мне центральной государственной власти. Я абсолютно убежден в том, что эта власть считает все повстанчество несовместимым с свой государственной деятельностью. Попутно с этим центральная власть считает повстанчество связанным со мною и всю вражду к повстанчеству переносит на меня. Примером этому может служить упомянутая статья Троцкого, в которой он, на ряду с заведомой ложью, выражает слишком много личного, враждебного мне.

Отмеченное мною враждебное, а последнее время наступательное поведение центр. власти к повстанчеству ведет с роковой неизбежностью к созданию особого внутреннего фронта, по обе стороны которого будет трудовая масса, верящая в революцию. Я считаю это величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и считаю обязанным себя сделать все возможное для предотвращения этого преступления. Наиболее верным средством предотвращения надвигающегося со стороны власти преступления считаю уход мой с занимаемого поста. Думаю, что после этого центр. власть перестанет подозревать меня, а также все революционное повстанчество в противосоветском заговоре и серьезно, по революционному отнесется к повстанчеству на Украине, как к живому, активному детищу массовой социальной революции, а не как к враждебному стану, с которым до сих пор вступали в двусмысленные подозрительные отношения, торгуясь из-за каждого патрона, а то и просто саботируя его необходимым снаряжением и вооружением, благодаря чему повстанчество часто несло невероятные потери в людях и в революционной територии, которые, однако, были бы легко устранимы при ином отношении к нему центральной власти. Предлагаю принять от меня отчеты и дела.

ст. Гяйчур, 9 июня 1919 г. Батько-Махно.»

* * *

Тем временем повстанческие части, бывшие за Мариуполем, отступили к Пологам и г. Александровску. К ним неожиданно перебросился Махно, вырвавшись из тех щупальцев, которыми большевики оцепили, было,

его на ст. Гяйчур. Начальник штаба армии махновцев Озеров, члены штаба Михалев-Павленко, Бурбыга и несколько человек из В.-Р. Совета были вслед за этим изменнически схвачены большевиками и казнены. Это положило начало казням многих других махновцев, попавших тогда в руки большевиков.

Положение для Махно создалось крайне затруднительное. Он должен был или совсем уйти от своих частей, с которыми пережил труднейшие минуты украинской революции, или призвать их на борьбу с большевиками. Но последнее, в виду решающего наступления Деникина, казалось ему невозможным. Махно, со свойственной ему проницательностью и революционным чутьем, блестяще вышел из этого затруднения. Он обратился к повстанческим войскам с широким воззванием, в котором осветил создавшееееся положение, заявил о своем уходе с командного поста и просил повстанцев держать фронт против деникинцев с прежней энергией, не смущаясь тем, что они временно будут находиться под командою большевистских штабов.

В соответствии с этим обращением, большая половина махновских полков осталась на своих местах, встав под начало красного командования на положении красноармейцев.

Но в то же время командиры повстанческих полков уговорились между собою ждать удобного момента, когда всем вновь можно будет об'единиться под общим командованием Махно, не нанося этим ущерба внешнему фронту. (Момент этот, как увидим ниже, был определен повстанцами с удивительной тонкостью и точностью).

Махно после этого с небольшим кавалерийским отрядом скрылся.

Повстанческие же полки, переименованные в красные, под командою прежних своих командиров — Калашникова, Куриленко, Клейна, Дерменджи и других — продолжали вести бои с деникинцами, задерживая их наступление на Александровск и Екатеринослав.

* * *

До самого последнего времени большевистские верхи не знали размеров деникинского нашествия. Всего за несколько дней до падения Екатеринослава и Харькова Троцкий заявлял, что Деникин не представляет опасности, и что положение Украины прочное. Правда, вскоре он заявил, что, познакомившись ближе с положением дел, он вынужден отказаться от вчерашних своих утверждений и признать положение Харькова крайне опасным. Но это было сделано в то время, когда каждому взрослому стало ясно, что участь всей Украины уже предрешена. Екатеринослав пал в конце июня. Через полторы-две недели пал Харьков.

Большевики занялись не наступлением и даже не обороной, а исключительно эвакуацией Украины. Все красноармейские части были приспособлены для этой цели. Сдача Украины происходила в буквальном смысле слова без боя.

И вот, тогда, когда всюду стало ясно, что большевики бросают Украину, стремясь лишь вывезти из нее возможно больше мужского населения и ж.-д. подвижного состава, Махно счел момент подходящим, чтобы взять в свои руки инициативу борьбы против контр-революции и действовать в качестве самостоятельной революционной силы и против Деникина, и против большевиков. В ряды повстанцев, оставшихся временно под красным командованием, был дан пароль свергать красных командиров и группироваться под общим командованием Махно.

Глава седьмая.

ВЕЛИКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ МАХНОВЦЕВ И ИХ ПОБЕДА.

Казнь Григорьева. — Бой под Перегоновкой. — Разгром деникинцев. — Эра свобод.

Нами было указано, что Махно, уйдя с поста командующего повстанческой армией, удалился с небольшим кавалерийским отрядом. Он ушел в сторону г. Александровска. Здесь, несмотря на то, что большевики искали его головы на фронте в районе ст. Гяйчур, он успел официально сдать должность и дела повстанческой дивизии новому командиру бригады, только-что прибывшему от большевиков. Эту сдачу Махно совершил для того, чтобы прямо, открыто и чисто уйти с поста командира, дабы большевики не имели никакого основания обвинить его в чем бы то ни было, касавшемся дел дивизии. Во всем этом было много тонкой игры, которую Махно вынужден был принять и из которой он вышел с честью.

Тем временем, наступление Деникина упало жестокой тяжестью на широкое трудовое население. Масса беглецов из крестьян, спасаясь, потянулась к Махно, как к народному руководителю. К нему же устремились многочисленные повстанцы, разбросанные по району. В неделю, другую вокруг Махно сформировался совершенно новый революционно-повстанческий отряд. С этим отрядом и с некоторыми частями основной повстанческой армии, прибывшими под Александровск,

Махно стал задерживать деникинцев, медленно отступая, стараясь уяснить создающиеся условия и ориентироваться.

Деникинцы, быстро распространяясь по Украине, все время не упускали из вида Махно, памятуя, каких громадных усилий и жертв он стоил им в течение прошедшей зимы. Против него они выставили особый корпус войск, состоявший от 12 до 15 полков кавалерии и пехоты. Но это была война не только с армией Махно. Почти все села махновского района, занятые деникинцами, подвергались разгрому и опустошению. Крестьяне грабились, насиловались и убивались. Офицерство мстило им за революцию.

В первый же день по занятии деникинцами Гуляй-Поля, было расстреляно множество крестьян, население разгромлено, и сотни бричек и телег, нагруженных разграбленным имуществом гуляй-польцев, направились казаками Шкуро на Дон и Кубань. Почти все еврейские женщины села были изнасилованы.

Поэтому за отступавшей армией Махно из разных сёл двинулись тысячи крестьянских семейств со своим имуществом и скотом. Образовался громадный обоз, растянувшийся на сотни верст. Это было поистине великое передвижение народа, обширное «царство на колесах», двигавшееся вслед за армией на запад. По пути отступления, эта огромная и тяжелая масса беженцев рассосалась по разным местам Украины. Большинство из них лишилось навсегда своего крова и имущества, а многие и жизни.

Первоначально Махно закрепился на Днепре, под городом Александровском, и некоторое время удерживал за собою Кичкасский мост*). Затем, в виду превосходных неприятельских сил, отступил на Долинскую, а оттуда под г. Елисаветград. К этому времени советские войска утратили самостоятельное значение на Украине. Часть их была уведена в Великороссию, а оставшиеся

---

*) Один из крупнейших ж.-д. мостов в России, через Днепр, близ г. Александровска.

начали колебаться, проникаясь недоверием к своему командному составу.

Для Махно подошел удобный момент перевести их в свои ряды.

Но внимание его в это время было сосредоточено на другом.

Уже давно на фоне украинской революционной действительности двигалось темное пятно, с которого Махно все время не спускал глаз. Это — григорьевщина.

Григорьев, после первых дней своего выступления против советской власти, хотя и пошел быстро на убыль, однако, окончательно не разложился; он закрепился несколькими отрядами в Херсонской губернии и повел партизанскую войну с большевиками. Общая численность отрядов, рассеянных по губернии и находившихся под его влиянием, достигала нескольких тысяч человек. Отряды эти часто делали налёты на небольшие красноармейские части, разоруживали их, занимали местечки, разрушали железные дороги. Последняя мера практиковалась ими больше всего. Способ порчи железных дорог у Григорьева был следующий: из шпал на протяжении двух-трех рельс вынимались все костыли; в одном месте, на стыке, рельсы раз'единялись между собою; к свободному концу рельсы припрягалось несколько пар здоровых волов, которые и загибали в полукруг все освободившиеся от шпал рельсы.

Григорьев оказался довольно искусным руководителем партизанского метода войны. В районе Знаменки, Александрии и Елисаветграда господствовал скорее он, нежели большевики. Однако, борьбу с советской властью Григорьев вел не по революционным мотивам, а по личным и затем — по контр-революционным. Не имея какой бы то ни было устойчивой идеологии, он хватался за то, что было ближе — сначала за петлюровщину, потом за большевизм, затем вновь за петлюровщину, а под-конец за деникинщину.

Григорьев был несомненно контр-революционер и авантюрист, но район и масса, им руководимые, были революционны. Их-то и решил Махно включить в общее число революционных сил. Сделать это можно бы-

ло, лишь насильственно удалив Григорьева и его штаб. Махно с присущей ему резкостью и прямотою решил публично разоблачить и убить Григорьева. Государственники-большевики, воевавшие с Григорьевым в течение нескольких месяцев, ни на что лучшее не нашлись, как обещать полмиллиона рублей тому, кто убьет Григорьева, и половину этой суммы за голову каждого из его помощников (об'явление советвласти, напечатанное в июне мес. 1919 г. в ряде украинских газет). Крестьянин-революционер Махно, в силу надобностей революции, решил публично и революционно разоблачить Григорьева. Чтобы найти к нему свободный доступ, Махно вступил с ним и его отрядами в связь, яко-бы для об'единения всех партизанских сил.

27-го июля 1919 г. в селе Сентове, близ Александрии, Херсонской губернии, по инициативе Махно был созван с'езд повстанцев Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии. Согласно программе работ, с'езд должен был наметить задачи всему повстанчеству Украины в связи с моментом. С'ехалась масса крестьян и повстанцев, отряды Григорьева и части Махно — всего до 20 тысяч человек. Докладчиками были записаны Григорьев, Махно и ряд других сторонников того и другого движения. Первым выступил Григорьев. Он призывал крестьян и повстанцев отдать все силы на изгнание большевиков из страны, не пренебрегая в этом деле никакими союзниками. Григорьев не прочь ради этого соединиться с Деникиным. После, мол, когда иго большевизма будет низвергнуто, народ сам будет видеть, как ему устроиться. Заявление это оказалось роковым для Григорьева. Выступившие немедленно после него махновец Чубенко и Махно указали на то, что борьба с большевиками может быть революционной только в том случае, если она ведется во имя социальной революции. Союз с злейшими врагами народа —с генералами — будет преступной авантюрой и контр-революцией. К этой контр-революции зовет Григорьев, следовательно — он враг народа. Затем Махно публично, перед всем с'ездом, потребовал Григорьева к немедленному ответу за чудовищный погром, совершенный им в мае мес. 1919 г. в г. Елисавет-

граде, и за ряд других антисемитских действий. — «Такие негодяи, как Григорьев, позорят всех повстанцев Украины, и им не должно быть места в рядах честных тружеников революционеров», — так закончил Махно свое обвинение Григорьеву. Последний увидел, что дело принимает для него страшный конец. Он схватился за оружие. Но было уже поздно. Семён Каретник — ближайший помощник Махно — несколькими выстрелами из «кольта» сбил его с ног, а подбежавший Махно с возгласом — «Смерть атаману!» тут же дострелил его. Приближенные и члены штаба Григорьева бросились было к последнему на помощь, но на месте были расстреляны группой махновцев, заранее поставленной на страже. Все это произошло в течение двух-трех минут перед глазами с'езда.

Первое время с'езд был несколько взволнован совершенными актами, но затем, после следующего доклада Махно, Чубенко и других представителей махновщины, с'езд одобрил акты, назвав их исторически-необходимыми. По протокольному постановлению с'езда, ответственность за совершенное и за его последствия махновщина взяла на себя. Все же партизанские отряды, бывшие под руководством Григорьева, согласно резолюции с'езда, влились в общую армию повстанцев-махновцев*).

* * *

Мы уже указали, что те немногие советские войска, которые задержались в разных местах Украины, были охвачены духом недоверия к своему командному составу. На позорное бегство советской власти из Украины они смотрели, как на измену революции. Махно являлся единственным средоточием революционных надежд страны. К нему обращались взоры тех, кто хотел на месте биться за свободу. Заразились этим духом и оставшиеся на Украине красно-армейские части. В кон-

---

*) Протоколы с'езда, а также конспекты речей Махно и Григорьева, на-ряду с другими документами, пропали в боевой обстановке 1920 г.

це июля крымские части большевиков сделали военный переворот и пошли на присоединение к Махно. Переворот был организован бывшими в рядах красной армии махновскими командирами — Калашниковым, Дермендджи и Будановым. От Нов. Буга и до Помощной двигались огромные части красных войск, разыскивавших Махно и везших к нему пленниками своих недавних командиров — Кочергина, Дыбеца и других. Соединение произошло за ст. «Помощная», в местечке Добровеличковке, Херс. губ., в начале августа 1919 г. Для большевиков этот переворот явился жестоким ударом, сведшим на ничто остатки их военной силы на Украине.

Район Помощной, Елисаветграда и Вознесенска (под Одессой) был первым опорным пунктом, где Махно остановился и стал приводить в порядок стекавшиеся к нему с разных сторон боевые части. Здесь были сформированы четыре бригады пехотных и кавалерийских войск, отдельный артиллерийский дивизион и пулеметный полк — всего около 15.000 бойцов. Отдельная конная сотня в 150—200 сабель, находившаяся всегда с Махно, не входила в это число войск. Этими силами махновцы перешли затем в наступление на деникинцев. Столкновение приняло ожесточеннейший характер. Неоднократно деникинцы были отбрасываемы на 50—80 верст обратно к востоку. В боях они отдали махновцам три или четыре бронепоезда, среди которых был огромнейший — «Непобедимый». Но подкрепленные свежими силами, они вновь оттесняли махновцев к западу. На их стороне был значительный численный перевес и превосходство в вооружении. Между тем, в армии махновцев почти не было патронов. Из трех наступлений на деникинцев два приходилось делать с исключительной целью отбить у них патроны. Кроме того, махновцам приходилось действовать и против большевистской группы, отступавшей из Одессы на север. В силу этого, район Елисаветград—Помощная—Вознесенск пришлось бросить и отступать дальше.

Отступление шло с беспрерывными боями. Группа деникинцев, преследовавшая Махно, отличалась крайним упорством и настойчивостью. Особенно мужествен-

ны были офицерские полки — Первый Симферопольский и 2-ой Лабинский. Участвуя в боях против этих полков, Махно восхищался их стойкостью и пренебрежением к смерти. Конница у деникинцев заслуживала высшей похвалы. По свидетельству Махно, это была, действительно, конница, достойная своего названия. Многочисленная конница красной армии, созданная впоследствии, была конницей скорее по названию. Никогда не была она способна на рукопашный бой, а действовала лишь тогда, когда неприятель бывал сбит орудийным и пулеметным огнем. За все время гражданской войны красная конница ни разу не приняла сабельного удара махновской кавалерии, хотя численно всегда превосходила последнюю. Совсем иное — казачьи и кавказские кавалерийские полки Деникина. Они всегда принимали сабельный удар и всегда шли полным карьером на неприятеля, не дожидаясь, когда огонь орудий и пулеметов дезорганизует его.

Тем не менее, и эта конница не раз ломала себе шею в ожесточенных боях с махновцами. Руководители деникинских полков, в своих дневниках, попадавших после боев к махновцам, неоднократно отмечали, что война с махновской кавалерией и артиллерией есть наиболее тяжелое и страшное дело во всем их походе.

С середины августа 1919 г. группа эта начала сильно теснить Махно, стремясь все время охватить его с нескольких сторон. Махно видел, что малейший промах с его стороны может оказаться гибельным для всей армии. Поэтому он тщательно высматривал момент, когда бы можно было пойти на решительное сражение с врагом. В северном направлении деникинцы были уже под Курском. Махно учитывал это обстоятельство, находя, что чем дальше они зарвутся в этом направлении, тем вернее будет их разгром в тылу. Однако, помимо этих соображений, ему приходилось отступать на запад также под напором превосходных военных сил противника. Во второй половине августа к группе деникинцев, теснившей Махно с востока, прибавилась вторая группа, шедшая со стороны Одессы и Вознесенска. Положение ухудшилось. Тогда повстанческая армия бро-

сила железнодорожный район, взорвав предварительно все бывшие у нее бронепоезда. Отступление пошло просёлочными дорогами из села в село. Деникинцы не отставали ни на шаг. Их цель была — не только разбить, но совсем ликвидировать армию Махно.

Это отступление, сопровождаемое ежедневными боями, продолжалось свыше месяца, пока армия махновцев не подошла к городу Умани, занятому войсками петлюровцев. Последние находились в состоянии войны с деникинцами. И здесь сам собою возник вопрос — как быть с петлюровцами? Воевать-ли с ними, или же в отношении их отыскать иную тактику? В это время армия махновцев имела около 8000 раненых бойцов, лишенных самой необходимой медицинской помощи. Они составляли огромный тяжелый обоз, прикрепленный к армии и тормозивший ее передвижение и боевые операции. После всестороннего обсуждения вопроса, решено было предложить петлюровцам военный нейтралитет. Тем временем, из Умани в лагерь махновцев прибыла петлюровская делегация, изложившая взгляд петлюровского командования на создавшееся положение. Взгляд этот сводился к тому, что петлюровцы, находясь в войне с Деникиным, не желали иметь нового фронта и хотели бы избежать военных столкновений с махновцами. Это шло на встречу планам махновцев. Делегация последних, выехавшая в Жмеринку, выработала окончательное соглашение, по которому обе стороны обязались сохранить в отношении друг друга строгий военный нейтралитет, не считаясь с политическим направлением каждой стороны. Петлюровцы, кроме того, взялись принять и разместить по больницам всех раненых махновцев.

Конечно, и Махно, и все остальные в армии видели, что нейтралитет этот фикция; что не сегодня-завтра можно ожидать союза петлюровцев с деникинцами и их совместного нападения на махновцев. Но для последних важно было выиграть одну или две недели времени, чтобы предотвратить удар с противоположной — западной — стороны и не оказаться в военном мешке. Фактически же, отношения махновцев к петлюровцам остава-

лись нисколько не измененными против прежнего. Относясь по товарищески к петлюровской рядовой массе, они против верхов петлюровщины вели прежнюю революционную агитацию, и как-раз в это время реввоенсовет армии махновцев выпустил листовку — «Кто такой Петлюра?» — в которой разоблачал последнего, как защитника имущих классов, достойного гибели от рук трудящихся. Многие из петлюровских «сечевиков» по духу и по традиции принадлежали к махновцам, и не будь последние в то время так сильно теснимы деникинскими полками, — махновцы несомненно перевели бы значительную часть их в свои ряды. Махновцы думали об этом, а петлюровское командование подозревало это и, наученное опытом с Григорьевым, держалось очень осторожно с махновцами.

Подозрения махновцев относительно того, что петлюровцы вступят в связь с деникинцами для совместных действий против Махно, начали подтверждаться. По соглашению с петлюровцами, армия махновцев могла занимать территорию в 10 кв. верст в районе села Текуче, близ Умани. С севера и с запада находились петлюровцы; с востока и юга (со стороны Голты) были деникинцы. Это условие соглашения, пред'явленное петлюровцами, сразу же показалось подозрительным. А через несколько дней были получены сведения о том, что они ведут переговоры с деникинским командованием об условиях окружения и разгрома Махно совместными силами. В то же время — 24-25 сентября — в тылу у махновцев, с западной стороны, оказалось около 4—5 деникинских полков. Они могли попасть туда, лишь пройдя местность, занятую петлюровцами, т.-е. при их прямом содействии или попустительстве.

25-го сентября вечером махновцы оказались окруженными деникинскими полками со всех сторон, причем наиболее сильные их части стояли с восточной стороны. Умань была также занята ими. Тогда настал момент быстрых действий. Решалась судьба всей армии повстанцев-махновцев.

* * *

Отступление махновцев, растянувшееся на 600 с лишним верст, продолжалось в общей сложности около четырех месяцев. Оно сопровождалось крайними трудностями. Повстанцы были разуты, раздеты. В страшный зной, в облаках пыли, осыпаемые беспрерывным дождем пуль и снарядов, удалялись они от своего района в неизвестную даль. Но все были одухотворены идеей победы над врагом и терпеливо сносили тяготы отступления. Иногда среди наименее терпеливых раздавались возгласы: «Назад! К Днепру!» — Но неумолимая необходимость гнала их всё дальше от Днепра и от родного им, гордого района. И вновь все с величайшим терпением, с напряженной волей, осыпаемые боевым огнем, шли за своим вождем. Концом отступления явилась Умань. Дальше итти некуда. Враг со всех сторон. И вот здесь Махно, с присущей ему простотою, которая, однако, имела свойство подымать героизм в его товарищах, заявил, что всё предыдущее отступление было лишь необходимым стратегическим шагом, и что настоящая война начнется завтрашний день, 26-го сентября.

Было учтено положение деникинских войск в северном направлении и на других фронтах. И Махно проникся уверенностью, что судьба дает ему чудесный дар — возможность нанести смертельный удар всей деникинской контр-революции. Эта возможность вырисовалась перед ним, как осязаемый факт. Необходимо лишь разбить деникинский кулак, упершийся здесь, под Уманью, прямо в армию махновцев.

С 25-го на 26 сентября махновские части, державшие всё время курс на запад, вдруг повернули все свои силы на восток и пошли в лоб главным силам деникинской группы. 25-го сентября, вечером, под селом Крутенькое произошло сражение первой бригады махновской армии с частями деникинцев. Последние отступили, стремясь прочнее расположиться и завлечь противника, но махновцы их не преследовали. Этим была обманута бдительность деникинцев, заключивших, что направление повстанческой армии— прежнее, т.-е. на запад. Между тем, глубокой ночью, все части махновцев, стоявшие в нескольких селах, снялись и двинулись

на восток же — на врага, расположившегося главными своими силами под селом Перегоновкой, занятой махновцами. (См. карту.)

Между тремя и четырьмя часами утра завязалось сражение. Оно шло беспрерывно, развиваясь и усиливаясь. К восьми часам утра оно достигло высочайшего напряжения. Пулеметная стрельба превратилась в сплошной рев бури. Сам Махно со своей сотней исчез еще с ночи, пойдя в обход противнику, и в течение всего сражения о нем не было никаких известий. К 9 часам утра махновцы начали отступать. Бой шел уже на окраине села. Деникинцы с разных мест подтянули остальные свои силы и окатывали махновцев беспрерывными огневыми волнами. Члены штаба повстанческой армии и остальные, находившиеся в центре села и могущие взять винтовку, пошли в цепь. Настал критический момент, когда, казалось, сражение проиграно, а с этим все кончено. В центре села раздалась тревожная команда, чтобы все, в том числе и женщины, взяли винтовки и были готовы к бою на улице. Все приготовились к последним минутам борьбы и жизни. Но вот пулемётный рёв и раскаты «ура» начали постепенно удаляться, становясь все тише и тише, и, наконец, находившиеся в селе поняли, что противник отброшен, и бой идет на значительном расстоянии. Исход боя решил внезапно появившийся Махно. Уже в тот момент, когда махновцы волной стали отступать и бой шел на окраине села, Махно, измученный и запыленный, выехал с боковой стороны неприятеля, из-за крутой балки. Молча, без призывов, лишь с горящей на лице волей устремился он со своей сотней полным карьером на неприятеля и врезался в его ряды. Словно рукой сняло усталость и упадок духа у отступавших. — «Батько впереди!.. . Батько рубится! . . .» — пронеслось по всей массе. И все с удесятеренной энергией вновь рванулись вперед за любимым вождем, который, казалось, обрек себя на смерть. Пошел ожесточеннейший рукопашный бой, «рубка», как выражаются махновцы. Как ни был стоек 1-ый офицерский Симферопольский полк, но он был сбит и начал поспешно отступать — первые минут де-

сять в порядке, стремясь рассыпаться в цепь и задерживать победителя, а затем просто пустился бежать. За этим полком бросились другие полки, и, наконец, все деникинские части обратились в бегство к реке Синюхе, стремясь переправиться через нее и закрепиться на другом берегу.

Махно великолепно учёл момент и спешил максимально использовать его. Пустив полным карьером по следам отступающих всю кавалерию и артиллерию, он сам, с наиболее быстрым кавалерийским полком, взял несколько правее и понесся наперерез отступающим. Преследование длилось верст 12—15. В самый важный момент, когда деникинцы добрались до реки, их настигла махновская кавалерия. Несколько сот их погибло в реке. Большая же часть успела переправиться, но была перехвачена Махно. Стоявший по ту сторону реки штаб деникинцев и запасный полк тоже были, к их неожиданности, захвачены. Из всех частей, упорно преследовавших махновцев в течение последних полутора месяцев, удалось спастись немногим. Первый офицерский Симферопольский и другие полки были вырублены полностью. Дорога на расстоянии двух-трех верст пестрела трупами павших. Как ни тяжелым казалось это зрелище некоторым, оно, однако, явилось только естественным последствием единоборства деникинской армии с махновцами. В продолжение всего времени преследования махновской армии вопрос шел о полном ее истреблении. Будь малейший промах со стороны Махно, — та же участь постигла бы революционную повстанческую армию; при этом не были бы пощажены женщины, вынужденные уйти в армию за своими мужьями. На этот счет махновцы имели достаточно материала.

* * *

Среди крестьян Великороссии живет следующее предание о Пугачеве. Попав после своего бунта в руки властей, Пугачев заявил собравшимся около него барам: «Я своим бунтом вас только попугал. Но вот подождите, не задолго после меня придет м е т л а,—она вас

всех заметёт по настоящему». — Этой народной исторической метлой оказался Махно в течение всей своей революционно-повстанческой деятельности и, в частности, в период разгрома деникинщины.

Сбив главный кулак деникинцев, он, не медля ни минуты, пустил свои части по трем направлениям. Словно исполинское помело, шел он по селам, местечкам, городам, и выметал всякий дух эксплуатации и рабства. Помещики, кулаки, урядники, священники, старшины, припрятавшиеся офицеры — все падали жертвами на пути движения махновцев. Тюрьмы, полицейские и комиссарские участки — символ народного рабства — разрушались. Всякий, кто изобличался, как обидчик крестьян и рабочих, погибал. Больше всего в этот период погибло помещиков и крупных кулаков. Это, между прочим, может показать, чего стоят вздорные и заведомо-ложные толки большевиков о, яко-бы, кулацком характере махновщины. В действительности, — там, где нарождалась махновщина, кулачество всегда искало и находило себе защиту под крылом советской власти.

Движение армии назад к Днепру шло со сказочной быстротой. На другой день после разгрома деникинцев под Перегоновкой, Махно находился за сто с лишним верст от места боя. Сам он, при этом, двигался со своей сотней верст на сорок впереди остальных частей. Еще день — и махновцы заняли Долинскую, Кривой Рог и подошли к Никополю. А еще через день на рысях был захвачен Кичкасский мост через Днепр и занят город Александровск. Как-будто в завороженное, сонное царство влетели махновцы: никто еще не знал о их прорыве под Уманью, не имел представления о том, где они; власти не принимали никаких мер, пребывая в обычной тыловой спячке. Поэтому всюду махновцы падали на врага, как весенний гром, неожиданно. За Александровском последовали Пологи, Гуляй-Поле, Бердянск, Мелитополь, Мариуполь. В неделю-полторы весь юг Украины был очищен от войск и властей Деникина.

Занятие махновцами юга Украины, — главным образом приазовского района, — поставило под угрозу смертельной опасности всю противореволюционную

кампанию Деникина. Дело в том, что в районе Мариуполь — Волноваха находилась основная база снабжения деникинской армии. При взятии Бердянска и Мариуполя, там оказалось не поддающееся учету количество снарядов. В Волновахе находились целые ярусы снарядов. И хотя последняя еще не была взята махновцами (за нее шёл в течении пяти дней бой), однако, она уже не могла обслуживать армии Деникина, так-как железно-дорожная магистраль всего района находилась в руках махновцев. Тыловые части Деникина, обслуживавшие этот район, были уничтожены. Таким образом, вся эта гигантская артиллерийская база попала в круг махновцев и, начиная с этого времени, она уже не могла послать ни одного снаряда ни на северный, ни на какой-либо другой фронт.

Деникинцы на-спех выслали против Махно части, стоявшие в резерве под Таганрогом; но и эти части были разбиты, и волны махновщины стали устремляться в глубь донецкого бассейна и на север. В 20-х числах октября махновцы заняли Екатеринослав и ряд прилегающих к нему мест. Тогда деникинцы признали действительность такою, какой она была. Они заявили, что центр борьбы с севера перенесся на юг; что на юге будет решена судьба их дела. Генерал Май-Маевский, в обращении к казачеству, говорил: Настал момент непосредственной опасности нашим землям. Враг бушует на юге, угрожая нашему жилью. Необходимо спешить туда для защиты своих земель (речь Май-Маевского, напечатанная в одной из деникинских газет).

В связи с таким положением дел, деникинцы сняли с северного фронта свои лучшие кавалерийские части — Мамонтова и Шкуро — и пустили их в гуляй-польский район. Но было уже поздно. Пожар охватил весь край, от берегов Черного и Азовского морей до Харькова и Полтавы. Благодаря свежим силам и множеству автоброневиков, деникинцы как-будто начали вытеснять махновские части из отдельных мест — из Мариуполя, Бердянска, Гуляй-Поля. Но это означало только то, что Махно занимал Синельниково, Павлоград, Екатеринослав и ряд других мест. В течение октября и но-

ября месяца, борьба вновь приняла ожесточеннейший характер, и в ней частям Деникина вновь было нанесено несколько огромных поражений. Больше всего досталось кавказским частям — чеченцам и другим. Их в эти месяцы погибло несколько тысяч. В конце ноября массы чеченцев категорически заявили, что они не желают больше воевать с Махно, самовольно бросили посты и армию Деникина и поехали к себе на Кавказ. Так начался общий распад деникинской армии.

В борьбе с махновщиной на юге России деникинцы понесли полное поражение, и этим был предрешен исход всего их похода на русскую революцию.

Мы, таким образом, в соответствии с исторической истиной, должны сказать здесь, что честь поражения деникинской контр-революции осенью 1919 г. принадлежит, главным образом, махновцам. Не будь уманьского прорыва и последовавшего за ним разгрома тыла, артиллерийской базы и всего снабжения деникинцев, последние, вероятно, вошли бы в Москву приблизительно в декабре 1919 г. Бой красных с деникинцами под Орлом имел малое значение. В своей основе отступление войск Деникина на юг началось уже раньше — именно в связи с разгромом тыла. Все последующие военные операции их имели целью провести, по возможности, безболезненное отступление и вывезти имущество. На протяжении всего пути от Орла и Курска до берегов морей Черного и Азовского красные войска шли беспрепятственно. Их в'езд на Украину и Кавказ произошел, как и после падения гетмана, по очищенным уже путям.

*

* *

Военная сторона дела поглощала это время почти все силы махновцев. Боевая обстановка района крайне не благоприятствовала созидательной работе внутри. Однако, и в этой области махновцы проявляли необходимую инициативу и старания. Прежде всего, они всюду спешили предупредить важное недоразумение — возможность принятия их за новую власть или партию.

Войдя в тот или иной город, они всякий раз заявляли, что не представляют собою никакой власти, что их военная сила никого ни к чему не обязывает, а лишь охраняет свободу трудящихся. Свобода крестьян и рабочих находится у них самих и потому не может быть ограничена. Во всех областях своей жизни они должны сами устраиваться, как найдут нужным. Махновцы же могут помогать им лишь советом, отдельными культурными работниками или военной силой, но никоим образом не предписывать им что бы то ни было. *)

Александровск и прилегающий к нему район были первым местом, где махновцы закрепились на продолжительное время. Там они, прежде всего, обратились к широким рабочим массам, позвав их на общее рабочее совещание города. Совещание состоялось. На нём было представлено положение всего района в военном отношении и предложено было приступить к налаживанию жизни в городе, на фабриках и заводах силами самих рабочих и их организаций, на принципах труда и равенства. Рабочие горячо приветствовали это предложение; однако, с делом медлили, смущенные, во-первых, его новизною, а во-вторых, — и это главное, — близостью фронта, который невольно внушал им мысль о неопределенном, неустойчивом положении города. За первым совещанием последовало второе. Вопрос об организации жизни на принципах рабочего самоуправления широко освещался и дебатировался массой, которая целиком держалась за основную идею трудового самоуправления, но не находила, пока, первых конкретных форм его. Железнодорожники сделали в этом направлении почин. Они создали железно-дорожный комитет, взяли железные дороги района (местного) в свое

---

*) В некоторых городах махновцы ставили комендантов. Их назначение было — служить связующим звеном между армией, занявшей город, и населением, доводить до сведения последнего о всех мероприятиях армии, затрагивающих жизнь населения города и вызываемых наличием войны. Никакой, ни гражданской, ни военной власти они не имели и не имели никакого отношения к общественной жизни мирного населения.

ведение, разработали план движения поездов, перевозки пассажиров, системы оплаты и т. д. Мысль пролетариата г. Александровска отныне начала систематически направляться в область создания органов самоуправления.

Вскоре за рабочими совещаниями состоялся районный с'езд крестьян и рабочих, собравшийся 20 октября 1919 г. в г. Александровске. На с'езде было свыше 200 делегатов, из которых 180 — крестьяне, остальные — рабочие. С'езд занимался вопросами — а) военным: борьба с деникинцами, пополнение и содержание повстанческой армии; и б) вопросом внутреннего строительства.

Работы с'езда продолжались с неделю и прошли при необыкновенном под'еме с'ехавшихся. Этому содействовала особая обстановка. Во-первых, само победоносное возвращение махновской армии в родной район являлось громадным событием для крестьян, из которых каждый почти имел в армии того или иного члена семьи. Главное же — это то, что с'езд собрался в условиях абсолютной свободы. Он не испытывал над собой никакого давления извне. В довершение к этому с'езд имел прекрасного работника-докладчика, анархиста Волина, который, к изумлению крестьян, оказался лучшим выразителем их дум и надежд. Идея вольных советов, работающих в согласии с волей местных тружеников; связь крестьян с рабочими городов на почве взаимных услуг продуктами их труда; идея равенственной безвластной организации их жизни, — все эти идеи, развитые в докладах Волина, были и живыми идеями крестьянства. В ином смысле оно и не представляло себе революцию и революционное строительство.

Первый день представители политических партий пытались внести в общую работу с'езда дух раздора, но тут же были осуждены всем с'ездом, и работы последнего протекли при полном содружестве участников.

Последние дни с'езд принял характер красивой поэмы. Деловые резолюции чередовались с энтузиазмом настроения. Все были одухотворены верой в свои силы, в мощь революции . . . Настоящая свобода, какую

немногим удается чувствовать, реяла в зале с'езда. Каждый видел перед собою и сознавал действительно великое дело, на которое стоит отдать силы, и за которое не жаль умереть. Крестьяне, среди которых много было пожилых и стариков, говорили, что это — первый с'езд, где они чувствуют себя не только свободными, но и братьями в отношении друг к другу, и что они никогда не забудут его. Да и вряд-ли кто из участников забудет его. У многих, если не у всех, с'езд этот остался в памяти, как красивая грёза жизни, когда великая свобода сблизила людей, дала им возможность жить одним сердцем, одной любовью.

Постановления с'езда касались, во-первых, расширения и укрепления повстанческой армии. Последнюю, согласно резолюции с'езда, решено было пополнить всем мужском населением до 48 лет включительно. При этом, пополнение должно было итти в согласии с духом постановления с'езда, т.-е. добровольно, но по возможности широко и полно, как того требовало опасное положение района. Выше мы отмечали, какой смысл имело постановление II-го районного с'езда 12 февраля 1919 г. о добровольной мобилизации за 10 лет. Этот же смысл имело постановление о мобилизации и настоящего с'езда. Содержание армии, по резолюции с'езда, должно было покоиться на добровольных взносах крестьян, на военных трофеях и на реквизициях у богатого сословия. В области внутреннего строительства, с'езд отметил, пока, общую идею — обходиться трудящимся у себя на местах без какой бы то ни было власти, устраивать свою жизнь местными силами тружеников.

Раз'езжаясь, крестьяне усиленно подчеркивали необходимость и важность выполнить постановления с'езда. Резолюции последнего были взяты раз'езжавшимися делегатами и распространены по селам и деревням. Несомненно, через три-четыре недели сказались бы на местах реальные результаты с'езда, а следующий с'езд крестьян и рабочих привлек бы к работе большие массы трудящихся. Но свободу последних вечно сторожит их злой враг — власть. Не успели делегаты с'езда раз'е-

хаться по своим местам, как многие из этих мест были заняты деникинцами, в большом количестве переброшенными с северного фронта. Правда, занятие это было кратковременное, представлявшее собою последние судороги врага, но оно в самый дорогой момент приостановило творческую работу крестьян на местах. А в виду того, что с севера уже надвигалась другая власть — большевизм, также непримиримо относившийся к свободе масс, — это занятие принесло громадный вред делу трудящихся: после первого районного с'езда не только не удалось созвать следующие с'езды, но не пришлось проводить в жизнь даже постановлений первого с'езда.

В городе Екатеринославе, занятом повстанческой армией в дни работ с'езда, обстановка для внутреннего хозяйственного строительства была еще менее благоприятна. Выгнанные из города деникинские войска успели закрепиться на противоположном — левом — берегу Днепра и в течение целого месяца, изо дня в день, бомбардировали город многочисленными бронепоездами. Всякий раз, когда, по инициативе культурно-просветительного отдела армии, устраивалось рабочее совещание города, деникинцы, прекрасно осведомленные об этом, открывали усиленный артиллерийский огонь, и срывали совещание. Серьёзные систематические работы в городе в этой области были невозможны. Удалось лишь провести несколько митингов в центре города и по окраинам. Кроме того, махновцы прекрасно наладили ежедневную газету — «Путь к свободе», которая, некоторое время спустя, дала от себя отросток — ежедневную газету на украинском языке: «Шлях до Воли». *)

* * *

---

*) Один из любимых аргументов большевиков против махновцев тот, что последние, во время своего пребывания в Екатеринославе, ничего творческого в жизнь этого города не внесли. Но при этом большевики скрывают от глаз масс два чрезвычайно важных обстоятельства. Во-первых, махновцы — не партия и не власть. В Екатеринославе

Во всем освобожденном районе махновцы были единственной организацией, располагавшей реальной силой, с помощью которой они могли диктовать противнику свою волю. Но никогда они не пользовались этой силой в целях политического господства или влияния, не применяли ее к чисто политическим противникам. Военный противник, заговорщики против рабочих и крестьян, аппарат государства, тюрьмы — вот на что они обращали силы своей армии.

Тюрьмы есть символ народного рабства. Они всегда строились только для народа, для рабочих и крестьян. На протяжении тысячелетий буржуазия всех стран всегда укрощала бунтующую подневольную массу плахой и тюрьмой. И в настоящее время, в коммунистическом и социалистическом государстве, тюрьмы пожирают, главным образом, пролетариат города и деревни. Свободному народу они не нужны. Раз существуют тюрьмы, — народ не свободен. Тюрьма является вечной угрозой труженику, покушением на его совесть и волю, показателем его рабства. — Так махновцы определяли свое отношение к тюрьмам. В соответствии с этим, они разрушили тюрьмы во всех местах, где про-

---

они были в качестве военного революционного отряда, оберегавшего свободу города. Как таковые, они *не должны* брать на себя обязанность выполнять созидательную программу революции. Это дело местных рабочих масс. В этом деле махновская армия могла, самое большее, помогать им словом, советом, инициативой, организационными способностями, что она и делала.

Во-вторых, большевики в своем аргументе скрывают от масс исключительное положение города: все время пребывания в нем махновцев, город находился в особенном — осадном положении. Не было часа, когда бы над ним не рвались снаряды. *Это* помешало рабочим, а не махновской армии, приступить тогда же к организации жизни на началах самоуправления.

Что же касается той выдумки, будто махновцы заявляли приходившим к ним за средствами железнодорожникам, что им — махновцам — железные дороги не нужны, ибо у них есть кони и степи, то эта пустая выдумка была впервые пущена деникинскими газетами в октябре 1919 г., а оттуда большевики целиком перенесли ее к себе для своего обихода.

ходили. Тюрьма в Бердянске была взорвана при громадном стечении народа, который принял энергичное участие в ее разрушении. Тюрьмы в Александровске, Кривом-Роге, Екатеринославе и ряде других мест были взорваны или сожжены махновцами. Рабочее население неизменно приветствовало этот акт.

* * *

Мы с величайшим удовлетворением можем отметить здесь, что махновцы полностью осуществили революционный принцип свободы слова, совести, печати, партийной и политической принадлежности. Во всех, занятых махновцами, городах и местечках все запрещения, наложенные какой бы то ни было властью на ту или иную печать, на ту или иную политическую организацию, отменялись. Печать об'являлась для всех свободной, организации и собрания тоже. За короткий полуторамесячный срок пребывания махновцев в Екатеринославе, там народилось пять или шесть газет разных политических направлений: орган правых эсеров «Народовластие», орган левых эсеров «Знамя восстания», орган большевиков «Звезда» и друг. Между тем, меньше всего могли расчитывать на открытую организацию и свободную печать большевики. Во-первых потому, что они умертвили свободу организаций и свободу печати для трудящихся; а во-вторых потому, что их местные организации принимали прямое участие в преступном походе на Гуляй-Поле в июне 1919 г. и должны были понести за это ответственность. Однако, чтобы не наложить тень на великие принципы свободы слова и свободы организации, их оставили в неприкосновенности, предоставив им, на ряду со всеми прочими политическими течениями, все права, написанные на знамени пролетарской революции.

Единственное, в чем махновцы стеснили большевиков, левых эсеров и прочих государственников, — это в организации властнических революционных комитетов. В Александровске и Екатеринославе, после занятия этих городов махновцами, большевики немедленно

создали ревкомы, стремясь через них установить свою власть над населением. В Александровске члены ревкома явились к Махно даже с предложением — разделить в городе сферы влияния, т.-е. предложили ему оставить за собой военную область, а им предоставить свободу и полноту действий в политической и гражданской областях. Махно посоветовал им итти и заниматься честным трудом и пригрозил казнить весь ревком, если он проявит какие бы то ни было властнические меры в отношении трудящихся. Точно также был распущен подобный ревком в Екатеринославе. В этом отношении махновцы были вполне последовательны и выдержаны. Охраняя полную свободу слова, печати и свободу организаций, они в то же время принимали все меры против таких политических организаций, которые насильственно навязывали трудящимся свою волю и свою власть. И когда, в ноябре 1919 г., в такой организации оказался замешанным командир третьего Крымского повстанческого (махновского) полка Полонский, последний был казнен вместе с прочими участниками этой организации.

Вот что писали махновцы по поводу свободы печати и организаций:

1. «Всем без исключения социалистическим политическим партиям, организациям и течениям предоставляется полная свобода распространять свои взгляды, идеи, учения и мнения, как устно, так и печатно. Никакие ограничения свободы социалистического слова и социалистической печати недопустимы, и никакие преследования в этом направлении не должны иметь места.

Примечание. Сообщения военного характера допускаются к опубликованию лишь при условии получения их из редакции главного органа революционных повстанцев «Путь к Свободе».

2. Предоставляя всем политическим партиям и организациям полную свободу распространения своих идей, армия повстанцев-махновцев в то же время предупреждает все партии, что подготовка, организация и навязывание ими трудовому народу политической власти, ничего обще-

го не имеющей со свободой распространения своих идей, революционным повстанчеством ни в коем случае допущены не будут.

Военно - Революционный Совет Армии Повстанцев-Махновцев. Екатеринослав 5-го ноября 1919 г.

За всё время русской революции, период махновщины является единственным, осуществившим полную свободу в различных ее проявлениях. Как ни было неустойчиво положение г. Александровска, а особенно Екатеринослава, ежедневно обстреливаемого деникинскими бронепоездами, всё же в этот тяжелый период трудящиеся обоих городов, впервые в своей истории, говорили то, о чем хотят, и так, как хотят. Они, кроме того, держали в своих руках великую возможность — самим устраивать свою жизнь по своему разумению и по своей правде.

Через месяц махновцы оставили Екатеринослав. Но они успели ярко показать, что свобода находится среди самих трудящихся, что она начинает излучаться и развиваться тогда, когда в их среде поселяются безвластие и равенство.

Глава восьмая.

ОШИБКИ МАХНОВЦЕВ. — ВТОРОЕ НАПАДЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ НА ПОВСТАНЧЕСКИЙ РАЙОН.

Усилия, проявленные махновцами в борьбе с деникинщиной, были колоссальны. Героизм и полугодовая борьба их за последний период были у всех на виду. Во всём обширном освобожденном районе они были единственными, кто производил революционный гром в стране и уготовил могилу деникинской контр-революции. Так широкие массы городов и сёл понимали происшедшие события.

Это обстоятельство создало у многих махновцев уверенность в том, что теперь они надежно застрахованы от провокации коммунистов определенным мнением крестьян и рабочих; что для красной армии, шедшей с севера, станет теперь ясной вся клевета коммунистической партии в отношении махновцев; что на новый обман и провокацию партии красная армия не поддастся, а наоборот — побратается с махновцами при первой встрече. Больше того — оптимизм некоторых махновцев доходил до того, что они считали невероятным, чтобы, при создавшемся обще-махновском уклоне масс, коммунистическая партия рискнула на новый заговор против свободного народа.

В соответствии с такими настроениями махновцев шла их военная и революционная деятельность. Они ограничились занятием части днепровского и донецкого района и не стремились продвинуться и закрепиться в

северном направлении, считая, что встреча с красной армией, когда последняя подойдет, укажет на месте, какой тактики надо будет держаться в отношении ее.

С другой стороны, часть работников держалась того мнения, что не следует особенно увлекаться военной областью дела, хотя бы и революционной; что необходимо главное внимание направить в рабочую и крестьянскую массу, толкнуть ее на путь революционного строительства. С'езды крестьян и рабочих — уездные, районные, окружные — вот ближайшая практическая задача дня. С этого следует начать помогать революции, выводить ее из большевистского тупика.

И оптимизм махновцев, и их соображения о необходимости, прежде всего, положительной работы в районе — здоровы, но они не находились в строгом соответствии с создавшейся на Украине обстановкой и, поэтому, не дали положительных результатов.

Прежде всего — большевизм. Никогда, ни при каких условиях он, по самой природе своей, не согласился бы на свободное, открытое существование такого низового народного движения, как махновщина. Несмотря на какое бы то ни было общественное мнение рабочих и крестьян, он, при первом соприкосновении с этим движением, примет все меры для его уничтожения. Следовательно, махновцы, попав в центр народных событий на Украине, должны были заранее обезопасить себя с этой стороны. Их стремление отдаться главным образом положительной работе, — стремление глубоко верное и революционное вообще, — оказалось несостоятельным при той специфической обстановке, которая создалась на Украине с 1918 г. Последнюю несколько раз прошли войска австро-германцев, петлюровцев, деникинцев, большевиков. В 1919 г. повстанческий район, от края и до края, прошла лава казачьих войск; через четыре месяца эта лава двигалась по тому же району обратно, производя разрушения и опустошения. За ней шла многочисленная красная армия, несущая революционному народу всё то же бесконечное разрушение.

Таким образом, начиная с лета 1919 г., повстанческий район попал в такое положение, при котором рево-

люционное массовое строительство было абсолютно невозможно: словно гигантская, из штыков состоящая, тёрка ходила по нем все это время взад и вперед, с севера на юг и обратно, стирая до основания всякий след массового социального строительства. В этих условиях махновцы могли проявить себя главным образом военной стороной, борясь со всеми враждебными им силами.

И в дальнейшем на эти условия жизни района нельзя было закрывать глаза.

Уничтожение деникинской контр-революции осенью 1919 г. являлось одной из главных задач махновщины в русской революции. Эту задачу махновцы выполнили полностью. Но задача эта не составляла всей исторической миссии, возложенной на махновцев русской революцией в этот период. Освобожденная от Деникина революционная страна нуждалась в немедленной охране по всей своей территории. Без этой охраны страна и революционные возможности, которые перед ней открылись с уничтожением деникинщины, могли быть каждый день раздавлены государственными армиями большевиков, спешно устремившихся на Украину за отступающим Деникиным.

Несомненно, в круг исторических задач махновщины осенью 1919 г. входило создание революционной армии таких размеров, которые позволили бы революционному народу защищать свою свободу не только в отдельном замкнутом районе, но по всей территории украинского повстания.

В момент напряженной войны с деникинцами это дело было не легкое, но исторически-необходимое и в то же время вполне возможное, так-как большая часть Украины пылала в то время повстанием и психологически группировалась вокруг махновцев. В район махновщины направлялись повстанческие части не только с юга, но и с севера Украины, например — повстанческая дивизия Бибика, занимавшая Полтаву. И даже из Великороссии в ряды махновцев устремлялись красноармейские части, желавшие под знаменем махновщины бороться за социальную веролюцию. Ука-

жем на многочисленный отряд красных частей под командой Огаркова, шедший на соединение с махновцами из Орловской губернии, принимавший по дороге многочисленные бои с большевистскими войсками и с войсками Деникина и все-таки достигший в конце октября 1919 г. Екатеринослава, где находились махновцы.

Знамена махновщины непроизвольно возвышались по всей Украине. Не хватало необходимых организационных шагов, чтобы всю многочисленную, двигавшуюся в разных местах Украины боевую силу слить в одну мощную революционно-народную армию, которая стала бы надежным стражем на подступах к революционной территории.

Сила такой армии, защищающей широкую революционную территорию, а не тесный район ее, явилась бы самым убедительным аргументом для большевиков, любящих на все накладывать свою руку.

Однако, увлечение победой и доля беззаботности помешали махновцам создать во-время такую силу. Благодаря этому, с первых же дней прихода на Украину красной армии, махновцы вынуждены были уединиться в тесном гуляй-польском районе. Это явилось большим военным промахом, которым воспользовались большевики, и все тяжелые последствия которого махновцы, а с ними и вся украинская революция, в недалеком будущем понесли на себе.

* * *

Прошедшая по всей России эпидемия тифа захватила и армию махновцев. Уже в октябре в ней было около 50% больных этой болезнью. Благодаря этому обстоятельству, город Екатеринослав пришлось оставить в конце ноября, когда с севера к нему подошла сильная группа деникинцев во главе с ген. Слащевым. Последние отступали в Крым, и временное занятие ими Екатеринослава не имело никакого значения.

Махновцы вновь расположились в районе городов: Мелитополя, Никополя, Александровска. В последнем

стал штаб армии. Слухи о приближении красной армии давно шли. Махновцы никаких мер не принимали на случай столкновения с ней, ибо были убеждены, что встреча будет братская.

Около 20-х чисел декабря (ст. ст.) в район Екатеринослава и Александровска пришло несколько дивизий красных войск. Встреча между махновцами и красноармейцами произошла теплая, товарищеская. Был организован общий митинг, на котором бойцы обоих армий протянули друг другу руки, заявив, что у них один враг — капитал и контр-революция. Такое согласие длилось с неделю. Несколько красноармейских частей намеревались перейти в ряды махновской армии.

Но вот, на имя командующего махновской армией пришел приказ реввоенсовета 14 красной армии, предписывающий направить повстанческую армию на польский фронт. Всем стало ясно, что это — первый шаг большевиков к новому их нападению на махновцев. Направить повстанческую армию на польский фронт, это значит отрезать главный нерв у революционного повстанчества на месте. К этому стремились большевики, чтобы иметь возможность беспрепятственно хозяйничать в непокорном районе, и это прекрасно видели махновцы. Кроме того, самое обращение возмутило махновцев: ни 14 армия, ни какая-либо другая красноармейская единица не находилась ни в какой связи с махновской армией; меньше всего они могли давать приказы повстанческой армии, вынесшей единственно на своих плечах всю тяжесть борьбы с контр-революцией на Украине.

Реввоенсовет армии повстанцев-махновцев тотчас ответил на приказ 14 армии. Ответ этот свелся к следующему (за отсутствием в нашем распоряжении текста, приводим лишь основную мысль его). Армия повстанцев-махновцев доказала больше, чем кто - либо, свою революционность. Она всегда будет на революционном посту, оставаясь на Украине и не уходя для этого на польский фронт, смысл которого для нее является неизвестным. Последнее, кроме того, физически невозможно, так-как 50% бойцов, весь штаб и команду-

ющий армией больны тифом. Реввоенсовет повстанцев-махновцев находит приказ 14 армии неуместным и провокационным.

Этот ответ махновцев сопровождался обращением к красноармейцам с призывом не поддаваться на провокацию их командного состава. Вслед за этим махновцы снялись со своих мест и направились в Гуляй-Поле. Движение прошло беспрепятственно, без всяких инцидентов. Красноармейцы совсем не имели желания вступать в столкновение с уходившими махновцами. Лишь небольшие группки и отдельные лица, отставшие от общего движения, были кой-где задержаны большевиками.

В средине января 1920 г. Махно и бойцы его армии именем всеукраинского ревкома были вновь об'явлены вне закона, как отказавшиеся итти на польский фронт. И начиная с этого времени, между махновцами и коммунистической властью пошла ожесточенная борьба. Мы не будем последовательно останавливаться на всех случаях этой борьбы, растянувшейся на 9 месяцев. Отметим только, что она приняла беспощадный с одной и с другой стороны характер. Большевики надеялись на многочисленные красные части, хорошо вооруженные и снабженные. Во избежание недоразумений, вроде братания красноармейцев с махновцами, они сразу же пустили на последних латышскую стрелковую дивизию и группу китайцев — части, наименее разбирающиеся в русской революции и слепо подчиняющиеся властям.

* * *

В течение января месяца махновцы были дезорганизованы эпидемией тифа. Все члены штаба были в тифу. Махно болел сыпным тифом в тяжелой форме. Большинство бойцов армии были выбиты болезнью из рядов и разбросаны по деревням. В этих условиях махновцам приходилось лавировать между многочисленным врагом и заботиться главным образом о Махно, находившемся в бессознательном состоянии. Это был момент тревог,

жертв и трогательных забот о вожде. Повстанцы, простые деревенские крестьяне, были охвачены сильным волнением, когда увидели опасное положение Махно, могущего ежедневно быть схваченным красными частями. Всем было ясно, что гибель Махно — это потеря для всего крестьянства, утрата, не поддающаяся определению. И крестьяне делали всё возможное, чтобы не допустить этого несчастья. Надо было видеть, как они в Гуляй-Поле и других селах носили Махно из одной избы в другую, стараясь спрятать его от налетавших красных войск; надо было видеть, как не раз в критические минуты, когда местонахождение Махно было обнаружено, крестьяне жертвовали собой, стремясь выиграть время и дать возможность перетащить беспомощного Махно в другое более надежное место, — всё это надо было видеть, чтобы понять, как ценили и с какой фанатической преданностью оберегали и защищали крестьяне своего вождя. Благодаря этой исключительной преданности, жизнь Махно в наиболее критические минуты движения была спасена.

* * *

Несмотря на многочисленность красных войск, Махно со своими частями всегда оказывался вне досягаемости. Но большевикам удалось приостановить свободное развитие района, как оно наметилось в начале 1919 г. И затем — беспрепятственно пошли массовые казни крестьян.

Многие помнят, как советская пресса, сообщая о борьбе с Махно, приводила цифры разбитых, захваченных в плен и расстрелянных махновцев. Но почти всегда этими несчастными были не повстанцы из армии Махно, а местные крестьяне различных сёл, сочувственно относившиеся к махновщине. Приход красных дивизий в любое село неизменно сопровождался захватом местных крестьян, которых затем расстреливали или как махновцев, или как заложников за них. Командиры различных красных частей, избегая воевать с самим Махно, особенно полюбили этот дикий,

позорный способ борьбы с махновщиной. Части 42 и 46 стрелковых красноармейских дивизий главным образом прибегали к нему. Село Гуляй-Поле, десятки раз переходившее из рук красных в руки махновцев и обратно, больше всего пострадало от него. При вхождении в село или при отступлении из него, командиры красных частей неизменно захватывали несколько десятков крестьян, большею частью просто с улиц, и расстреливали их. Любой житель Гуляй-Поля может рассказать потрясающие истории из этой практики большевиков. По самому скромному подсчету, за время этой практики большевистской властью в разных местах Украины было расстреляно и искалечено до 200 тыс. человек крестьян и рабочих. Такое же количество было сослано в отдаленные места России и Сибири.

Естественно, махновцы — революционные сыны революционного народа — не могли оставаться пассивными при виде такого чудовищного искажения революции. На террор большевиков они ответили своими, более тяжелыми ударами. Все правила военно-партизанской войны, которые применялись ими во время скоропадчины, теперь они применили к большевикам. Там, где красные части вступали в бой с махновцами, бой шел по всем правилам войны, причем главными жертвами в таких случаях падали рядовые, насильно посылаемые в бой и нисколько не заслуживавшие такого конца. Но это было неизбежно. Там, где махновцам удавалось без боя захватить красные части, последние разоружались, распускались; добровольцев принимали в свои ряды, но партийный и командный состав обыкновенно погибал весь, исключая тех редких лиц, за которых просили красноармейцы.

Неоднократно советская власть и ее агенты сообщали о махновцах, как о безжалостных убийцах, приводя списки павших от их рук красноармейцев и партийных работников. Но власть в этих сообщениях всегда замалчивала самое главное — при каких условиях пали красноармейцы или партийные работники. Всегда это были *жертвы боев*, которые в большинстве случаев

предпринимались советской властью или на которые она толкала махновцев, поставив их в каком-либо месте Украины в затруднительное положение. Война есть война, вырывающая жизни у обеих воюющих сторон. Но махновцы прекрасно знали, что они воюют не с отдельными красноармейцами, не с красноармейской массой, а с той кучкой господ, которая направляет эту массу, распоряжается ею, и которая жизнь красноармейца ценит постольку, поскольку последний защищает ее власть. Поэтому махновцы, вступая иногда в жестокий бой с красными частями, после боя относились к красноармейской массе с тем же духом братства и товарищества, какой существовал в их среде. Приходится поражаться тому такту, выдержке и революционной чести, с какими махновцы обращались с широкой красноармейской массой: ни один человек из этой массы, попадая к ним в плен, не страдал от них. И это происходило в то время, когда захваченных махновцев, кто бы они ни были, обязательно расстреливали тут же на виду у красноармейцев.

Иное отношение имели махновцы к верхушкам красной армии и к партийной аристократии. Их они считали единственными и настоящими виновниками всех ужасов, которые власть проделывала в районе. Эти верхи сознательно умертвили свободу народа и превратили весь повстанческий район в кровоточащую рану народа. И с ними махновцы поступали соответственным образом: при захвате обычно убивали.

Террор большевиков в отношении махновцев носил в себе все признаки террора, свойственного властвующим кастам. Захваченных махновцев, если не расстреливали сразу, заключали в тюрьмы, истязали и часто мучениями требовали от них отречения от движения, выдачи товарищей и поступления на полицейские должности. Березовский, — помощник командира 13-го повстанческого полка, — попав в руки большевиков, сделался агентом особого отдела (чека); но он пошел на это, по его словам, будучи подвергнут истязаниям и пыткам. Начальнику подрывной команды армии махновцев, Чубенко, большевики неоднократно предлагали

свободу, если он окажет необходимое содействие в убийстве Махно. Убить Махно с помощью какого-либо захваченного махновца было неотступной мыслью большевиков в течение всего лета 1920 г. Приводим здесь документ, выпущенный махновцами по поводу одного неудачного покушения большевиков на жизнь Махно.

«ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКАМИ-КОММУНИСТАМИ УБИЙСТВА БАТЬКИ-МАХНО».

«Уже около двух месяцев, как из разных источников поступают сведения в штаб революционных повстанцев Украины о том, что правящая партия коммунистов-большевиков, бессильная в открытой борьбе победить своими полками и дивизиями независимое и вольное повстанчество махновщины, замышляет, с помощью наемных убийц, убийство руководителя революционного повстанчества товарища Нестора Махно.

Имелись точные сведения, что для этой цели организована особая группа при Всеукраинской Че-ка, во главе которой стоят старые большевистские охранники и заплечных дел мастера Манцев и Мартынов. Сотрудниками в эту группу вербуются исключительно бывшие налётчики, присужденные к расстрелу, которые за сохранение их жизни обязуются быть сотрудниками Че-ка.

Имеются среди провокаторов лица, которые так или иначе имели связь с анархическим движением, как например: Сидоров Пётр, Петраков (Тима-Иван), Женя Ермакова (Сухова Анна), Чалдон и Бурцев. Их связь с анархическим миром имела отношение больше всего к боевым делам. Имеются также теперь сведения, что в числе провокаторов числится и «Николай высокий» — индивидуалист, выпускавший в прошлом году в Харькове журнал «К свету» и известный еще под именем Василия.

Эта группа провокаторов в своем предательстве не знала границ. Зная многие адреса и подпольные квартиры со времен деникинщины, они врывались в квартиры к товарищам и устраивали форменные погромы, не говоря уже, конечно, о том, что все известные им анархисты, так

или иначе враждебно настроенные по отношению большевистской власти, арестовывались ими и расстреливались.

Погромив как следует в Харькове и Одессе, эта милая компания, во главе со своим шефом Манцевым, перебралась в Екатеринослав, чтобы там наладить и оттуда выслать сотрудников для убийства батьки-Махно.

Но «революционеры»-большевики за трехлетнее свое царствование уже забыли, как искренно служили царскому правительству его провокаторы, как очень часто из них выходили Петровы питерские, которые достойно мстили за свой позор. Так и в данном случае. Среди прельщенных большевиками за деньги и спасение жизни провокаторов всё же находятся лица, которые, видно по какому-то долгу своему, или возможно от сознания совершенного ими предательства, предупреждают все затеи господина Манцева и его компании.

Поимка манцевских агентов *).

Двадцатого сего июня, через час после прибытия особой группы революционных повстанцев (махновцев) в с. Туркеновку, в 15-ти верстах от Гуляй-Поля, к стоявшему вблизи штаба, на улице, товарищу Махно быстро подбежал Федя Глущенко, работавший в прошлом году в контр-разведке при революционной повстанческой армии и только-что прибывший, как видно, в село, и нервным голосом сказал: «Батько, я имею вам очень важное сообщить! . . .» Тов. Махно велел ему передать это стоявшему вблизи товарищу Куриленко. Федя сообщил, что он еще с одним, который в это время стоял на улице вблизи товарища Махно, присланы сюда для убийства батьки-Махно. Товарищ Куриленко осторожно подскочил к другому суб'екту и обезоружил его. При нем оказались револьверы Маузер и Браунинг и две бомбы, а у Феди револьвер системы Кольта.

Другой задержанный назвался Яковом Костюхиным, налетчик, известный под кличкой «Яшка дурной», и сразу

*) Из протокола заседания совета.

же чистосердечно, с озлоблением на господ Манцевых, рассказал подробно, а потом и сам написал свои показания. Им было выдано 13 тысяч рублей николаевскими деньгами и сумма советскими. Подробный план убийства был выработан в Екатеринославе Манцевым, Мартыновым и Федькой. Костюхин находился в распоряжении Феди, который для этого дела должен был склонить на свою сторону и Льва Задова, бывшего начальника контр-разведки 1-го Донецкого корпуса (махновцев). Костюхин, сознавая, что он заслуживает лишь только смерти, предложил воспользоваться им для чего угодно, но, конечно, это предложение было с негодованием отвергнуто и на другой день он был убит. Пред смертью он площадно ругался, особенно ругал Федю, за то, что тот сам привел его сюда и выдал.

Федя же показал, что когда он был арестован Манцевым и когда ему предложили сделать выбор между расстрелом и работой в Че-ка и участвовать в убийстве тов. Махно, он согласился на последнее, митивируя, будто, это желанием предупредить тов. Махно о затеваемом. Он держался очень стойко и заявил, что заслуживает вполне смерть за участие в Че-ка, но это он сделал с целью предупреждения и чтобы умереть от руки своих товарищей. Понятно, повстанцы не могли пропустить безнаказанно ему его работу в Че-ка, какими бы целями он ни руководствовался, ибо революционер не может по каким бы то ни было соображениям служить в охранке, и 21-го Федя Глущенко был убит совместно с Костюхиным. Перед смертью Федя держался очень хладнокровно, сказал, что вполне заслуживает смерть, но просил передать товарищам-махновцам, что он умирает не как подлец, а как верный друг повстанцев, поступивший в Че-ка для того лишь, чтобы своею смертью спасти жизнь батьки-Махно. «Боже вам помоги» — были его последние слова.

Так кончилась предательская попытка Всеукраинской Че-ка посредством купленных людей убить руководителя революционного повстанчества товарища Махно.

Совет революционных повстанцев Украины (махновцев).

Июня, 21 дня 1920 г.»

Весь 1920 год, а также и последующие советвласть воевала с махновщиной под знаком борьбы с бандитизмом. Она развила усиленную агитацию в этом смысле, приспособив всю свою прессу и прочие органы пропаганды на служение этому своему измышлению. В то же время она обрушила на движение многочисленные стрелковые и кавалерийские дивизии, прилагая все усилия к тому, чтобы разгромить движение и действительно спихнуть его в пропасть бандитизма. Пленных махновцев беспощадно расстреливали, их родственников — отцов, матерей, жен — истязали и нередко казнили, имущества неизменно разграбляли, дома разрушали и т. д. Все это делалось в массовом размере. Нужна была сверхчеловеческая воля, героические усилия, чтобы, при наличии таких ужасов со стороны власти, широкая повстанческая масса удержалась на строго-революционных позициях и в ожесточении не спустилась в пропасть действительного бандитизма. Однако, эта масса ни на один день не потеряла мужества и ни на одну минуту не спустила революционного знамени. Для тех, кто наблюдал ее в этот тягчайший период, это было настоящим чудом и показателем того, как велика в трудовой массе вера в революцию, преданность ее вдохновенной идее.

* * *

В течение весны и лета 1920 г. махновцам пришлось воевать не с отдельными красноармейскими частями, а в сущности со всем государственным аппаратом большевиков Украины и Великороссии. Армии поэтому не раз приходилось, уклоняясь от врага, отрываться от своего района и делать громадные тысячеверстные рейсы. Она вынуждена была отступать то в Донскую область, то в Харьковскую и Полтавскую губернии. Рейсы эти были широко использованы ею в пропагандистских целях: каждое село, где махновцы останавливались на день-два, обращалось в широкую махновскую аудиторию.

Во время этих передвижений армии, в июне-июле мес. 1920 г., был сконструирован высший орган армии и всего движения — Совет революционных повстанцев Украины (махновцев), состоявший из семи избранных и утвержденных повстанческой массой членов. Совету были подчинены три основные отдела армии — военно-оперативный, контрольно-организационный и культурно-просветительный.

Глава девятая.

СОГЛАШЕНИЕ МАХНОВЦЕВ С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ. — ТРЕТЬЕ НАПАДЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ.

В течение лета 1920 г. махновцы неоднократно пытались пойти на Врангеля. Два раза они вступали в бой с его частями, но оба раза им ударяли в тыл красные войска, они оказывались между двух огней и вынуждены были выводить свои части из линии огня, прекратив наступление на Врангеля. Советская власть не жалела слов и красок, чтобы очернить махновцев. По всей Украине советские газеты трубили о союзе Махно с Врангелем. Летом 1920 г. уполномоченный харьковского правительства Яковлев на пленуме екатеринославского совета сделал заявление о том, что у советской власти имеются документальные данные союза Махно с Врангелем. Конечно, это заявление было сознательной ложью. К ней советская власть прибегала для того, чтобы расхолодить массы рабочих, которые, по мере продвижения Врангеля и отступления красных войск перед ним, все чаще начали обращать свои революционные взоры в сторону Махно и громко произносить его имя.

Ложным сообщениям большевиков о союзе Махно с Врангелем никто среди рабочих и крестьян не верил. Махно был слишком хорошо известен народу, а народ в то же время хорошо знал приемы большевиков. Но, должно-быть, большевистской выдумке поверил Вран-

гель, потому что ничем иным, как влиянием советской прессы, изо дня в день долбившей о союзе Махно с Врангелем, или безнадежным генеральским невежеством нельзя об'яснить тот факт, что генерал Врангель прислал от себя к Махно посланца. Вероятно, это была проба генерала — на всякий случай пощупать почву.

Приводим следующий документ.

Протокол заседания командного состава рев. повст. армии Украины (махновцев) 9-го июля 1920 г. с. Времьевка, Мариупольского уезда.

§ 4. Послание от генерала Врангеля.

К концу заседания доставили из штаба посланца от генерала Врангеля, который пред'явил письмо следующего содержания:

«Атаману повстанческих войск Махно.

Русская армия идет исключительно против коммунистов с целью помочь народу избавиться от коммуны и комиссаров и закрепить за трудовым крестьянством земли государственные, помещичьи и другие частновладельческие. Последнее уже проводится в жизнь.

Русские солдаты и офицеры борются за народ и его благополучие. Каждый, кто идет за народ, должен итти рука об руку с нами. Поэтому теперь усильте работу по борьбе с коммунистами, нападая на их тыл, разрушая транспорт и всемерно содействуя нам в окончательном разгроме войск Троцкого. Главное командование будет посильно помогать Вам вооружением, снаряжением, а также специалистами. Пришлите своего доверенного в штаб со сведениями, что Вам особенно необходимо и для согласования боевых действий.

Нач. штаба главнокомандующего вооруженными силами юга России генерального штаба генерал-лейтенант Шатилов.

Генерал-квартимейстер генерального штаба генерал-майор Коновалец.

18-го июня 1920 г. г. Мелитополь.»

Посланец, назвавшийся Иваном Михайловым, 28 лет, заявил, что ад'ютант Слащева вручил ему письмо для передачи батько-Махно, и что будто бы там все уверены, что батько-Махно работает совместно с Врангелем.

Попов: *) «Мы сегодня обсуждали ответ красным и нашли его правильным. Мы дадим теперь должный ответ белым насильникам».

Махно: «Единственный ответ, который мы можем дать на подобные гнусные письма, это постановить одно: какой бы делегат ни был прислан от Врангеля и вообще справа, должен быть казнен нами и никаких ответов не может быть дано».

Единогласно решается присланного делегата казнить и предложить Совету опубликовать присланное письмо и дать в печати достойный ответ».

Посланец Врангеля был тут же публично казнен, самый же случай был освещен махновцами в их печати. Большевикам все это было доподлинно известно; тем не менее, с бесстыдным лицом они продолжали всюду трубить о союзе Махно с Врангелем. Лишь после военно-политического соглашения махновцев с советской властью последняя, в лице главного военного комиссариата, заявила, что Махно никогда не находился в союзе с Врангелем, что советская власть, утверждая это раньше, была введена в заблуждение неправильной информацией, что наоборот — махновцы казнили делегатов Врангеля, не вступив с ними ни в какие переговоры. (См. заявление главного комиссариата по военным делам под заголовком «Махно и Врангель»» в харьковской газете «Пролетарий» и других газетах г. Харькова около 20 окт. 1920 г.). Это заявление, в котором советская власть разоблачала сама себя, было сделано ею, конечно, не в силу потребности сказать истину, а только в силу того, что она была вы-

*) Секретарь Совета революционных повстанцев.

нуждена сказать правду, вступив в военно-политическое соглашение с махновцами.

* * *

С средины лета 1920 г. Врангель начал брать инициативу борьбы в свои руки. Он медленно, но систематически продвигался, начиная угрожать всему донецкому бассейну. В связи с польским фронтом он представлял серьезную угрозу для революции, и одно время эта угроза разрослась до зловещих размеров.

Махновцы не могли оставаться равнодушными к движению Врангеля. Им было ясно, что с Врангелем надо бороться сейчас, пока он лишь начинает итти на революцию и не закрепился. Все, что будет сделано для разгрома его, пойдет в конечном счете на пользу революции. Но как быть с коммунистами? Их диктатура так же враждебна свободе труда, как и Врангель. Однако, разница между коммунистами и Врангелем была та, что на стороне первых были массы, верящие в революцию. Правда, эти массы цинично обманывались коммунистами, эксплуатировавшими революционный порыв трудящихся в интересах своей власти. Но массы-то, которые противопоставлялись Врангелю, верили в революцию, и этот факт многое означал. На совещании Совета революционнных повстанцев и штаба армии решено было повести главную борьбу с Врангелем. Широкая повстанческая масса должна была вслед за этим сказать свое решающее слово по этому поводу.

Уничтожением Врангеля, по мнению совещания, достигалось многое. Во-первых, устранялась одна лишняя опасность для революции. Во-вторых, обще-российская действительность освобождалась от той контр-революционной пестроты, от которой страдала в течение всех революционных лет. Рабочая и крестьянская масса очень нуждалась в таком очищении действительности. Она, благодаря этому, легче сможет осмотреться, подвести итоги прошлому, сделать выводы и заключения и дать революции новые силы. Совещание решило предложить коммунистам, в целях совместного разгрома

Врангеля, прекратить взаимную борьбу. От имени совета и командующего повстанческой армией еще в июле и августе 1920 г. были посланы телеграммы соответствующего содержания в Харьков и Москву. Ответа не было. Коммунисты вели прежнюю войну с махновцами, продолжали прежнюю заведомо-клеветническую кампанию против них. Но в сентябре месяце, когда эвакуировался Екатеринослав и когда Врангель занял Бердянск, Александровск, Гуляй - Поле, Синельниково, — в г. Старобельск, где стояли махновцы, приехала полномочная делегация от Ц. К. партии коммунистов-большевиков, во главе с коммунистом Ивановым, для переговоров о совместных действиях против Врангеля. Переговоры состоялись здесь же, в Старобельске, и здесь же были выработаны предварительные условия военно-политического соглашения махновцев с советской властью. Для окончательной редакции и утверждения они были посланы в Харьков. Для этого же, а также для постоянных сношений со штабом южного фронта в Харьков было послано военное и политическое представительство махновцев во главе с Куриленко, Будановым и Поповым.

Между 10 и 15 окт. 1920 г. условия соглашения были окончательно выработаны и приняты договаривающимися сторонами в следующем виде:

«УСЛОВИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ УКРАИНЫ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИЕЙ УКРАИНЫ (МАХНОВЦЕВ).

РАЗДЕЛ I — ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ.

1. Немедленное освобождение и прекращение преследований в дальнейшем на территориях советских республик всех махновцев и анархистов, за исключением вооруженно выступающих против советского правительства.

2. Полнейшая свобода агитации и пропаганды, как устно, так и печатно, махновцами и анархистами своих идей и понимании без призыва к насильственному нис-

провержению советского правительства и с соблюдением военной цензуры. В деле издания махновцы и анархисты, как революционные организации, признанные советской властью, пользуются техническим аппаратом советского государства, подчиняясь правилам техники издания.

3. Свободное участие в выборах советов, право махновцев и анархистов вхождения в таковые и свободное участие в подготовке созыва очередного 5-го всеукраинского с'езда советов, имеющего быть в декабре с. г.

По поручению совет. правительства У. С. С. Р. Я. Яковлев.

Уполномоченные Совета и командования рев. повст. армии Украины (махновцев): Куриленко. Попов.

РАЗДЕЛ II — ВОЕННОЕ СОГЛАШЕНИЕ.

1. Революционная повстанческая армия Украины (махновцев) входит в состав вооруженных сил республики, как партизанская, в оперативном отношении подчиняясь высшему командованию красной армии; сохраняет внутри себя установленный ранее распорядок, не проводя основ и начал регулярных частей красной армии.

2. Революционная повстанческая армия Украины (махновцев), продвигаясь по советской территории, фронту и через фронты, не принимает в свои ряды частей красной армии и дезертировавших из таковых.*)

Примечание:

а) Встретившиеся и примкнувшие к революционной повстанческой армии в тылу Врангеля красные части и отдельные красноабмейцы из таковых, по встрече с частями красной армии, подлежат возвращению в последнюю.

б) Оставшиеся в тылу Врангеля повстанцы-махновцы и местное население, вновь вступающее в ряды повстанческой армии, остаются в последней, хотя бы прежде и были мобилизованы в красную армию.

---

*) Пункт этот был выдвинут советским представительством, главным образом, ввиду частого перехода красных частей в армию махновцев. — П. А.

3. О состоявшемся соглашении революционная повстанческая армия Украины (махновцев), в целях уничтожения общего врага белогвардейщины, доводит до сведения идущей за ней трудовой массы путем соответствующих воззваний с призывом о прекращении военных действий против сов. власти, причем в целях достижения большего результата совет. правительство должно также немедленно опубликовать о состоявшемся соглашении.

4. Семьи революционной повстанческой армии махновцев, проживающие на территории советской республики, в льготах приравниваются к семействам красноармейцев и получают от совет. правительства Украины соответствующие документы.

Подписали: Командующий южфронтом Фрунзе.

Члены реввоенсовета южфронта: Бела-Кун, Гусев.

Уполномоченные совета и командования повстанческой армии махновцев — Куриленко, Попов.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПУНКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОГЛАШЕНИЯ.

Представительство совета и командования армии махновцев, в дополнение к трем первым пунктам, представило советской власти следующий четвертый пункт политического соглашения:

Ввиду того, что одной из главных сторон махновского движения является борьба за самоуправление трудящихся у себя на местах, повстанческая армия махновцев выдвигает четвертый пункт политического соглашения, а именно: организация в районе действий махновской армии местным рабоче-крестьянским населением вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономия и федеративная (договорная) связь с государственными органами советских республик.»

* * *

Долгое время советская власть под разными предлогами оттягивала публикацию этого соглашения. Представительство махновцев уже тогда чуяло в этом что-

то недоброе; полный же смысл этого оттягивания стал ясен тогда, когда соввласть совершила новое неожиданное предательское нападение на махновцев. Об этом, однако, ниже.

Видя неискренность соввласти в деле публикации достигнутого соглашения, махновцы поставили вопрос остро: пока соглашение не будет опубликовано, армия махновцев не может действовать на основании этого соглашения. И лишь после такого напора со стороны махновцев, советская власть опубликовала текст соглашения, но не сразу весь, а по частям — сначала часть вторую, по военному вопросу, а через неделю — первую часть, по политическому вопросу. Благодаря этому, смысл соглашения затемнился и уловился очень немногими читателями. Что же касается четвертого пункта политического соглашения, то большевики выделили его, заявив, что он требует особого обсуждения и сношения с Москвой. Представительство махновцев согласилось обсуждать его самостоятельно.

После этого, с 15—20 октября, махновская армия пошла на Врангеля. Боевым участком ее был район — Синельниково, Александровск, Пологи, Бердянск, и направление — Перекоп. При первых же боях, в районе Пологи — Орехов, была разбита большая группа врангелевцев, во главе с ген. Дроздовым, причем взято в плен около 4.000 врангелевских солдат. Через три недали означенный район был освобожден от войск Врангеля. В начале ноября махновцы совместно с красными войсками были уже под Перекопом.

Здесь необходимо отметить следующую важную черту: как только стало известно, что махновцы совместно с красными идут на Врангеля, настроение среди местного населения быстро поднялось. Врангель был бесповоротно осужден, и его конца всюду ждали со дня на день.

Роль махновцев в очищении Крыма от врангелевцев была следующая. В то время, когда под самым Перекопом стояли красные части, махновцы, согласно оперативного приказа, взяли левее Перекопа на 25—30 верст и стали переправляться через Сиваш, пролив, замерз-

ший к этому времени. Первой пошла конница под руководством Марченко — гуляй-польского крестьянина-анархиста, затем — пулеметный полк под руководством Кожина. Переправа шла под ураганным обстрелом со стороны противника и стоила больших жертв. В числе многих других, командир Фома Кожин был в первом же бою выведен из строя тяжелыми ранениями. Однако, упорство и смелость наступавших обратили врангелевцев в бегство. Тогда Семен Каретник, командующий крымской армией махновцев, направил все части прямо на Симферополь, который и был взят ими 13 или 14 ноября. Одновременно с этим красными частями был занят Перекоп. Несомненно, зашедшие через Сиваш вглубь Крыма махновцы способствовали его падению, заставив врангелевцев броситься в глубокий тыл полуострова, чтобы не оказаться зажатыми со всех сторон в перекопских ущельях.

* * *

Факт соглашения махновцев с советской властью впервые, после долгого периода беспрерывной войны, открывал району некоторую возможность спокойного общественного строительства. Мы говорим некоторую возможность, ибо, помимо того, что во многих местах района происходила ожесточенная война с войсками Врангеля (Гуляй-Поле, например, в это время несколько раз переходило из рук махновцев в руки врангелевцев и обратно), — помимо этого, сама советская власть, несмотря на соглашение, держала район в полублокаде, всячески парализуя революционные мероприятия трудящихся на местах. Однако, наиболее активное ядро махновцев, находившееся в Гуляй-Поле, старалось развить максимум энергии в области общественного строительства. Центральное внимание было направлено на организацию вольных трудовых советов, которые представляли бы органы местного рабоче-крестьянского самоуправления. В основу таких советов клалась идея полной независимости их от какой-либо сторонней власти и подотчетность местным труженикам.

Первый практический шаг в этом деле предприняли именно гуляй-польцы. За время от 1-го по 25-ое ноября 1920 г. они не меньше 5—7 раз собирались всем селом на сход по этому вопросу, постепенно, тщательно и осторожно подвигаясь к его решению. Основание вольному совету в Гуляй-Поле было положено в средних числах ноября 1920 г., но окончательно он не сконструировался, нуждаясь, как совершенно новый практический шаг трудящихся, во времени и опыте. В это же время Советом революционных повстанцев были разработаны и отпечатаны «Основные положения о вольном трудовом Совете» (проект).

Не меньшее внимание трудящиеся Гуляй-Поля уделили вопросу о школе. Многочисленные нашествия различных армий отозвались крайне губительно на школьном деле в районе. Учительский персонал, давно не получая никакого содержания, разбрелся, устраиваясь ради пропитания как попало. Школьные здания опустели и замерли. В период соглашения махновцев с советской властью школьный вопрос живо и непосредственно встал перед массами. Решение его махновцы поставили в плоскость самоуправления трудящихся. И школьное дело, говорили они, как и всё прочее, вытекающее из основных потребностей трудящихся, есть дело местного трудового населения. Об обучении своих детей грамоте и наукам оно непосредственно само должно заботиться. Но это еще не всё. Беря в свои руки дело обучения и воспитания молодого поколения, трудящиеся очищают и возвышают самую идею школы. В руках народа школа становится не только источником знания, но и средством воспитания и развития свободного человека, каковым должен быть каждый труженик в свободном трудовом обществе. Следовательно, с первого момента самоуправления трудящихся, школа должна быть независима не только от церкви, но в такой же мере и от государства.

Руководимые этой мыслью гуляй-польские крестьяне и рабочие воодушевленно приветствовали мысль об отделении школы от государства, о полной независимости ее от последнего — так же, как и от церкви. В

том же Гуляй-Поле оказались последователи и проповедники идей свободной школы Франциско Феррера, а также теоретики и практики идей единой трудовой школы.

Новая постановка вопроса школьного дела вызвала сильное движение и под'ем среди гуляй-польцев. Большинство культурных работников из крестьян стеклись к этому делу. Нестор Махно, хотя и имел в это время жестокую рану в ноге, живо интересовался ходом его, аккуратно посещая все собрания гуляй-польцев по этому вопросу и даже попросив знающих лиц сделать ему несколько докладов — лекций по теории и практике единой трудовой школы.

Конкретные начинания гуляй-польцев в области школьного дела выразились в следующем. Крестьяне и рабочие всем селом обязались взять на содержание учительский персонал, необходимый для обслуживания всех школ села (в Гуляй-Поле имелось несколько начальных школ и две гимназии). Была создана школьная комиссия из представителей крестьян, рабочих и учащих, которой были поручены учебно-организационная, а также хозяйственная сторона школьного дела. Приняв принцип отделения школы от государства, гуляй-польцы приняли также схему свободного обучения в школах, сходную со схемой свободной школы Франциско Феррера. В этом отношении школьной комиссией был разработан определенный план и подготовлена большая теоретико-организационная предварительная работа, к сожалению, не имеющаяся у нас под руками.

Одновременно с этим в Гуляй-Поле были предприняты занятия с неграмотными и малограмотными повстанцами. Нашлись люди с серьезной подготовкой и многолетним стажем, как специалисты по обучению грамоте взрослых.

Наконец, в это же время в Гуляй-Поле были организованы курсы политической грамоты для повстанцев. Их целью было — дать минимальные знания повстанцам по истории, социологии и родственным предметам, чтобы, таким образом, их боевое оружие пополнить оружием знания и подготовить их к более широкому пониманию

революционных задач и революционной стратегии. Занятия на курсах велись самими же повстанцами из крестьян и рабочих, наиболее начитанных. В их программу входили: а) политическая экономия; б) история; в) теория и практика анархизма и социализма; г) история великой французской революции (по Кропоткину); д) история революционного повстанчества в русской революции, и другое. Лекторские силы у махновцев были крайне слабы; однако, благодаря серьезному отношению к делу и со стороны лекторов, и со стороны повстанческой аудитории, курсы с первого же дня приняли живой, крайне деловой характер, обещая сыграть значительную роль в дальнейшем развитии движения.

И театру повстанцы уделили большое внимание. Еще до соглашения с большевиками, когда повстанческой армии приходилось изо дня в день принимать бои с многочисленными противниками, при ней постоянно сохранялась театральная секция из самих повстанцев, которая, насколько позволяла боевая обстановка, ставила пьесы частью для повстанческой массы, частью для крестьян.

В Гуляй-Поле имеется довольно большое театральное здание. Но профессиональные артисты в селе всегда были редкостью. Гуляй-Поле обходилось обыкновенно местными любительскими силами крестьян, рабочих и деревенской интеллигенции, т.-е., главным образом, учащих и учащихся. За время гражданской войны, жестоко разорившей Гуляй-Поле, интерес у гуляй-польцев к театру нисколько не ослабел, а как бы возрос. В дни соглашения махновцев с большевиками, когда договором с села были сняты блокады, театр в Гуляй-Поле ежедневно переполнялся тружениками; при этом крестьяне, повстанцы и их жены были не только артистами, но на сцене шли пьесы, написанные ими же самими*). Культурно-

*) Отметим одну пьесу, написанную молодым гуляйпольским крестьянином, принимавшим участие в разных фазах повстанческого движения. Она называется „Жизнь махновцев“ и состоит из нескольких актов. Пьеса знакомит нас с летом 1919 г., когда деникинская армия заняла всю Украину. В свободных дотоле сёлах вновь появились пристава, офицеры. С первых же дней их прихода возро-

просветительный отдел армии махновцев принимал непосредственное и активное участие в организации театрального дела в Гуляй-Поле и по всему району.

* * *

Никто среди махновцев не верил в продолжительность и прочность соглашения с большевиками. На основании прошлого, каждый ожидал, что они непременно создадут повод для нового похода на махновщину. Но, в виду политической обстановки, полагали, что соглашение это продлится три-четыре месяца. А это имело бы большое значение для широкой пропагандистской работы в районе, нужда в которой была огромная и на которую у махновцев накопилось много энергии. Последнее время, в силу своего положения, махновцы были почти совсем оторваны от этой работы. Главным же образом имелось в виду, что на почве этого соглашения удастся резко оттенить перед трудовыми массами сущность того, в чем большевики не сходятся с махновцами и из-за чего между ними идет борьба. Это и было бле-

---

дилось старое притеснение и угнетение трудящихся. Крестьян жмут на каждом шагу, реквизируют их имущество, производят беспрестанно обыски, ища махновцев. Происходят избиения и расстрелы старых и малых. Дух возмущения загорается в крестьянах. В разных местах они собираются в группы, обсуждают тяжелое положение, готовятся к восстанию и невольно обращают свои взоры и свое сердце к Махно, три месяца назад отступившему под напором армий Деникина и Троцкого.

Однако, слухи несутся, что Махно, разбив деникинцев, вновь идёт по Украине и приближается к Гуляй-Полю. Это вливает смелость и энергию в гуляй-польцев. Они, слыша, как в отдалении грохочут орудия махновцев, восстают, вступают в жестокую борьбу с деникинцами и изгоняют их при поддержке махновской кавалерии, передовыми отрядами в'ехавшей в это время в село.

Пьеса сильно отображает жизнь украинских деревень лета 1919 г. В ней представлено много народного горя, искреннего, душу захватывающего волнения, революционного под'ема и героизма, и она все время держит зрителей в напряженном состоянии.

стяще достигнуто. Четвертый пункт политического соглашения, в котором махновцы требовали от большевиков признать за рабочими и крестьянами право на их экономическое и общественное самоуправление, оказался абсолютно неприемлемым для советвласти. Однако, представители махновщины настойчиво требовали от последней или подписать этот пункт, или дать об'яснение, почему он ею отвергается. В то же время пункт этот стал выноситься махновцами на открытое обсуждение масс. В Харькове анархисты и махновцы в своих докладах перед рабочими касались этой темы. В Гуляй-Поле и окрестностях были выпущены листовки, освещавшие этот вопрос. К средине ноября этот небольшой пункт, укладывающийся в три-четыре строчки, стал всюду привлекать к себе массы и в недалеком будущем обещал быть центром их внимания.

Но к этому времени был ликвидирован Врангель. Для непосвященных это обстоятельство не могло повлиять на соглашение махновцев с советвластью. Махновцы же в этом событии увидели начало конца соглашению. Как только в Гуляй-Поле прибыла из их полевого штаба телеграмма о том, что Каретник с повстанческой армией уже в Крыму и пошел на занятие Симферополя, помощник Махно, Григорий Василевский воскликнул: «Конец соглашению! Ручаюсь чем угодно, что через неделю большевики будут громить нас». Это было сказано 15-го или 16-го ноября, а 26-го ноября большевики предательски напали на махновское командование и махновские войска в Крыму, на Гуляй-Поле, захватили махновское представительство в Харькове, разгромили и арестовали там же всех анархистов, а также анархистов и анархические организации по всей Украине.

Советская власть не замедлила об'яснить все эти позорные предательские нападения своим обычным излюбленным способом: махновцы и анархисты подготовляли-де восстание против советской власти. Лозунгом этого восстания должен был, будто бы, служить 4-ый пункт политического соглашения. Были, яко-бы, назначены даже время и место восстания. Махно, кроме того, обвинялся в том, что отказался итти на кавказский фронт;

что производил мобилизацию крестьян, подготовляя армию против советского правительства; что вместо того, чтобы воевать в Крыму с Врангелем, он воевал в тылу с красной армией, и т. д.

Нечего и говорить, что об'яснения эти — сплошная чудовищная ложь. К счастью, у нас имеются все данные для изобличения этой лжи и установления истины.

Во-первых. — 23-го ноября 1920 г. в Пологах и Гуляй-Поле махновцами были схвачены 9 агентов контрразведки 42-ой красноармейской стрелковой дивизии, которые, будучи изобличены в шпионаже, показали следующее: по приказу начальника контр-разведки, они должны были быть в Гуляй-Поле и установить местопроживание Махно, членов штаба, командиров и членов Совета; ждать, когда в Гуляй-Поле войдут красные войска и сразу же указать квартиры намеченных лиц; если же, во время внезапного прихода красных войск, эти лица будут перебегать из одного места в другое,—не упускать их из вида, все время следуя по их пятам. Нападения на Гуляй-Поле, по словам задержанных, можно было ждать 24 или 25 ноября.

На основании дознанного, от имени Совета революционных повстанцев и командующего армией Раковскому и Реввоенсовету южного фронта было послано сообщение о раскрытом заговоре и потребовано: 1) немедленно арестовать и предать военному суду начальника 42-ой дивизии, начальника штаба дивизии и прочих участников заговора и 2) во избежание недоразумений, закрыть проход красным частям через пункты: Гуляй-Поле, Пологи, М. Такмачка и Туркеновка.

Ответ харьковского советского правительства был следующий: заговор, должно-быть, является простым недоразумением; тем не менее, советская власть, для выяснения дела, создает комиссию и предлагает штабу армии махновцев послать от себя в эту комиссию двух человек. Этот ответ был передан из Харькова по прямому проводу 25 ноября. Утром следующего дня секретарь Совета революционных повстанцев П. Рыбин вновь говорил по этому поводу с Харьковом, откуда большевики

успокаивающе отвечали, что дело 42-й дивизии будет улажено к полному удовлетворению махновцев; при этом тут же сообщали, что вопрос с 4-м пунктом политического соглашения также подходит к благополучному разрешению. Разговор этот шел 26-го ноября в 9 час. утра по прямому проводу. А между тем, еще до этого разговора, — именно в 3 часа утра этого дня — в Харькове уже было захвачено представительство махновцев, арестованы все анархисты г. Харькова и остальных мест Украины. Ровно через два часа после разговора Рыбина по прямому проводу, Гуляй-Поле было обложено со всех сторон советскими войсками и обстреливалось ураганным артиллерийским и пулеметным огнем. В этот же самый день и час было произведено нападение на махновскую армию в Крыму, изменнически захвачены и убиты все члены полевого штаба махновцев и командующий крымской махновской армией Семен Каретник.

Несомненно, такая обширная операция нападений и арестов тщательно подготовлялась, и подготовлялась не менее полутора-двух недель.

Мы, таким образом, видим не только предательское нападение советской власти на махновцев, но и её тонкий организованный подход к этому делу, её усилия усыпить бдительность махновцев, обмануть их на словах в безопасности, чтобы, благодаря этому, прочнее схватить и задушить их на деле.

Во-вторых. — На другой день после упомянутого нападения на Гуляй-Поле — 27 ноября, махновцы захватили у пленных красноармейцев листовки: «Вперед на Махно» и «Смерть махновщине» — издание политотдела 4-ой армии, без даты. Листовки эти, по свидетельству красноармейцев, были розданы последним 15—16 ноября и звали на борьбу с Махно за нарушение им военно-политического соглашения, за отказ итти на кавказский фронт, за восстание против советской власти и т. д. Это показывает, что все перечисленные в листовках обвинения против Махно были сфабрикованы и отпечатаны еще в то время, когда махновская армия только-что прорвалась в Крым и заняла Симферополь,

а представительство махновцев спокойно работало с советской властью в Харькове.

В-третьих. — В течение октября-ноября месяца 1920 г., т.-е. в дни, когда военно-политическое соглашение махновцев с советвластью только-что утверждалось, в Гуляй-Поле дважды были обнаружены попытки советской власти убить Махно при помощи подкупленных лиц.

Добавим к этому, что никакого приказа, предписывающего повстанческой армии перейти на кавказский фронт, в Гуляй-Поле — в основной штаб армии — не поступало. Махно в это время, имея тяжелое ранение — раздробленную ногу, — совсем не занимался бумагами; последние поступали на руки начальнику штаба армии Белашу и П. Рыбину, секретарю Совета, которые о всяком поступающем в штаб документе сообщали на ежедневных заседаниях Совета.

Здесь следует припомнить отмеченный нами выше факт затягивания советской властью публикации текста военно-политического соглашения. Теперь становится вполне понятным, почему она упорно задерживала публикацию. Для нее это соглашение было чисто военным шагом, расчитанным, самое большое, на месяц-два, пока не будет ликвидирован Врангель. Вслед за его уничтожением она собиралась немедленно вновь об'явить махновцев бандитами и контр-революционерами и под этим лозунгом воевать с ними. Следовательно, не в её интересах было публиковать и выносить на обсуждение масс политический союз с махновцами. В сущности, она хотела бы совсем скрыть его от широких масс, чтобы на завтра, словно ничего и не было, продолжать борьбу с махновцами под прежним лозунгом борьбы с бандитизмом и контр-революцией.

Такова правда о разрыве военно-политического соглашения советской власти с махновцами.

Необходимо обратить сугубое внимание на самый текст соглашения. В нем отчетливо сказались две тенденции — государственная, отстаивающая обычные привиллегии и прерогативы власти, и народно-революционная, отстаивающая требования, которые с покон веков

выдвигаются подневольной массой к власть имущим. Характерно, что вся первая часть соглашения, относящаяся к области политических прав трудящихся, состоит из требований, пред'явленных лишь махновцами. Советская власть в этой области классически выдержала позицию тиранической стороны, т.-е. она урезывала требования махновцев, торговалась из-за каждого пункта, стараясь дать как можно меньше из того, что составляет необходимое и неот'емлемое в жизни народа — политические права.

Отметим также, что махновцы, исходившие из анархического понимания борьбы, всегда были противниками политических заговоров. В революционную борьбу они вступали открыто, перенося ее в среду широких трудовых масс, ибо верили, что только такая массовая революционная борьба может привести трудящихся к их победе; заговоры же — к смене властей, чтó было противно самой природе махновщины.

Таким образом, соглашение советской власти с махновцами было, в его зародыше, обречено большевиками на смерть и соблюдалось лишь до разгрома Врангеля.

Это ясно также из некоторых документов самой советской власти. Приводим приказ командующего южфронта Фрунзе, — приказ, который с головой выдает большевиков в их предательском нападении на махновцев, опровергая одновременно всю ложь, взводимую в этом деле советской властью на анархистов и махновцев.

ПРИКАЗ КОМАНДАРМУ ПОВСТАНЧЕСКОЙ Т. МАХНО. КОПИЯ КОМАНДАРМАМ ЮЖНОГО ФРОНТА. № 00149 ПОЛЕВОЙ ШТАБ, Г. МЕЛИТОПОЛЬ. 23 НОЯБРЯ 1920 г.

В связи с окончанием боевых действий против Врангеля, в виду его уничтожения, революционный военный совет южфронта считает задачу партизанской армии законченной и предлагает реввоенсовету повстанческой армии немедленно приступить к работе по превращению партизанских повстанческих частей в нормальные воинские соединения красной армии.

Существование повстанческой армии с особой организацией более не вызывается боевой обстановкой. Наоборот, существование наряду с частями красной армии отрядов с особой организацией и задачами приводит к совершенно недопустимым явлениям...*), и поэтому реввоенсовет южного фронта предлагает реввоенсовету повстанческой армии:

1) Все части бывшей повстанческой армии, находящиеся в Крыму, немедленно ввести в состав четвертой армии, реввоенсовету которой поручается их переформирование. 2) Упроформ в Гуляй-Поле расформировать и бойцов влить в запасные части по указанию командарма запасной. 3) Реввоенсовету повстанческой армии принять все меры к раз'яснению бойцами необходимости проводимой меры.

Подписали: Командующий южфронтом М. Фрунзе, член реввоенсовета Смильга, нач. полев. штаба армии Каратыгин.

Следует припомнить историю соглашения советской власти с махновцами.

Как отмечено выше, этому соглашению предшествовали предварительные переговоры махновцев с советской делегацией, специально приезжавшей в лагерь махновцев в г. Старобельск во главе с коммунистом Ивановым. Переговоры эти из Старобельска были перенесены в г. Харьков, где махновская делегация совместно с уполномоченными советской власти в течение трех недель вела работу по заключению соглашения. Каждый пункт

---

*) Здесь Фрунзе приводит случаи убийств и разоружения красноармейцев, совершенные, яко бы, махновцами. Но все приводимые им случаи разбирались им же, Раковским и представительством махновцев в Харькове, причем было установлено, что ко всем этим случаям махновская армия не имеет никакого касательства, и что поскольку деяния, враждебные красной армии, совершались другими, не махновскими отрядами, то только потому, что советская власть несвоевременно и не полно опубликовала о своем соглашении с махновцами. Ибо множество отрядов, разбросанных по Украине и не входивших в армию махновцев, очень считались с авторитетом последней и, несомненно, немедленно прекратили бы войну с советской властью, как только узнали бы о союзе её с махновцами.

этого соглашения тщательнейшим образом взвешивался и обсуждался обеими сторонами.

В своей окончательной форме соглашение было принято договаривающимися сторонами, т.-е. советской властью и революционным повстанческим районом в лице Совета революционных повстанцев Украины и подписано уполномоченными этих сторон.

По смыслу этого соглашения следовало, что ни один пункт его не мог быть отвергнут или изменен иначе, как по взаимному соглашению советской власти и Совета революционных повстанцев Украины, раз соглашение это не было нарушено ни одной, ни другой стороной.

Пункт 1-ый II-го раздела соглашения говорит, что (дословно): «Революционная повстанческая армия Украины (махновцев) входит в состав вооруженных сил республики, как партизанская, в оперативном отношении подчиняясь высшему командованию красной армии; сохраняет внутри себя установленный ранее распорядок, не проводя основ и начал регулярных частей красной армии».

Фрунзе приказом № 00149 от 23-го ноября 1920 г. требует расформировать армию повстанцев-махновцев и влить ее в части красной армии. Делается это, как сказано в приказе, потому, что советская власть, «в виду уничтожения Врангеля считает задачу партизанской армии законченной».

Этим приказом уничтожается не только приведенный выше 1-ый пункт соглашения по военному вопросу, но вообще все военно-политическое соглашение.

То обстоятельство, что советская власть делает это не в форме пересмотра и изменения уже существующего текста соглашения, а в форме спешного военного приказа, подкрепляя последний немедленным огнем, показывает, что для большевиков все соглашение имело значение лишь военной ловушки в отношении махновцев.

В добавление к приведенному приказу, четвертая красная армия, находившаяся в Крыму, получила инструкцию — действовать в отношении махновцев всеми

имеющимися в её распоряжении силами, если последние не подчинятся приказу.

Приказ Фрунзе без всяких коментариев рисует настоящее положение дел. Он предписывает махновцам упразднить их армию, превратив ее в обычную красноармейскую часть, — иными словами, махновщина должна сама покончить с собой. Можно бы удивляться такой наивности, если бы это была только наивность.

Однако, за ней скрывался вполне обдуманный, тщательно расчитанный шаг к решительному разгрому махновщины. Врангель разбит. Махновцы использованы. Момент — наиболее подходящий для их уничтожения. Следовательно, они теперь же должны прекратить свое существование. В этом смысл приказа.

Но, несмотря на некоторую свою прямоту, и приказ Фрунзе является ложью. Дело в том, что ни штаб армии в Гуляй-Поле, ни представительство махновцев в Харькове не получали его. Махновцам он стал известен 3—4 недели спустя после нападения, из газет, случайно попавших им в руки. И это вполне понятно. Большевики, подготовлявшие неожиданное нападение на махновцев, не могли послать им вперед такой приказ. Этим был бы сорван весь их план. Приказ сразу, во всех местах поставил бы махновцев на ноги, и ни одно подготовлявшееся большевиками нападение не имело бы успеха. Это прекрасно знала советская власть. Поэтому до последней минуты она держала в строгой тайне свои намерения. После, когда нападения были произведены и разрыв стал совершившимся фактом, появился в печати приказ Фрунзе. Он был напечатан впервые 15-го декабря в харьковской газете «Коммунист», а дата на нем была 23 ноября. Все эти хитрости делались с той целью, чтобы захватить махновцев врасплох, расколотить их, а после об'яснять этот акт с «законом в руках».

Нападение на махновцев сопровождалось повсеместными арестами анархистов. Этим актом, помимо прямой борьбы с анархической идеей, большевики стремились задушить голос протеста, убить всякую возможнось осветить перед массами событие. Арестовывались

не только анархисты, но также находившиеся с ними в простом знакомстве или интересовавшиеся анархической литературой. В Елисаветграде арестовали около 15 человек мальчиков от 15 до 18 лет. Хотя губ. власти в Николаеве остались неудовлетворены арестом этих детей, говоря, что следовало бы достать «настоящих» анархистов, а не таких юнцов, — тем не менее, дети эти остались в заключении.

В Харькове ловля анархистов приняла такой характер, какой вряд ли знала Россия в прошлые годы. На квартирах всех местных анархистов были устроены засады. Была устроена засада в книжном магазине «Вольное братство». Всякого, приходившего в него за покупкой книг, неожиданно схватывали и отправляли в Че-ка. Хватали лиц, которые останавливались и читали недавно выпущенную (легально) и наклеенную на стену анархическую газету «Набат». Местный анархист Григорий Цесник, благодаря случаю, избежал ареста. Тогда большевики посадили в тюрьму его жену — человека, стороннего всякой политической деятельности. Последняя об'явила голодовку с требованием освободить ее. Большевики цинично заявили, что если Цесник дорожит своей женой, то должен сам явиться к ним. Цесник, больной туберкулезом, действительно явился и был заключен в тюрьму.

Мы уже говорили, что в Крыму был предательски захвачен весь полевой штаб и командующий махновской армией. Командир конницы Марченко, окруженный было частями 4-й красной армии, пробился через ряд заслонов и заграждений на Перекопе и к 7-му декабря, двигаясь день и ночь, добрался до группы Махно. Соединение произошло в греческом местечке Керменчик. Слух о прорыве из Крыма махновской армии носился уже несколько ней. Наконец, 7-го декабря прибыл гонец с известием, что через несколько часов прибудет группа Марченко. С волнением махновцы, находившиеся в Керменчике, вышли встречать героев на окраину села. Но когда в отдалении увидели двигавшуюся конную группу, — сердце у всех сжалось. Вместо могучей конницы в 1500 человек, возвращался небольшой отряд в 250 че-

ловек. Под'ехали передовые части во главе с Марченко и Тарановским.

— «Имею честь доложить — крымская армия вернулась», — заговорил с легкой иронией Марченко. Все улыбнулись. «Да, братики», — продолжал Марченко: — «вот теперь-то мы знаем, что такое коммунисты». Но Махно был угрюм. Вид разбитой, почти уничтоженной знаменитой конницы сильно потряс его. Он молчал, стремясь удержать волнение. На состоявшемся сейчас же митинге были сделаны доклады о том, как произошло нападение в Крыму: командующий армией Каретник был вызван советским командованием в Гуляй-Поле, яко-бы для военного совещания, и по дороге изменнически схвачен; начальник полевого штаба Гавриленко, члены штаба и некоторые командиры были взяты под предлогом обсуждения военно-оперативных дел армии. Все схваченные были немедленно расстреляны. Культурно-просветительный отдел, находившийся в Симферополе, был взят без всяких военных хитростей.

* *
*

В момент окружения Гуляй-Поля красными войсками — 26 ноября, — в последнем находилось лишь 150—200 человек кавалерии особой сотни. Этой сотней Махно сбил советский кавалерийский полк, наступавший на Гуляй-Поле по Успеновской дороге, и вышел из тесного кольца красных войск. Первую неделю он организовывал стекавшиеся к нему с разных сторон повстанческие отряды и некоторые красноармейские части, уходившие к нему от большевиков. Создался отряд в 1000 сабель и 1500 чел. пехоты, с которым он затем пошел в наступление. Ровно через неделю он занял Гуляй-Поле, разбив стоявшую в нем 42 дивизию и взяв 6000 человек пленных. Из последних около 2000 ч. из'явили желание остаться в повстанческой армии, а остальные, после проведенного митинга, были распущены в тот же день. Три дня спустя Махно нанёс красным более серьезный удар под селом Андреевкой. С глубокой ночи и до вечера

след. дня он вел там беспрерывный бой с двумя красными дивизиями, разбил их, взяв от 8000 до 10000 пленных. Последние, как и в Гуляй-Поле, были тут же распущены. Добровольцы остались в армии. И затем, еще, один за другим три удара нанес Махно красным частям в с. Комарь, Царе-Константиновке и г. Бердянске. Красноармейская пехота дралась нехотя, а при случае массами сдавалась в плен. *)

Одно время махновцев радовала мысль, что победа будет на их стороне. Им казалось, что следовало лишь разбить две-три значительные группы красных, двигавшиеся на махновцев в разных направлениях, и тогда красная армия частью перейдет к махновцам, а частью будет оттянута к северу. Но вот из разных мест от крестьян пришли сведения, что большевики в каждом селе ставят полки, преимущественно кавалерийские, и что в некоторых местах накопляются огромные массы их войск. И действительно, южнее Гуляй-Поля, в с. Федоровке Махно был окружен несколькими пехотными и кавалерийскими дивизиями. С двух часов ночи

---

*) Пленных красноармейцев сейчас же распускали, советуя им ехать на родину и не служить в руках власти орудием угнетения народа. Но ввиду того, что махновцы сейчас же двигались дальше, все распущенные пленные через 5—6 дней вновь оказывались в своих частях. Советвласть организовала особые комиссии, которые специально занимались сбором распущенных махновцами красноармейцев. Для махновцев, таким образом, в этой борьбе создался заколдованный круг, из которого они не могли найти разумного выхода. Положение советвласти было проще: согласно постановлению „Особой комиссии по борьбе с махновщиной", всех захваченных махновцев расстреливали на месте.

К большому сожалению, мы не можем привести здесь важный в этом отношении документ советской власти, утраченный нами в боевой обстановке 1920-го года. Документ этот является приказом по Богучарской (кажется 41-й) бригаде, разбитой махновцами под греческим селом Константином в декабре 1920 года. Он гласит следующее (не дословно): согласно постановления „Особой комиссии по борьбе с махновщиной", „дабы не развивать в войсках слюнявой политики" (т. е. примирительной. П. А.) и не заражать ею красноармейцев, — всех пленных махновцев расстреливать на месте пленения.

и до четырех часов дня он вел с ними беспрерывный бой; затем, прорвав цепь, ушел в северо-восточном направлении. Через три дня такая же история случилась в греческом селе Константин: масса неприятельской конницы и ураганный орудийный огонь со всех сторон. Из сообщений пленных красных офицеров Махно узнал, что против него действуют четыре армии—две конных и две смешанных, и что цель красного командования — зажать его со всех сторон сильными военными заслонами, которые уже быстро сближаются между собою. Эти показания сходились с показаниями крестьян и с личными наблюдениями и заключениями Махно. Стало ясно, что разгром двух-трех красноармейских групп будет иметь мало значения в той массе войск, которая брошена на махновцев. Вопрос шел уже не о победе над советскими войсками, а о том, как не допустить катастрофы повстанческой армии. Этой небольшой по количеству армии в 3000 бойцов ежедневно приходится принимать бой с противником в 10.000—15.000 человек. В таких условиях армия несомненно подойдет, в конце концов, к катастрофе. Совещанием Совета революционных повстанцев было решено временно покинуть весь южный район, предоставив Махно полноту свободы в деле движения армии.

Гению Махно было пред'явлено величайшее испытание. Казалось совершенно невозможным выйти из той массы войск, которая со всех сторон вцепилась в группу повстанцев. Три тысячи бойцов - революционеров были окружены войском в 150.000 человек. Махно ни на минуту не потерял мужества и вступил в героическое единоборство с этими войсками. Окруженный со всех сторон красными дивизиями, он шел, как сказочный титан, отбиваясь направо, налево, вперед и взад. Разбив несколько красноармейских групп и взяв в плен свыше 20.000 красноармейцев, Махно, словно ничего не видя впереди, пошел было на восток, к Юзовке, где, как его предупредили юзовские рабочие, ему был устроен сплошной военный заслон, но вдруг круто повернул на запад и пошел фантастическими, ему одному свойственными путями. Дороги были брошены и движение армии на

сотни верст шло по снежным полям, руководимое каким то изумительным способом и умением ориентироваться в снежной пустыне.*) Этот маневр дал возможность армии махновцев увернуться от сотен орудий и пулеметов, смыкавшихся вокруг нее, и в то же время разбить на Херсонщине под с. Петрово две бригады 1-ой конной армии, считавшие местопребывание Махно за сто с лишним верст от себя.

Борьба растянулась на несколько месяцев с беспрерывными, шедшими день и ночь, боями.

В Киевской губернии армия махновцев попала в период гололедицы, в такую изуродованную скалистую местность, что пришлось бросить всю артиллерию, снабжение и почти все тачанки. И в это же время ко всей колоссальной массе войск, повисших на Махно, неожиданно добавились еще две кавалерийские дивизии червонного казачества, стоявшие на западной границе. Все пути были отрезаны. Местность — могила: скалы и крутые балки, покрытые льдом. Двигаться можно было лишь невыносимо медленно. А со всех сторон беспрерывный артиллерийский и пулеметный огонь. Никто не видел выхода и спасения. Но в то же время никто не хотел позорно разбегаться. Все решили умирать вместе, один около другого.

Невыразимо тяжело было глядеть это время на горсть повстанцев, окруженных скалами, небом и вражеским огнём, преисполненных вдохновенной решимости биться до последнего и, в то же время, уже обреченных. Боль, отчаяние и особенная грусть охватывали всё существо. Хотелось крикнуть на весь мир, что совершается величайшее преступление, что убивается и гибнет героическое в народе, — то, что он выделяет из себя в героические эпохи.

---

*) Карта и компас в таких бездорожных движениях не имеют никакого значения. Они могут дать верное направление движению, но в то же время могут завести куда-либо в яр или реку, чего никогда не бывало в передвижении махновской армии. Несомненно, тайна изумительного передвижения махновцев по бездорожным степям заключается в прекрасном знании ими большинства украинских равнин.

Махно с честью вышел из пред'явленного ему испытания. Он дошел до Галиции, поднялся затем к Киеву, недалеко от него переправился обратно через Днепр, спустился в Полтавщину и Харьковщину, вновь поднялся на север к Курску и, перейдя железную дорогу между Курском и Белгородом, оказался в новой, более легкой обстановке, оставив далеко позади себя многочисленные кавалерийские и пехотные дивизии красных.

* * *

Однако, героическое единоборство группы махновцев с государственными армиями большевиков на этом не закончилось. Советское командование напрягло все усилия, чтобы захватить и уничтожить главное ядро махновщины. Со всех мест Украины оно стягивало и бросало на Махно многочисленные пехотные и кавалерийские дивизии. Мертвое огневое кольцо вновь и вновь захлёстывалось вокруг героев-революционеров и вновь зачиналась смертельная схватка.

В письме к своему другу Махно в следующих словах обрисовал конец этого потрясающего героического эпизода в истории махновщины.

Он пишет*):

«Как только ты уехал, дорогой друг, через два дня я занял город Корочу (Курск. губ.), выпустил несколько тысяч экземпляров «Положения о Вольных Советах» и сейчас же взял направление через Варпнярку и Донщину на Екатеринославщину и Таврию. Ежедневно принимал ожесточенные бои — с одной стороны с пехотными частями коммунистов-большевиков, которые шли по нашим следам, а с другой стороны — со второй конной армией, специально брошенной против меня большевистским командованием. Конечно, ты нашу конницу знаешь, — против нее большевистская, без пехоты и автоброневиков никогда не устаивала. И я, правда, с

*) Письмо это написано Н. Махно уже после того, как он покинул пределы России.

большими потерями, но удачно расчищал перед собою путь, не меняя своего маршрута. Наша армия каждым днем доказывала, что она есть подлинно-народная революционная армия, — по создавшимся внешним условиям она логически должна была бы таять, а она росла и людьми, и богатым военным снаряжением.

На пути этого направления в одном из серьезных боев наш особый полк (кавалерийский) потерял убитыми более 30-ти человек, на половину из них командиры. В числе последних наш милый славный друг, юноша по возрасту, старик и герой в боях, командир этого полка Гаврюша Троян. Пуля сразила его наповал. С ним же рядом Аполлон и много других славных и верных товарищей умерло.

Не доходя до Гуляй-Поля мы встретились с большими свежими нашими силами под командой Бровы и Пархоменко. Затем на нашу сторону перешла 1-ая бригада 4-ой дивизии конной армии Будённого во главе с самим бригадным Маслаком. Борьба с властью и произволом большевиков разразилась еще ожесточеннее.

В первых числах марта Брова и Маслак были выделены мною из армии, которая находилась при мне, в самостоятельную Донскую группу и отправлены на Дон и Кубань. Выделена была группа Пархоменка и отправлена в район Воронежа (сейчас Пархоменко убит, во главе оставался анархист из Чугуева). Выделена была группа сабель в 600 и полк пехоты Иванюка под Харьков.

В это же время наш лучший товарищ и революционер Вдовиченко в одном бою был ранен, вследствие чего его с некоторой частью пришлось отправить в район Новоспасовки для излечения. Там он был выслежен одним большевистским карательным отрядом и при отстреле он и Матросенко*) застрелились. При этом, Матросенко совсем, а у Вдовиченко пуля осталась в голове ниже мозга. И когда коммунисты взяли его и узнали, что он есть Вдовиченко, дали ему скорую помощь и та-

---

*) Матросенко — украинский повстанец и поэт из крестьян. — П. А.

ким образом на время спасли от смерти. Вскорости после этого я имел от него сведения. Он лежал в Александровске в больнице и просил забрать его как-либо оттуда. Его страшно мучили, предлагая отречься от махновщины через подпись какой-то бумаги-отречения. Он с презрением всё это отверг, несмотря на то, что в это время он еле-еле мог говорить, и поэтому был накануне расстрела, но расстреляли его или нет, — мне не удалось выяснить.

Сам я за это время сделал рейс через Днепр под Николаев, а затем оттуда обратно через Днепр по-над Перекопом направился в свой район, где должен был встретиться кое с какими своими частями. У Мелитополя коммунистическое командование устроило мне ловушку. Назад на правый берег Днепра ходу уже не было. Пошел лёд по Днепру. Поэтому мне самому пришлось сесть на лошадь*) и руководить маневром боя. От одной части я уклонился от боя, другую своими разведывательными частями заставил сутки стоять развёрнутым фронтом в ожидании боя и этим временем сделал переход в 60 верст, разбил на рассвете 8-го марта третью часть большевиков, стоявшую у Молочного озера, и через стрелку между Молочным озером и Азовским морем вышел на простор в районе Верхнего Токмака. Здесь я откомандировал Куриленко в район Бердянск—Мариуполь руководить в этом районе делом повстания. Сам отправился через Гуляй-Поле в район Черниговщины, откуда от нескольких уездов у меня была от крестьян делегация, чтобы заглянул в их район.

В пути моя группа, т.-е. группа Петренко в 1500 сабель и из двух пехотных полков, находившихся при мне, была остановлена и сжата со всех сторон сильными большевистскими частями. Здесь опять-таки пришлось мне самому руководить контр-атакой. Контр-атака была удачна. Мы разбили врага вдребезги, массу взяли в плен людей, оружия, орудий и коней. Но спустя два

*) В это время т. Махно имел раздробленую ногу: пуля попала в щиколотку ноги и вынесла почти все кости. Поэтому верхом на лошадь он садился в исключительных случаях. — П. А.

дня нас снова атаковали свежие и сильные части противника. Каждодневные бои настолько втянули людей в бесстрашие за жизнь, что отваге и геройству не было пределов. Люди с возгласом: «жить свободно или умереть в борьбе» бросались на любую часть и повертали ее в бегство. В одной сверх-безумной по отваге контратаке я был в упор пронизан большевистской пулей в бедро через слепую кишку на вылет и свалился с седла. Это послужило причиной нашего отступления, так как чья-то неопытность крикнула по фронту — «Батько убит! . . .»

12 верст меня везли, не перевязывая, на пулеметной тачанке и я совершенно было сошёл кровью. Не становясь на ногу, совершенно не садясь, я без чувств лежал, охраняемый и доглядаемый Левой Зиньковским. Это было 14-го марта. В ночь против 15-го марта возле меня сидели все командиры группы, члены штаба армии во главе с Белашом и просили подписать приказ разослать по сто, по 200 бойцов к Куриленко, к Кожину и другим, которые самостоятельно руководили восстаниями в определенных районах. Приказ этот имел целью отправить меня с особым полком в тихий район до времени, пока я вылечусь и сяду в седло. Приказ я подписал и разрешил Забудько выделить легкую боевую группу и в указанном районе действовать самостоятельно, не теряя со мною связи. А на рассвете 16-го марта части уже были разосланы, кроме особого полка, оставшегося при мне. И в это время на меня наскочила 9-ая кавалерийская дивизия и в течение 13-ти часов преследовала нас 180 верст. В с. Слобода возле Азовского моря мы заменили лошадей и 5 часов покормили людей и лошадей . . .

17-го марта на рассвете мы направились в сторону Новоспасовки и пройдя верст 17 натолкнулись на другие свежие кавалерийские части большевиков, которые шли по следам Куриленко и, утеряв след последнего, напали на нас. Прогнав нас, нуждающихся в отдыхе и неспособных на сей день к бою, верст 25, совсем начали наседать. Что делать? В седло я сесть не могу, я никак на тачанке не сижу, я лежу и вижу, как сзади в

40—50 саженях идет взаимная неописуемая рубка. Люди наши умирают только из-за меня, только из-за того, что не хотят оставить меня. Но в конце-концов гибель очевидна и для них и для меня. Противник численно в 5—6 раз больше и бойцы его все свежие и свежие подскакивают. Смотрю, — ко мне на тачанку цепляются люйсисты*), что были и при тебе возле меня. Их было пять человек под командой Миши из села Черниговки Бердянского уезда. Поцепившись, они прощаются со мной и тут же говорят: «Батько, вы нужны делу нашей крестьянской организации. Это дело дорого нам. Мы сейчас умрем, но смертью своей спасем вас и всех, кто верен вам и вас бережет; не забудьте передать нашим родителям об этом». Кто-то из них меня поцеловал, и больше я никого из них возле себя не видел. Меня в это время Лева Зиньковский на руках переносил из тачанки на крестьянские дроги, которые повстанцы достали (крестьянин куда-то ехал). Я слыхал только пулеметный треск и взрывы бомб, то люйсисты преграждали путь большевикам. За это время мы уехали версты 3—4 и перебрались через реченку. А люйсисты там умерли.

После мы заезжали на это место и крестьяне села Стародубовки Мариупольского уезда показали нам в поле могилку, в которой они, крестьяне, похоронили наших люйсистов. И по сию пору, вспоминая этих простых честных крестьян борцов, я не могу удержаться от слез. Я все же должен сказать тебе, дорогой мой друг, что это меня, как бы, вылечило. В тот же день к вечеру я сел в седло и вышел из этого района.

В апреле месяце я связался со всеми своими частями, и тем, которые были недалеко от меня, велел сгруппироваться на Полтавщине. К маю месяцу я сгруппировал на Полтавщине Фому Кожина и Куриленко. Это составило более 2000 сабель одной конницы и несколько полков пехоты. Решено было пойти на Харьков и разогнать земных владык из партии коммунистов-боль-

---

*) Команда пулеметчиков, вооруженных ручными пулеметами системы „Люйса". — П. А.

шевиков. Но последние не спали. Они выслали против меня больше 60-ти автоброневиков, несколько дивизий конницы, целую армию пехоты. Бой с этими частями длился несколько недель.

Спустя месяц после этих боев там же, на Полтавщине, в одном бою погиб Щусь. Последнее время он был начальником штаба в группе Забудько и очень хорошо и честно работал.

А еще спустя месяц погиб Куриленко. При переходе нашей армии через линию железной дороги он своей группой прикрывал армию, почему, размещая части, он оставался с дежурным взводом, сам лично наблюдал за раз'ездами. В одном хуторе его охватила кавалерия Буденного и он там погиб.

18-го мая 1921 г. конная армия Будённого передвигалась из района Екатеринослава на Дон для подавления крестьянского восстания, руководимого нашими товарищами Бравой и Маслаком — командиром 1-ой бригады дивизии армии Будённого, перешедшего со всей бригадой на нашу сторону.

Наша сводная группа под руководством Петренко-Платонова, при которой находился я и главный штаб, стояла в 20—15 верстах от маршрута, по которому двигалась армия Будённого. Это соблазнило Будённого, ибо он хорошо знал, что я нахожусь всегда при сводной группе. Поэтому он приказал начавточасти № 21, двигавшейся в это время туда же на Дон для подавления восстания трудового крестьянства, сгрузить 16 автоброневиков и оцепить предместье с. Ново-Григорьевки (Стременное). Сам Будённый с частями 19-ой кавалерийской дивизии (бывшей дивизии «внус») через поля и дороги пришел в с. Ново-Григорьевку ранее, чем это предполагал начальник автоброначасти, об'езжавший реченки и овраги и расстанавливавший у дорог сторожевые автоброневики. Бдительный глаз наших наблюдателей это во-время заметил, что дало нам возможность приготовиться, и как-раз в то время, когда Будённый подходил к нашему расположению, мы бросились ему навстречу.

В одно мгновение гордо несшийся впереди Будённый

бросил своих соратников и, гнусный трус, обратился в бегство.

Кошмарная картина боя развернулась тогда перед нами. Красные части, пришедшие на нас, состояли из бывших войск внутренней охраны, с нами на крымском фронте не были, нас не знали и, следовательно, были обмануты, что они идут против «бандитов», что воодушевляло их гордость — от бандитов не отступать.

Наши же друзья повстанцы чувствовали себя правыми и считали долгом во что бы то ни стало разбить их и разоружить.

Бой был, какие редко до того и после того бывали. Он завершился полным поражением Будённого, что послужило разложением в армии и бегством из нее красноармейцев.

После этого мною был выделен отряд из сибиряков под командой т-ща Глазунова, который был всем хорошо снабжен и отправлен в Сибирь.

В первых числах августа 21 года по большевистским газетам мы читали об этом отряде, что он появился в Самарской губернии. Больше о нём не слыхали.

Всё лето 21-го года мы не выходили из боёв.

Засуха и неурожай в Екатеринославской, Таврической, частью Херсонской и Полтавской губ., а также на Дону, заставили нас передвинуться частью на Кубань и под Царицын и Саратов, а частью на Киевщину и Черниговщину. На последней всё время вёл бои тов. Кожин. При встрече с нами, он передал мне целые кипы протоколов черниговских крестьян, которые гласят полную поддержку нам в борьбе за вольный советский строй.

Я лично с группами Забудько и Петренко сделал рейс до Волги, обогнул весь Дон, встретился со многими нашими отрядами, связал их между собою и азовской группой (бывшая Вдовиченко).

В начале августа 21 года, в виду серьезных ранений у меня, решено было временно выехать мне с некоторыми командирами заграницу, на излечение.

В это время тяжело были ранены наши лучшие командиры — Кожин, Петренко и Забудько. . .

13-го августа 1921 г. я с сотней кавалеристов взял направление к берегам Днепра и 16-го августа того же года на рассвете при помощи 17-ти крестьянских рыболовческих лодок между Орликом и Кременчугом переплыл Днепр. В тот же день был шесть раз ранен, но не тяжело.

По пути движения и на правом берегу Днепра мы встречали многие наши отряды, которым освещали цель нашего выезда заграницу, и от всех слыхали одно: «уезжайте, вылечите Батько и возвращайтесь снова к нам на помощь...» 19-го августа, в 12-ти верстах от Бобринца мы наткнулись на расположенную по реке Ингулец 7-ую красноармейскую кавалерийскую дивизию. Поворот назад грозил нам гибелью, т.-к. один кавалерийский полк заметил нас справа и устремился отрезать нам путь назад. Вследствие чего я попросил Зиньковского посадить меня на лошадь. В мгновение ока, обнажив шашки и с криком — ура! — бросились мы в деревню и вскочили в расположение пулеметной команды упомянутой кавдивизии. Захватив 13 пулемётов «Максима» и три — «Люйса», мы двинулись дальше.

В то время, что мы брали пулемёты, вся кавалерийская дивизия выскочила из села Николаевки и ближайших хуторов в поле и, опомнившись, перешла в контратаку. Мы, таким образом, оказались в мешке. Однако, не потеряли духа. Сбив с нашего пути 38-ой полк 7-ой кавдивизии, мы затем шли на протяжении 110 верст, отбиваясь от беспрерывных атак этой дивизии и в конце концов ушли от нее, правда, потеряв 17 человек лучших наших товарищей.

22 августа со мной снова лишняя возня, — пуля попала мне ниже затылка с правой стороны и на вылет в правую щеку. Я снова лежу в тачанке. Но это же ускоряет наше движение. 26-го августа мы принимаем новый бой с красными, во время которого погибли наши лучшие товарищи и борцы — Петренко-Платнов и Иванюк. Я делаю изменение маршрута и 28 августа 1921 г. перехожу Днестр. Я — заграницей . . .»

* * *

* * *

Третий поход большевиков на махновцев был одновременно и походом на украинскую деревню. Общая задача их в этом походе заключалась в том, чтобы, разбив махновскую армию, немедленно взять в руки все недовольное крестьянство, отнять у него возможность выделять какие бы то ни было революционно-партизанские течения и формирования. Освободившаяся после разгрома Врангеля многочисленная красная армия давала полную возможность этого. Через все непокорные села непокорного района были проведены красные дивизии, истреблявшие крестьян по доносам местных кулаков. Когда, неделю спустя после изменнического нападения большевиков на Гуляй - Поле, Махно вновь вошел туда, то крестьяне и крестьянки массами окружали махновцев и горестно повествовали о том, что только вчера коммунисты расстреляли свыше трехсот человек местных крестьян. Население Гуляй-Поля напряженно ждало со дня на день прихода махновцев, которые бы спасли несчастных. Тот же массовый расстрел крестьян махновцы через нескольких дней нашли в с. Новоспасовке. В этом последнем культурно-просветительным отделом армии махновцев и Советом повстанцев были зарегистрированы случаи, когда опьяненные убийствами чекисты заставляли матерей брать на руки своих грудных детей и затем одним выстрелом поражали их. Так было, например, поступлено с женой и грудным ребенком старого повстанца из Новоспасовки, Мартына. Ребенок был разорван винтовочной пулей, а мать лишь ранена и осталась в живых по недосмотру чекистов. И таких случаев было немало. О них со временем расскажет история. Те же массовые расстрелы крестьян были произведены большевиками в селах М. Токмачка, Успеновка, в Пологах и других.

Всей этой карательной экспедицией руководил командующий армиями южного фронта Фрунзе.

«С махновщиной надо покончить в два счёта», — писал он в приказе по армиям южного фронта перед

началом этой экспедиции. И как истый военный, преисполненный, притом, желания отличиться перед начальством, он в'ехал в украинскую деревню с обнаженной шашкой, сея смерть направо и налево*).

---

*) Приведем две, характерные для большевиков и данного момента, казни.

Середа. — Крестьянин—махновец, Екатеринославской губ., беспартийный. Был казначеем армии, потом в разных делах замещал Махно, которого любил и оберегал с исключительной преданностью. В период соглашения махновцев с большевиками в окт. 1920 г. он в боях с Врангелем был ранен в грудь на вылет и одна пуля застряла в нем. В виду необходимости операции, он поехал в Харьков, в полной уверенности, что там комвласть поможет ему в его серьезном положении. В Харькове он действительно был положен в госпиталь, но через неделю, когда большевики произвели повсеместное нападение на махновцев и анархистов, был взят из госпиталя и в марте месяце 1921 г. расстрелян. Здесь уместно припомнить следующее: во время занятия Екатеринослава в октябре 1919 г., махновцы совсем не трогали находившихся в лазарете деникинских солдат и офицеров и солдат других армий, считая убийство находящихся в лазарете врагов актом недопустимым для чести революционера. Пришедший в Екатеринослав, месяц спустя, деникинский генерал Слащев (теперешний советский генерал) истреблял всех махновцев, находившихся в лазаретах. Коммунистическая власть пошла дальше Слащева: она расстреляла человека, который, будучи ранен на общем с ней фронте, приехал к ней за помощью, считая свою жизнь под охраной договора, подписанного этой властью.

Богуш.—Анархист, только-что приехавший из Америки вместе с другими высланными оттуда анархистами. В период соглашения махновцев с большевиками он находился в Харькове, и много наслышавшись о легендарном Г.-Поле, решил поехать туда и на месте познакомиться с явлением махновщины. Большевики давали полную возможность этого, предоставляя в распоряжение махновского представительства паровоз и отдельные вагоны для перевоза в Гуляй-Поле культурных работников. Однако, Богуш в свободном гуляй-польском районе пробыл лишь несколько дней и, ввиду разрыва большевиков с махновцами и начавшейся между ними войны, вернулся в Харьков, где был арестован и по постановланию Че-ка расстрелян в марте мес. 1921 г.

Этот случай нельзя об'яснить ничем иным, как тем, что большевики не хотели оставить в живых ни одного из тех лиц, кто знал правду о нападении на махновцев и мог ее рассказать.

Глава десятая.

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО В МАХНОВЩИНЕ. — ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС.

Всё сказанное о махновщине показывает, что это — низовое движение крестьян и рабочих, и основное в нём — стремление утвердить свободу труда путем революционной самодеятельности масс.

С первых дней своего зарождения движение охватило бедноту всех национальностей, населявших район. Подавляющее большинство составляли, конечно, украинские крестьяне. Около 6%—8% было крестьян и рабочих из Великороссии. Затем шли греки, евреи, кавказцы и бедняки иных национальностей. Греческие и еврейские поселения, расположенные в приазовском районе, находились в постоянной связи с движением. Из греков вышло несколько прекрасных революционных командиров, и до последнего времени в армии имелись особые греческие отряды.

Состоящее из бедняков, спаянное единством рабочих рук, движение сразу же прониклось тем глубоким духом братства народов, который свойствен лишь настрадавшемуся труду. В его истории не было ни одного момента, когда бы оно опиралось на национальные признаки. Вся борьба махновцев с большевизмом велась только во имя защиты прав и интересов труда. Деникинцев, австро-германцев, петлюровцев, французские десанты (в Бердянске), Врангеля махновцы прежде всего встречали, как врагов труда. В любом чужеземном на-

шествии они видели главным образом угрозу трудящимся и нисколько не интересовались национальным флагом, под которым шло вторжение.

В «Декларации», выпущенной Реввоенсоветом армии в октябре 1919 г., в главе по национальному вопросу махновцы говорят следующее:

«Говоря о независимости Украины, мы понимаем эту независимость не как независимость национальную, типа петлюровской самостийности, а как независимость социальную и трудовую рабочих и крестьян. Мы заявляем о праве украинского (как и всякого другого) трудового народа на самоопределение не в смысле «самоопределения наций», а в смысле «самоопределения трудящихся»...

По вопросу о языке преподавания в школах махновцы писали следующее:

«В культурно-просветительный отдел армии махновцев поступают запросы от учительского персонала о том, на каком языке преподавать теперь в школах (в связи с изгнанием деникинцев).

Революционные повстанцы, держась принципов подлинного социализма, не могут ни в какой области и ни в какой мере насиловать естественные потребности народа украинского. Поэтому вопрос о языке преподавания в школах может быть решен не нашей армией, а только самим народом, в лице родителей, учащих и учащихся.

Само собою разумеется, что все распоряжения так-называемого «Особого Совещания» деникинцев, а также приказ ген. Май-Маевского за № 22, запрещавшие материнский язык в школах, отныне уничтожаются, как насильно навязанные нашим школам.

В интересах духовного развития народа, язык школьного преподавания должен быть тот, к которому естественно склоняется местное население, учащие, учащиеся и их родители, и оно, а не власть и не армия, должно свободно и самостоятельно разрешить этот вопрос.

Культ.-Просв. Отдел Армии Повстанцев Махновцев.

(«Путь к Свободе» № 10, 18 окт. 1919 г.).

Мы видим, таким образом, что национальные предрассудки не имели места в махновщине. Также никакого места в движении не имели религиозные предрассудки. Как революционное движение городской и деревенской бедноты, махновщина являлась принципиальным противником всякой религии, всякого бога. В современных социальных движениях она — одно из немногих, где абсолютно не интересовались ни своей, ни чужой национальностью, ни своей, ни чужой религией, но где главным почитались труд и свобода труженика.

Однако, ненавистники движения старались в этой области наиболее дискредитировать движение. И в русской, и в заграничной прессе неоднократно сообщалось о махновщине, как об узком партизанском движении, чуждом идеалов международной братской солидарности и даже несущем на себе грех антисемитизма. Нет ничего преступнее подобных ложных измышлений. Для освещения этой стороны вопроса, мы приведем здесь необходимый фактический материал, относящийся к данной области.

В армии махновцев немалую роль играли евреи революционеры, из которых многие отбывали каторгу за революцию 1905 г. или жили в эмиграции в государствах западной Европы и Америки. Укажем из них на следующих лиц:

Коган. — Помощн. председателя высшего органа движения — Районного Гуляй-Польского Военно-Революционного Совета. Рабочий. Но еще до революции 1917 г., по мотивам духовного характера, ушел с фабрики к земледельческому труду в беднейшую еврейскую земледельческую колонию. В бою с деникинцами под Уманью был ранен, а затем, будучи раненым захвачен в уманьском лазарете деникинцами, по сообщениям, зарублен ими.

Л. Зиньковский (Задов).—Начальник армейской контр-разведки, а впоследствии комендант особого кавалерийского полка. Рабочий. До революции пробыл свыше 10 лет на каторге по политич. делу. Один из активнейших деятелей революционного повстанчества.

Е л е н а К е л л е р. — Секретарь культ.-просвет. отдела армии. Участница професс. рабочего движения в Америке. Работница. Одна из организаторов Конфедерации «Набат».

И о с и ф Э м и г р а н т (Г о т м а н). — Член культ.-просв. отдела армии. Рабочий. Один из активных участников анархич. движения на Украине. Один из организаторов и член секретариата Конфедерации «Набат».

Я. А л ы й (С у х о в о л ь с к и й). — Рабочий. Член культ.-просв. отдела армии. Отбывал каторгу по политическому делу. Один из организаторов и член секретариата Конфедерации «Набат».

Список евреев-революционеров, принимавших участие в различных областях махновского движения, мы могли бы значительно удлиннить, но, по мотивам конспирации, не можем этого сделать.

С среде революционного повстанчества трудовое еврейское население занимало подлинно братское место. Еврейские трудовые колонии, во множество разбросанные в уездах Мариупольском, Бердянском, Александровском и других, принимали самое активное участие в районных с'ездах крестьян, рабочих и повстанцев, имея на них, а также в районном Военно-Революционном Совете, своих представителей.

В феврале месяце 1919 г., в виду случаев антисемитизма, Махно предложил всем еврейским колониям организовать самооборону и выдал необходимое количество винтовок и патронов каждой колонии. В это же время он организовал и провел по всему району ряд митингов, на которых призывал массы к борьбе со злом антисемитизма.

В свою очередь, и местное трудовое еврейское население относилось к революционному повстанчеству с глубоким чувством солидарности и революционного единства. По зову Военно-Революционного Совета пополнять армию повстанцев-махновцев добровольными бойцами, еврейские колонии дали из своей среды значи-

тельное количество бойцов в ряды повстанческой армии.

В армии повстанцев-махновцев имелась особая еврейская батарея, обслуживавшаяся одними евреями артиллеристами и имевшая еврейскую полуроту прикрытия. Эта батарея, под руководством повстанца-еврея Шнейдера, героически обороняла Гуляй-Поле от наступавшего в июне 1919 г. Деникина и, сражаясь до последнего снаряда, вся погибла под Гуляй-Полем в борьбе с полчищами Деникина.

В громадном повстанческом круговороте 1918-19 гг. могли, конечно, быть отдельные лица с анти-еврейским настроением, но они являлись продуктом не повстанчества, а общей русской действительности, и не имели никакого значения в целом движении. И когда такие лица прорывались с анти-еврейскими действиями, они подпадали под суровую руку повстанцев-революционеров.

Выше мы уже отметили, как решительной рукой махновцев был убит Григорьев со своим штабом, и указали, что одним из главных оснований этой казни послужила его причастность к еврейскому погрому.

Приведем другие случаи, относящиеся к этой области и нам известные.

12 мая 1919 г. в еврейской земледельческой колонии Горькой, Александровского уезда, было убито несколько еврейских семейств — всего около 20 человек. Штаб махновцев для расследования дела немедленно назначил комиссию, которая установила, что совершившие убийства были крестьяне соседнего села Успеновки, в числе 7 человек. Крестьяне эти не входили в повстанческую армию. Однако, махновцы нашли невозможным оставить их безнаказанными и при задержании немедленно расстреляли. После было установлено, что этот случай и попытки к другим подобным случаям находились в связи с деникинскими отрядами, просочившимися в гуляй-польский район и подготовлявшими подобными актами благоприятную почву для общего наступления деникинской армии на Украину.

4-го или 5-го мая 1919 г. Махно с несколькими командирами спешно ехал с фронта в Гуляй-Поле, где его в течение дня ожидал чрезвычайный уполномоченный республики Л. Каменев с членами харьковского правительства. На станции Верхний Токмак он неожиданно увидел плакат с надписью: «Бей жидов, спасай революцию, да здравствует батько-Махно».

«Кто повесил плакат?» — обратился Махно.

Оказывается, плакат повесил один партизан, лично известный Махно, принимавший участие в боях с деникинцами и человек в общем не плохой. Он немедленно явился и был тут же расстрелян.

Махно уехал в Гуляй-Поле. Но в течение всего дня и всего совещания с уполномоченными республики он находился под впечатлением этого прискорбного случая. Он сознавал, что с повстанцем поступили жестоко, но в то же время видел, что в обстановке фронта и наступавшего Деникина такие плакаты могут принести огромное бедствие еврейскому населению и вред революции, если против них не действовать быстро и решительно.

В момент отступления повстанческой армии к Умани, летом 1919 г., было несколько случаев ограбления партизанами еврейских семейств. Когда повстанцы расследовали эти случаи, обнаружилось, что виновниками их была неизменно одна и та же группа — 4-5 человек. Все они оказались из григорьевских отрядов, которые после убийства Григорьева целиком перешли в армию махновцев. Группа эта по обнаружении была ликвидирована, а вслед за этим были удалены из повстанческой армии все бойцы, бывшие в григорьевских отрядах, как идейно невыдержанный элемент, на перевоспитание которого не было ни подходящих условий, ни времени. Мы видим, таким образом, как махновцы относились к антисемитизму. Проявлявшиеся же вспышки антисемитизма в разных местах Украины не имели никакого отношения к махновщине.

Там, где еврейское население соприкасалось с махновцами, оно находило в последних лучших защитников себе от антисемитских проявлений. Еврейское на-

селение Гуляй-Поля, г. Александровска, Бердянска, Мариуполя, все земледельческие еврейские колонии, расположенные в донецком районе, могут самым полным образом свидетельствовать о том, что в лице махновцев они имели неизменных друзей революционеров, и что, благодаря суровым и решительным действиям последних, антисемитские старания контр-революционных сил в этом районе всегда рубились в корне.

Антисемитизм существует, как в России, так и в ряде других стран. В России и в частности на Украине он проявлялся не как результат революционной эпохи или повстанческого движения, а как наследие прошлого. Всегда махновцы сурово боролись с ним словом и делом. За время своего движения они выпустили ряд изданий, в которых призывали массы на борьбу с этим злом. Можно смело сказать, что в области борьбы с антисемитизмом на Украине и за пределами ее махновцы совершили огромное дело. В нашем распоряжении имеется сейчас одно воззвание, выпущенное махновцами совместно с анархистами по поводу антисемитских проявлений весной 1919 г., имевших несомненную связь с началом общего деникинского наступления на революцию. Вот оно (в сокращении):

«РАБОЧИМ, КРЕСТЬЯНАМ И ПОВСТАНЦАМ.

С угнетенными против угнетателей — всегда!

В тяжелые дни реакции, когда положение украинских крестьян было безвыходным, вы первые восстали, как непоколебимые, бесстрашные борцы за великое дело освобождения трудовых масс... Это был самый красивый и радостный момент в истории нашей революции, ибо вы выступили тогда против врага с оружием в руках, как сознательные революционеры, воодушевленные великой идеей свободы и равенства... Но в ряды ваши стали вкрапываться отрицательные преступные элементы. И среди революционных песен, среди дружных напевов о приближающемся освобождении трудящихся стали раздаваться

тяжелые, душу раздирающие крики несчастных забитых евреев бедняков... На светлом, ярком фоне революции появились темные несмываемые пятна запекшейся крови бедных мучеников—евреев, которые в угоду злой реакции являются теперь, как и раньше, напрасными невинными жертвами завязавшейся классовой борьбы... Творятся акты позора. Происходят еврейские погромы.

Крестьяне, рабочие и повстанцы! Вы знаете, что в страшной пропасти бедноты прозябают одинаково рабочие всех национальностей: и русские, и евреи, и поляки, и немцы, и армяне и т. д. Вы знаете, что тысячи еврейских девушек, дочерей народа, покупаются и бесчестятся капиталом, наряду с куплей женщин других национальностей. В то же время вы знаете, как много честных искренних евреев — борцов революционеров — погибло за свободу в России в течение всего нашего освободительного движения... Революция и честь трудящихся обязывают всех нас крикнуть громко, так, чтобы содрогнулись все темные силы реакции, о том, что мы ведем борьбу с одним общим врагом — с капиталом и властью, одинаково угнетающими тружеников: русских, поляков, евреев и т. д. Мы должны об'явить всюду, что нашими врагами являются эксплуататоры и поработители разных наций: — и русский фабрикант, и немецкий заводчик, и еврейский банкир, и польский помещик... Буржуазия всех стран и национальностей об'единилась для жестокой борьбы против революции, против трудящихся масс всего мира и всех национальностей.

Крестьяне, рабочие и повстанцы! В настоящий момент, когда на русскую революцию обрушился интернациональный враг — буржуазия всех стран — и сеет в рядах трудовых масс национальную рознь, чтобы подорвать революцию и пошатнуть главный фундамент нашей классовой борьбы — солидарность и единение всех трудящихся, — вы должны выступить против сознательных и бессознательных контр-революционеров, провоцирующих дело освобождения трудового народа от капитала и власти. Ваш революционный долг — пресечь в корне всякую национальную травлю и беспощадно расправляться со всеми виновниками еврейских погромов.

Путь к освобождению трудящихся лежит через об'единение трудящихся всего мира.

Да здравствует интернационал труда!

Да здравствует свободная безвластная анархическая коммуна!

Исполком Военно-революционного Совета Гуляй-Польского района.

Гуляй-Польская группа анархистов «Набат».

Командующей армией повстанцев-махновцев Батько-Махно.

Нач. штаба армии повстанцев-махновцев Б. Верстельников.

Село Гуляй-Поле. Май 1919 г.»

Приложение к главе.

Приказ № 1. *)

Командующего рев. повстанческой амией Украины Батько-Махно.

Всем командирам. По пехоте: корпусов, бригад, полков, баталионов, рот, взводов и отделений. По кавалерии: бригад, полков, эскадронов и взводов. По артиллерии: дивизионов, батарей и полубатарей. Всем начальникам штабов, гарнизонов, всем комендантам. Всем без исключения повстанцам-революционерам.

1. Задачей нашей революционной армии и каждого повстанца, в нее вступившего, является честная борьба за полное освобождение трудящихся Украины от всякого порабощения. Поэтому каждый повстанец обязан помнить и следить за тем, что среди нас не может быть места лицам, стремящимся за спиной революционного повстанче-

*) Приказ этот был выпущен в момент сбора и формирования всех повстанческих сил в одну армию, когда в последнюю были влиты, в районе Елисаветград — Помощная, после отхода из гуляй-польского района, григорьевские отряды и красноармейские части, пришедшие из Нового Буга.

ства к личной наживе, к разбою или к ограблению мирного еврейского населения.

2. Каждый революционный повстанец должен помнить, что как его личными, так и всенародными врагами являются лица богатого буржуазного класса, независимо от того, русские ли они, евреи, украинцы и т. д. Врагами трудового народа являются также те, кто охраняет буржуазный несправедливый порядок, т.-е. советские комиссары, члены карательных отрядов, чрезвычайных комиссий, раз'езжающие по городам и селам и истязающие трудовой народ, нежелающий подчиниться их произвольной диктатуре. Представителей таких карательных отрядов, чрезвычайных комиссий и других органов народного порабощения и угнетения каждый повстанец обязан задерживать и препровождать в штаб армии, а при сопротивлении — расстреливать на месте. За насилия же над мирными тружениками, к какой-бы национальности они ни принадлежали, виновных постигнет позорная смерть, недостойная революционного повстанца.

3. Всякие самочинные реквизиции и конфискации, а также замена у крестьян лошадей и бричек, без бумаг от начальника снабжения, воспрещаются под страхом суровой ответственности. Каждому повстанцу надлежит помнить, что самовольные реквизиции привлекают в ряды повстанческой армии самых от'явленных хулиганов, стремящихся лишь к наживе, дают им возможность, под именем революционных повстанцев, творить подлые дела, позорящие наше революционное освободительное движение.

Призываю всех повстанцев-партизан самим следить за порядком и честью истинно революционной повстанческой армии, борясь со всякой несправедливостью, как в своей среде, так и в среде защищаемого нами трудового народа*). Не может быть несправедливости в нашей среде. Не может быть обиды от нас ни одному сыну и дочери трудового народа, за который боремся. И всякий,**) кто это до-

---

*) Т.-е. борясь с несправедливостью как в собственной среде, так и по отношению к среде трудового народа. — П. А.

**) Т.-е. всякий повстанец. — П. А.

пустит, покрывает себя позором и навлекает на себя кару народной революционной армии.

4. В интересах революции и правильной борьбы за наши идеалы необходима во всех частях самая серьезная товарищеская дисциплина. Необходимы полное уважение и послушание в военном деле вами избранным себе командирам. Этого требует вся серьезность выпавшего на нас великого дела, которое мы с честью доведем до конца и которое, при отсутствии между нами дисциплины, мы погубим. А потому вменяю в обязанность всем командирам частей ввести совместно с повстанцами строжайшую в своей среде и в своем деле дисциплину.

5. Пьянство считается преступлением. Еще большим преступлением считается показываться повстанцу революционной армии в нетрезвом виде на улице.

6. При переездах из одного села в другое каждый повстанец должен быть в полной боевой готовности. Отношение к мирному населению в селах и пути должно быть прежде всего вежливое, товарищеское. Помните, товарищи командиры и повстанцы, что мы — дети великого трудового народа, каждый труженик и труженица являются нашим братом и сестрою. Дело, за которое мы боремся — великое дело, требующее от нас неутомимости, великодушия, братской любви и революционной чести. Поэтому призываю всех повстанцев-революционеров быть истинными друзьями народа и верными сынами революции. В этом наша сила и залог победы.

Командующий революц. повстанческой армией Украины Батько-Махно.

Местечко Добровеличковка, Херсонской губ.

5-го августа 1919 г.

Глава одиннадцатая.

ЛИЧНОСТЬ МАХНО. — КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ УЧАСТНИКАХ ДВИЖЕНИЯ.

Махновщина есть революционное движение масс, подготовленное историческими условиями жизни беднейших слоев русского крестьянства. Явись Махно или нет, движение неизбежно пробилось бы из низов наружу и вылилось бы в своеобразные формы. С первых дней революции оно стучалось из глубин народа в разных местах России. Не на Украине, так в другом месте оно неминуемо должно было пробиться наружу и занять своё место. Русская революция в своем чреве несла его. 1918 год в обстановке Украины помог ему широким потоком выйти на простор и до некоторой степени закрепиться. Как движение низовое и историческое, оно с первых же дней выдвинуло многочисленную плеяду лиц, до того времени никому неизвестных, сильных духом, с огромным революционным инстинктом и большими способностями в области боевой стратегии. Такими с начала движения были—Калашников, братья Каретники, Василевский, Марченко, Вдовиченко, Куриленко, Гавриленко, Петренко, Белаш, Щусь, Иван и Александр Лепетченко, Исидор Лютый, Веретельников, Чубенко, Тыхенко, братья Даниловы, Л. Зиньковский, Крат, Серегин, Тарановский, Пузанов, Троян и ряд других, менее известных. Все они были пионерами махновского движе-

ния, носителями его знамени и прекрасными руководителями. И это же движение выдвинуло достойного себе общего руководителя, в лице Нестора Махно.

Мы знаем Махно в трех стадиях его развития.

Первая стадия — это когда он был юным революционером, заключенным в каторжной тюрьме. В обстановке каторги он ничем особенным не отличался от других, жил, как и все прочие, — носил кандалы, сидел по карцерам, вставал на поверку. Единственное, что обращало на него внимание — это его неугомонность. Он вечно был в спорах, в расспросах и бомбардировал тюрьму своими записками. Писать на политические и революционные темы у него было страстью. Кроме того, сидя в тюрьме, он любил писать стихотворения и в этой области достиг большего успаха, чем в прозе. Званием анархиста в то время он очень дорожил, считая, что выше и красивее анархического мира идей ничего нет. В момент империалистической войны он был абсолютно чужд патриотического угара, которым, кстати сказать, страдала добрая половина политических каторжан. Призывы Кропоткина, поддерживавшего одну из воюющих сторон, его страшно огорчили, но нисколько не поколебали.

Вторая стадия развития Махно — это промежуток времени от 1-го марта 1917 до лета 1918 года. В этот период он проявил кипучую революционную деятельность в районе Гуляй-Поля. Профессиональные союзы рабочих и союзы крестьян в Гуляй-Поле, первый рабоче-крестьянский совет в нём — это всё продукты упорной работы Махно в1917 году. Среди местных крестьян он в это время приобрел огромную популярность, однако на фоне российской действительности, когда революция выдвинула целый ряд энергичных натур, ничем особенным не отличался. Но в нем просвечивала уже новая черта: находясь в общении с товарищами, он часто уходил в себя и неожиданно для окружающих принимал быстрые, важные в его жизни решения.

И наконец, третья стадия — это участие его в рядах

революционного повстанчества со времени гетманщины до последних дней.

Несомненно, область восставшей крестьянской массы, область революционного и военного действия явилась для него той стихией, в которой он нашел себя целиком.

Весной 1919 г., когда нам впервые пришлось наблюдать его в новой обстановке, в качестве вождя революционного повстанчества, это был уже совершенно новый, п р е о б р а ж е н н ы й человек.

Внешне Махно оставался тем же, внутренне же из него смотрел совсем другой человек. Он весь горел своим делом. Во всех его движениях сказывались ум, сила воли и проницательность. Тогда он целиком был занят южным противоденикинским фронтом. Энергия, проявленная им в этом деле, колоссальна. Целыми неделями и месяцами он дни и ночи был на фронте, обычно в цепи, на ряду с прочими повстанцами. А когда приезжал в Гуляй-Поле, все время проводил в работах штаба. Работы эти ежедневно длились до часу ночи и дольше. Лишь после окончания их Махно ложился спать. А на другой день в пять-шесть часов утра он уже ходил по Гуляй-Полю и будил в окна заспавшихся членов штаба. При этом ежедневно он принимал участие в митингах и собраниях — или в самом Гуляй-Поле, или в соседних селах. И в то же время он находил полчаса, час времени, чтобы побывать на крестьянской свадьбе, куда молодые пригласили его еще две-три недели тому назад. С крестьянами он поддерживал прежние мужицкие отношения, был внимателен к ним и жил в общем тою же простою жизнью, что и они.

На Украине среди крестьян и рабочих ходит множество легенд о Махно, представляющих его необычно-смелым, хитро-умным и всепобеждающим. На самом деле, когда всматриваешься в самого Махно, изучаешь его в действиях, то убеждаешься в том, что он легендарнее всех легенд о нем.

Махно есть человек исторического д е й с т в и я. Три года его революционной борьбы наполнены беспрерывными делами, из которых одно красочнее другого.

НЕСТОР МАХНО

Центральной стороной личности Махно является его огромная сила воли. Казалось, этот небольшой человек сложен из какого-то особенно твердого материала. Ни перед какими препятствиями он не отступал, раз брался преодолеть их. В наиболее тягчайшие минуты своей жизни, когда происходила катастрофа на фронте, или когда на глазах его погибали его ближайшие друзья, он оставался постоянно неизменным, словно случившееся не касалось его. На самом деле он больше других страдал в этих случаях, но не выносил своих страданий наружу. Когда, после срыва военно-политического соглашения в ноябре и декабре 1920 г., большевики, зная, с кем они имеют дело, и чтобы не повторять ошибок всего предыдущего лета, бросили на Махно четыре армии войск, последний оказался в катастрофическом положении. Однако, он ни на волос не потерял душевного равновесия. Спокойствие его было поистине изумительно: он не обращал никакого внимания на тысячи снарядов, разрывавших на куски повстанческий отряд, на ежеминутную опасность быть каждое мгновение раздавленным тяжелыми красными армиями. Постороннему наблюдателю это хладнокровне Махно могло бы показаться хладнокровием душевно-больного человека. Но это могло показаться лишь незнакомому человеку. Знающие Махно видели, что в этом своем спокойствии он представлял собою сплошной волевой порыв к победе над врагом.

Решительность Махно есть решительность подлинных героев, в отличие от решительности другого типа людей, действующих решительно за чужими спинами и чужими руками. Во всех важных случаях Махно постоянно идёт впереди, первый рискуя своей головою. Всегда — идет ли он в бой с отдельным полком, или вся армия сымается и растягивается обозом на 15—20 верст, — Махно вечно впереди, верхом, если здоровый, или в быстрой коляске, если раненый. Это неизменное правило в армии.

В военном отношении он несомненно огромный талант. В какие только невероятно тяжелые условия ни

ставила его и его армию украинская действительность. Он всегда с достоинством выходил из них. Уманьский разгром деникинских дивизий, предводительствуемых опытными генералами-академиками, и последующий разгром всего тыла деникинцев являются историческими памятниками военного таланта Махно. Таких памятников у него несколько.

По своему революционному и социальному мировоззрению, Махно — анархист-коммунист. Он фанатично предан своему классу — бесправному и подневольному беднейшему крестьянству.

Махно — хитро-умный. Эта черта его ума, полученная от народа и взращенная крестьянской обстановкой, просвечивает в нём всюду. Он вполне заслуженно пользуется преданностью и любовью, как в самой армии, так и в широкой крестьянской среде. В этой среде он считается своим, единственным, особенным. — «Батько — наш», говорили о нём повстанцы. — «Он и стакан водки выпьет с нами, и речь хорошую скажет, и в цепь пойдет» . . . — В этих словах дана, пожалуй, лучшая характеристика Махно, как сына народа. Его связь с народом всегда была настоящая, черноземная. Вряд ли в России найдется человек, который бы пользовался такой популярностью и живой любовью масс, как Махно. Крестьяне втайне гордятся им. Однако, он никогда не опирался на эту любовь, чтобы подчеркнуть свое положение: наоборот, нередко с чисто-украинским юмором посмеивался над своим положением.

В Махно чувствуется резкая, твердая рука руководителя. Он не властник по своим тенденциям, но в обстановке действий всегда проявлял необходимую твердость, не внося при этом в движение самодовлеющего властничества и отводя его в то же время от опасности распыления.

Известно, как много судачили большевики по поводу того, что крестьяне звали Махно «батько». В главе третьей мы уже указывали на то, каким образом и при каких обстоятельствах дано ему это название. С 1920 года его обычно зовут «малый», — имя характеризую-

щее его малый рост и случайно подвернувшееся кому-то из повстанцев *).

В личности Махно ярко проявлены черты большого человека — ум, сила воли, смелость, энергия, активность. В соединении эти черты придавали могучий облик Махно и возвышали его даже в революционной среде.

Однако, у Махно была недостаточная теоретическая подготовка, недостаточные исторические и политические знания. Благодаря этому он часто не справлялся с широкими революционными построениями и обобщениями или просто упускал их из вида.

Огромное движение революционного повстанчества нуждалось в своих социально-революционных формулах. Махно, при недостатке теоретических знаний, поневоле не всегда справлялся с ними. При том положении, которое он занимал в революционном повстанчестве, это отражалось на всем движении.

Мы того мнения, что обладай Махно бо̀льшими знаниями по истории и общественно-политическим вопросам, революционное повстанчество, вместо некоторых поражений, имело бы ряд выдающихся побед, которые сыграли бы колоссальную — быть-может решающую — роль в дальнейшей судьбе всей русской революции.

В самой личности Махно была, кроме того, черта, которая умаляла его сильные стороны — это временами проявлявшаяся в нём доля беззаботности. Перед лицом серьезнейшего положения и серьезнейших требований момента этот человек, полный энргии и настойчивости, вдруг являл черты несвоевременной беспечности и не проявлял в полной мере того проникновенного отношения к задаче дня, которое требовалось общим положением.

Так, победы махновцев над контр-революцией Дени-

*) Начиная с 1920 г. большевики много писали об отрицательных личных сторонах Махно, ссылаясь на дневник, яко-бы, его жены, некоей Федоры Гаенко, захваченный, будто, во время одного боя. Жена Махно — Галина Андреевна Кузьменко. Она живет с ним с 1918 г. Никогда она личного дневника о махновском движении не вела и не теряла. Следовательно, ссылка на такой дневник есть обычная ложь власти, не постеснявшейся прибегнуть к фальсификации.

кина осенью 1919 г. не были максимально использованы и развиты до размеров общеукраинского повстания, хотя обстановка для этого была очень благоприятная. Причиной этому, наряду с прочими, были, до некоторой степени, увлечение минутой победы, спокойствие и беспечность, с которыми руководители повстанчества, совместно с Махно, расположились в освободившемся районе, не отдав должного внимания быстро надвигавшемуся с севера большевизму.

Но Махно рос и развивался вместе с ростом и развитием русской революции. С каждым годом он становился сосредоточеннее. В 1921 году он много глубже того, чем был в 1918—1919 гг.

При рассмотрении личности Махно нельзя упускать из вида крайне неблагоприятную обстановку, окружавшую его с детских лет: полное почти отсутствие грамотности около него и полное отсутствие практического опыта и практических руководств в социально-революционной борьбе. Несмотря на это, Махно совершил неумираемые дела в русской революции, и история с полным правом отнесет его к числу выдающихся людей этой революции.

К нашему удивлению, большинство современных русских анархистов, претендовавших на руководящую роль в области анархической мысли, не сумели видеть основных выдающихся сторон личности Махно. Многие из них смотрели на него через большевистские стекла, беря материал из рук государственной агентуры, или останавливались на мелочах в Махно. Выдающимся исключением в этом отношении явился П. А. Кропоткин.

«Передайте от меня т-щу Махно, чтобы он берег себя, потому что таких людей, как он, в России немного».

Эти слова были сказаны Кропоткиным в июне 1919 г., т.-е. тогда, когда в центральной России о Махно, кроме извращенных сведений, никакого другого материала не было.

Проникновенный взор Кропоткина на расстоянии, по отрывочным фактам, узнал в Махно личность крупного исторического действия.

Краткие сведения о некоторых участниках движения.

Настоящую главу мы закончим краткими сведениями о некоторых ответственных участниках движения. Собранный о них биографический материал пропал в начале 1921 г., в силу чего мы теперь можем дать о них лишь крайне скудные сведения.

Семен Каретник. — До революции безземельный крестьянин Гуляй-Поля, батрак. Образование начальное, одногодичное. Участник движения с первых дней. Анархист-коммунист со времени революции 1907 г. Выдающийся военный талант. В бою с деникинцами был несколько раз ранен. С начала 1920 г. стал заместителем Махно; в качестве такового командовал крымской против Врангеля армией. Член Совета революционных повстанцев Украины. После ликвидации Врангеля был вызван советскими властями, яко-бы для военного совещания, в Гуляй-Поле, но дорогой был изменнически схвачен и расстрелян в г. Мелитополе. Остались жена и несколько человек детей.

Марченко. — Крестьянин Гуляй-Поля. Сын бедняков. Образование начальное, неполное. Анархист-коммунист с 1907 г. Один из первых повстанцев гуляйпольского района. Был в плену у деникинцев и ранен несколько раз. Последние два года — командующий всей кавалерией армии. Член Совета революционных повстанцев. Убит в январе 1921 г. в бою с красными в Полтавской губ. Осталась жена.

Григорий Василевский. — Крестьянин Гуляй-Поля, бедной семьи. Образование начальное. Анархист до революции 1917 г. Участник движения с первых дней. Личный друг Махно и соратник во всех его выступлениях. Замещал Махно в разных делах. Убит в бою с дивизиями червонного казачества в Киевской губернии в декабре 1920 г. Остались жена и дети.

Б. Веретельников.—Крестьянин с. Гуляй-Поля. Литейщик на местном заводе, а также на Путиловском заводе в Петрограде. Сначала был соц.-рев., а с

1918 г. — анархист. Опытный организатор и агитатор. Принимал активное участие во всех фазах русской революции. В 1918 г. приехал в Гуляй-Поле, где работал, как агитатор, приобрёв широкую популярность в районе. Последнее время замещал должность начальника штаба армии. В первых числах июня 1919 г., когда деникинцы ворвались во внутрь района, он, во главе свежего, наспех сформированного полка, пошел задерживать неприятеля; в 15-ти верстах от Гуляй-Поля, под селом Святодуховка Александр. уезда, был окружен со всех сторон и погиб со всем полком, выдержав бой до последнего удара. Остались жена и дети.

Петр Гавриленко.—Сын крестьян Гуляй-Поля. Анархист с революции 1905—7 г. Один из активнейших участников махнов. движения. В разгроме Деникина осенью 1919 г. сыграл выдающуюся роль, командуя третьим корпусом войск повстанцев-махновцев. Весь 1920 г. находился в заключении у большевиков в Харькове. На основании военно-политич. соглашения махновцев с советской властью был освобожден и сразу же поехал на крымский фронт против Врангеля, заняв пост начальника полевого штаба армии махновцев. После ликвидации Врангеля был изменнически схвачен советской властью в Крыму, находясь на посту начальника полевого штаба, и, по сообщениям, расстрелян в г. Мелитополе. Выдающийся революционный и военный руководитель.

Василий Куриленко. — Крестьянин села Новоспасовки. Анархист. Образование начальное, неполное. Командир кавалерийских полков. Член Совета революционных повстанцев. Как опытный кавалерист, в 1919 г., после об'явления махновцев вне закона, был всё же приглашен красным командованием на пост командира конных частей. С согласия Махно и других товарищей принял это предложение и задерживал наступление Деникина в районе Екатеринослава. В момент военно-политического соглашения махновцев с большевиками был уполномоченным от махновского лагеря по ведению переговоров. До 1920 г. был пять раз

ранен в боях с белыми и красными. Массовый агитатор. Убит в боях с красными войсками летом 1921 г. Осталась жена.

Виктор Белаш. — Крестьянин с. Новоспасовки. 26 лет. Образование начальное. Анархист. До 1919 г. был командиром полка и ходил на Таганрог. С 1919 г. является начальником штаба армии. За его участие в махновском движении деникинцы убили его отца, деда и двух братьев и сожгли всё хозяйство. Член Совета революционных повстанцев. Великолепный военный стратег, разрабатывавший все планы движения армии и за них ответственный. Захвачен большевиками в 1921 г. Угрожал расстрел. Судьба неизвестна.

Вдовиченко. — Крестьянин села Новоспасовки. Анархист. Образование начальное. Командир особой группы повстанческих войск. Один из активнейших деятелей революционного повстания. Пользовался огромной популярностью и любовью среди крестьян всего Приазовья, а также во всей повстанческой среде. Играл выдающуюся роль в разгроме Деникина осенью 1919 г. В 1921 г. при тяжелых ранениях был захвачен большевиками и находился накануне расстрела, с презрением отвергнув предложение последних поступить к ним на службу. Судьба неизвестна.

Петр Рыбин (Зонов). — Рабочий-металлист из Орловской губ. Во время царской реакции эмигрировал в Америку, где сразу же вошел в рев. професс. движение и играл в нем большую роль, состоя членом Союза русских рабочих Соединенных Штатов и Канады. В начале революции 1917 г. он возвращается через Японию и Владивосток в Россию и останавливается в Екатеринославе. В последнем он целиком уходит в професс. движение и пользуется большой популярностью среди рабочих. В конце 1917 г. екатеринославские рабочие посылают его на всеукраинскую конференцию представителей фабрично-завод. комитетов и профсоюзов. На этой конференции была принята схема Рыбина, схема об’единения промышлености и восстановления транспорта. После этого, по предложению большеви-

ков, Рыбин остается в Харькове, работая в союзе металлистов и других центральных учреждениях промышленности и транспорта. Летом 1920 г. он приходит к заключению, что работать с большевиками абсолютно невозможно, т.-к. большевизм весь свой фронт повернул против рабочих и крестьян. Следует заметить, что Рыбин работал с большевиками в качестве кропотливого усидчивого профессионального работника и совсем не пред'являл советской власти анархических требований. Однако, оставаясь только профессионалистом, он нашел невозможным честно служить рабочему классу в условиях коммунистической диктатуры. Осенью 1920 г. его мысль обращается в лагерь Махно, он едет туда и становится энергичным работником в культурной области этого движения. Через некоторое время его выбирают в Совет революционных повстанцев, в качестве члена и секретаря Совета. Рыбин проявляет огромную энергию, работая организационно и культурно. В январе 1921 г. он временно выходит из лагеря махновцев и заезжает в Харьков. В Харькове у него было намерение вызвать по телефону Раковского, назваться ему и заклеймить позором его и остальных виновников изменнического нападения на махновцев и анархистов. Возможно, что он и выполнил это свое намерение, и возможно, что это привело его к гибели; через 5 дней по прибытии в Харьков, он был арестован, а через месяц после этого расстрелян по постановлению Че-ка: расстрелян большевиками, которые не так давно пророчили ему большую будущность, как самородковому, из низов вышедшему организатору и теоретику рабочего движения.

Калашников. — Очень молодой повстанец. Сын рабочего, с образованием нисшего городского училища. До революции был прапорщиком в армии. С 1917 г. — секретарь гуляй-польской организации анархистов-коммунистов. Необычайно смелый и талантливый командир. Главный организатор переворота среди красных войск на Новом Буге летом 1919 г. Командовал вначале 1-ой бригадой повстанческих войск, а затем 1-м донецким корпусом махновской армии. Летом 1920 г.

в бою с красными был убит попавшим в него артиллерийским снарядом. Осталась жена с ребенком.

Михалёв-Павленко. — Сын крестьян из Великороссии. Член петроградской организации анархистов. Приехал в Гуляй-Поле в начале 1919 г. Был организатором и командиром инженерных железно-дорожных войск армии махновцев. Необыкновенно чистая и деликатная душа юноши-идеалиста. 11 или 12 июня 1919 г., находясь на боевом поезде и не выходя ни на минуту из боев с наступавшими деникинцами, был вместе с Бурбыгой изменнически схвачен Ворошиловым, командиром 14 армии, и казнен 17-го июня 1919 г. в г. Харькове.

Макеев. — Рабочий г. Иваново-Вознесенска. Член иваново-вознесенской организации анархистов. Приехал в Гуляй-Поле в конце апреля 1919 г. в числе 36 человек рабочих-анархистов иваново-вознесенской организации. Первоначально вёл пропагандистскую работу. Вскоре был избран комендантом штаба армии. В конце ноября 1919 г., командуя повстанческим отрядом в районе станции Запорожья, был убит в бою с генералом Слащёвым.

Василий Данилов. — Сын бедной крестьянской семьи Гуляй-Поля. Кузнец. Солдат артиллерист. В рядах революционного повстанчества состоит с первых дней его зарождения. В армии повстанцев махновцев занимал ответственный пост начальника артиллерийского снабжения.

Чернокнижный. — Сельский учитель из села Ново-Павловки, Павлоградского уезда. На втором гуляй-польском с'езде крестьян, рабочих и повстанцев был избран председателем Военно-революционного Совета гуляй-польского района, и на этом своем посту находился до разгрома большевиками и деникинцами повстанческого района в июне 1919 г. За участие в повстанческом движении неоднократно об'являлся советской властью вне закона.

Щусь. — Крестьянин села Больш. Михайловка, из бедной семьи. Матрос. Один из первых и активнейших партизан юга Украины. Еще в апреле 1918 г. руководил

повстанческими отрядами, боровшимися с нашествием австро-германцев. Выказал исключительную энергию и смелость в борьбе с властью гетмана и австро-германцев. Его имя в повстанческой среде и во всем районе юга Украины почти столь же популярно, как и имя Нестора Махно. В армии повстанцев-махновцев занимал ответственные посты в качестве руководителя кавалерийских частей, затем в качестве члена штаба армии и, наконец, в качестве начальника штаба особой группы повстанческих войск. В июне 1921 г. был убит в бою с красными кавалерийскими частями в Полтавской губ.

Исидор Лютый. — Крестьянин Гуляй-Поля. Образование начальное. Маляр по профессии. Анархист. Один из первых и активнейших деятелей революционного повстанчества. Член штаба армии махновцев и ближайший помощник Н. Махно. Убит в боях с деникинцами под Уманью в сентябре 1919 года.

Фома Кожин. — Крестьянин. Беспартийный. Командир пулеметного полка в армии махновцев, а затем командир особой группы войск. Сыграл видную роль в разгроме Деникина осенью 1919 г. и в ликвидации Врангеля в 1920 г. В боях с Деникиным и Врангелем был несколько раз ранен. В августе 1921 г. в боях с красными был тяжело ранен. Судьба неизвестна.

Братья Лепетченко — Иван и Александр. — Крестьяне с. Гуляй-Поля. Анархисты. Одни из первых, поднявших восстание против гетманщины на Украине. Активнейшие работники революционного повстанчества, как на фронте, так и внутри района. Александр Лепетченко был расстрелян большевиками весной 1920 г. в Гуляй-Поле, как активный и ответственный махновец. Иван Лепетченко до последнего времени нес ответственный пост в армии повстанцев-махновцев.

Серёгин. — Крестьянин. Анархист с 1917 г. Участник повстанческого движения с первых дней его. В армии повстанцев махновцев нёс ответственный пост начальника снабжения армии.

Григорий и Савва Махно. — Родные братья Н. Махно.

Григорий Махно в 1918 г. и начале 1919 г. участвовал в боях против контр-революции на царицынском фронте, занимая ответственный пост начальника штаба 37-ой красноармейской бригады. В армию повстанцев-махновцев вошел весной 1919 г. Выполнял должность помощника начальника штаба армии. Убит в боях с деникинцами под Уманью в сентябре 1919 г. одновременно с Исидором Лютым.

Савва Махно — старший из всех братьев Махно — принимал участие в рядах повстанчества с начала австро-германской оккупации. В начале 1920 г. был взят большевиками из дома в Гуляй-Поле и расстрелян, главным образом, за Нестора Махно. Осталась большая семья.

* * *

Из-за отсутствия в нашем распоряжении необходимых биографических данных, мы не можем полно отметить всю многочисленную плеяду деятелей махновщины, игравших активную и ответственную роль в движении, как-то: Гаркуша — командир особой группы войск повстанцев-махновцев, убитый в 1920 г.; Коляда — член штаба армии; Дерменджи — начальник связи; Правда — начальник армейского обоза; Бондарец — командир всей конницы, убитый в 1920 г.; Чубенко—начальник подрывной команды*); Брова —команд. особой группы войск; Домашенко—комендант штаба армии; Забудько — командир особой группы; Тыхенко — начальник отдела снабжения армии; Бурыма — начальник подрывной команды*); Чумак—казначей армии; Крат—заведующий хозяйственной частью, и много других. Все они вышли из низов трудовой массы в наиболее революционный героический период ее жизни и активно служили движению до последних сил и дней.

---

*) За трех-летний период повстанчества, некоторые должности в армии махновцев неслись, последовательно, несколькими личностями.

Глава двенадцатая.

МАХНОВЩИНА И АНАРХИЗМ.

Анархизм несёт в себе два мира — мир философии, идей и мир практических достижений, действий. Между собою они находятся в тесной связи. Борющийся рабочий класс останавливается главным образом на конкретной, практической стороне анархизма. Основным, главным принципом этой стороны является принцип революционной инициативы трудящихся и их самоосвобождения. Отсюда сам по себе вытекает в дальнейшем принцип безгосударственности и самоуправления трудящихся в новом обществе. Но до сих пор в истории пролетарской борьбы мы не имеем примера массового анархического движения в его чистом, строго принципиальном виде. Все, бывшие до сих пор движения рабочих и крестьян, были движениями в рамках капиталистического строя, с тем или иным анархическим оттенком. Это вполне понятно и естественно. Рабочие классы находятся не в мире желательного, а в мире существующего, где они ежедневно подвержены физическим и психическим воздействиям враждебных сил. Помимо анархического мира идей, слабого в своем распространении, они постоянно испытывают на себе воздействие всей существующей обстановки капиталистического мира и промежуточных групп.

Условия современной жизни охватывают трудящихся со всех сторон, окружают их, как вода моря окружает находящихся в нем рыб. Трудящимся некуда вы-

броситься из этих условий. Поэтому, естественно, ведомая ими борьба неизбежно несет на себе печать разнообразных условий и особенностей существующего. Никогда эта борьба не могла рождаться в готовой, законченной анархической форме, отвечать всем требованиям идеала. Такая законченная форма возможна лишь в узких политических кружках, и опять же не непосредственно на практике, а в планах, в программах. Широкая же масса, начиная борьбу, особенно борьбу большую, неизбежно вначале совершает ошибки, допускает противоречия, уклонения и лишь в процессе этой борьбы выравнивает свою линию применительно к идеалу, за который борется.

Так всегда бывало. Так и в дальнейшем всегда будет. Как бы мы в предварительный, мирный период тщательно ни подготовили организаций и позиций рабочего класса, в первый день решительной массовой борьбы дело пойдет далеко не так, как намечалось в плане: в иных случаях самим фактом большого массового выступления некоторые позиции будут сдвинуты; в иных случаях, в виду непредвиденных уклонов и толчков массы, необходимо будет прибегнуть к новым позициям. И лишь постепенно огромное массовое движение выберется на тот законченно-принципиальный путь, который ведет к цели.

Это, конечно, не означает, что предварительная организация позиций и сил рабочего класса не нужна. Наоборот, такая предварительная работа является единственным условием победы трудящихся. Но при этом следует постоянно помнить, что она далеко не венчает дело, что и при наличии ее, движение потребует еще проницательности на каждый момент, уменья быстро ориентироваться в новых складывающихся обстоятельствах, словом — оно потребует революционной классовой стратегии, от которой в значительной степени будет зависеть исход движения.

Анархический идеал велик и богат в своем разнообразии. Однако, роль анархистов в социальной борьбе масс очень скромна. Их задача — помочь массам встать на правильный путь борьбы и строения нового

общества. Если массовое движение не вступило еще в стадию решительного столкновения, они должны помочь массам уяснить смысл предстоящей борьбы, ее задачи и цели, должны помочь им наметить свои боевые позиции, организовать свои силы. Если же движение вошло в стадию решительного столкновения, они, не теряя ни минуты времени, должны войти в него, помочь ему освободиться от ошибочных уклонов, поддержать массы в их первых творческих начинаниях, служить им мыслью, стремясь все время к тому, чтобы движение прочно встало на путь, ведущий к основной цели трудящихся. В этом основная и, пожалуй, единственная задача анархизма на ближайший период революции. Рабочий класс, овладевший прочно позициями борьбы и социального строительства, несомненно не уступит более никому инициативы творчества. Он будет уже руководствоваться своей мыслью, создаст общество по своей схеме. Быть-может, это будет анархическая схема, но и она, и общество, по ней построенное, выйдут из недр освобожденного труда, срубленные и свинченные его мыслью, его волей.

Когда мы обращаемся к махновщине, то сразу же сталкиваемся с двумя основными сторонами этого движения — 1) народный, низовой, истинно-пролетарский источник его: оно зародилось в массах, и массы от начала до конца поддерживают его, развивают и направляют; 2) оно не только стихийно, но вполне сознательно, с первых дней своего зарождения, стало опираться на некоторые бесспорно анархические принципы: а) на право полной инициативы трудящихся, б) на право их хозяйственного и общественного самоуправления, в) на принцип безгосударственности в социальном строительстве. В течение всего своего развития движение упорно и последовательно держится этих начал. Во имя их оно потеряло от 200 до 300 тысяч лучших сынов народа, отвергло союзы с какими бы то ни было государственными силами и в продолжение трех лет, в неслыханно тяжелых условиях, с героизмом редким в истории несет черное знамя угнетенного человечества, на котором написано — дей-

ствительная свобода трудящихся, подлинное равенство в новом обществе.

В лице махновщины мы имеем массовое анархическое движение трудящихся—не вполне законченное, не вполне кристаллизованное, но устремленное к анархическому идеалу и пошедшее по анархическому пути.

Но потому именно, что движение это вышло из глубин масс, оно не располагало необходимыми теоретическими силами, силами обобщения, нужными при всяком большом социальном движении. Этот недостаток сказался в том, что движение, пред лицом общей действительности, не успевало в развитии своих идей и лозунгов, в выработке конкретных практических форм своих. Поэтому оно медленно и тяжело развивалось, особенно ввиду многочисленных враждебных сил, со всех сторон вцепившихся в него.

Следовало бы ожидать, что анархисты, так много говорившие всегда о массовом революционном движении, годами ждавшие его, как пришествия Мессии, поспешат войти в это движение, слиться с ним, отдаться ему целиком. На самом деле этого не произошло.

Большинство русских анархистов, прошедших теоретическую школу анархизма, пребывало в своих изолированных, никому в то время не нужных кружках, стояло в стороне, допытывалось, что это за движение, как к нему следует отнестись, и бездействовало, утешая себя той мыслью, что движение как-будто не чисто анархическое.

Между тем, их помощь движению, особенно в то время, когда большевизм не разорвал еще нормальный рост последнего, была бы неоценима. Масса до зарезу нуждалась в работниках, которые смогли бы формулировать и развивать её идеи, вынести их на широкий простор жизни, разработать формы и дальнейший ход движения. Анархисты не захотели быть этими работниками. Этим они доставили огромный ущерб и движению, и себе. Движению — тем, что не отдали ему во̀-время своих организационных и культурных сил, благодаря чему движение развивалось медленно, в муках, обходясь теми малыми теоретическими силами, какие имелись в наличНо-

сти у низов масс. Себе анархисты доставили вред тем, что не связались с живой действительностью и обрекли этим себя на бездеятельность и бесплодие.

Мы обязаны констатировать, как факт, что русские анархисты проспали в своих кружках величайшее массовое движение, которое в настоящей революции является, пока-что, единственным, призванным осуществить исторические задачи порабощенного человечества.

Но в то же время мы считаем, что этот печальный факт произошел не случайно, что он имел вполне определенные причины. Остановимся на них.

Среди наших анархических теоретиков большой процент составляют выходцы из интеллигенции. Это обстоятельство много значит. Находясь под знаменем анархизма, многие из них все же не могли целиком порвать с психологией среды, из которой вышли. Больше других занимаясь теорией анархизма, они постепенно проникались сознанием руководительства в анархическом мире и считали, что и самое анархическое движение начнется от них или при их непосредственном участии. Движение началось далеко от них, на окраине и, притом, в самых глубинах современного общества. Очень немногие, отдельные лица из теоретиков анархизма нашли в себе необходимые чуткость и мужество признать это движение тем, к которому их давно подготовлял анархизм, и поспешить к нему на помощь. Правильнее будет сказать, что из всех интеллигентных, теоретически образованных анархистов единственно Волин решительно вошел в движение, полностью отдав ему на служение свои способности, силы и знания. Общая же масса теоретических работников анархизма осталась в стороне от него. Это, конечно, не говорит ни против махновщины, ни против анархизма, а только против тех анархистов и анархических организаций, которые в момент исторического социального движения крестьян и рабочих оказались настолько узки, пассивны и беспомощны, что даже не сумели, или не хотели подойти к своему делу, когда оно облеклось в плоть и кровь и звало на свое поле всех, кому дороги свобода труда и идеи анархизма.

Другой, еще более важной стороной бессилия и бездействия анархистов является спутанность идей анархизма и организационной хаос в его рядах.

Несмотря на всю силу, положительность и бесспорность идеалов анархизма, в нем есть немало недоговоренностей, общих отвлеченных мест и уклонов в области, не связанные с социальным движением трудящихся. Это создает почву для всякого рода кривых толкований целей анархизма, его практической программы.

Так, до сих пор многие анархисты убивают свои силы над вопросом — является ли проблемой анархизма освобождение класса, человечества или личности. Вопрос пустой, однако — он имеет почву в некоторых неясных положениях анархизма и дает широкий простор злоупотреблениям в области анархической мысли, а затем и в области анархической практики.

Еще больший простор злоупотреблениям дает неясная теория анархической свободы личности. Конечно, люди действия, с сильной волей и сильно развитым революционным инстинктом, в идее анархической свободы личности увидят, прежде всего, идею анархического отношения к каждой другой личности, идею неустанной борьбы за анархическую свободу масс. Но люди, не ведавшие революционной страсти, заботящиеся больше о проявлении своего «я», понимают ее по своему. Всякий раз, когда вопрос заходит об организации анархической практики, об организации серьезной ответственности в ней, они хватаются за теорию анархической свободы личности и на основании ее противятся всякой организации, бежат всякой ответственности. Каждый из них уходит под свою смоковницу, создает свое дело, проповедует свой анархизм. Мысль и действия анархистов распыляются до безумия.

Как результат этого, мы находим у русских анархистов изобилие различных практических систем. В 1904—7 г.г. мы имели практические программы безначальцев и чернознаменцев, проповедывавшие частичные экспроприации и безмотивный террор, как методы анархической борьбы. Нетрудно видеть, что эти программы

являются выражением случайного настроения случайных лиц в анархизме и могли появиться и быть предложены в анархической среде лишь при условии слабо развитого чувства ответственности перед народом и его революцией. В последнее время мы имеем ряд теорий, то болеющих симпатиями к государственной власти или к руководительству массами, то отвергающих принцип всякой организации и проповедующих абсолютную свободу личности, то говорящих о слишком «универсальных» задачах анархизма, а в сущности стремящихся бежать от тяжелых обязанностей момента.

Русских анархистов десятки лет треплет желтая малярия—дезорганизованность. Она выела в них чувство реальной мысли и к моменту революционной эпохи уготовила им историческое бездействие. Дезорганизованность есть родная сестра безответственности, а обе вместе они ведут к измельчанию идеи и пустоте на практике.

Вот почему, когда массовое движение, в лице махновщины, хлынуло из глубин народа, анархисты оказались такими неподготовленными, безвольными и слабыми.

Явление это, по нашему, временное. Оно об'ясняется тем, что среда русских анархистов не кристаллизована и не организована. Она должна организоваться, связав во-едино всех тех, кто трепещет за анархизм и кто характеризуется, прежде всего, преданностью рабочим классам. Этим самым будет устранен наносный, дезорганизаторский элемент в анархизме.

Анархизм — не мистика, не разговор о прекрасном, не крик отчаяния. Он велик, прежде всего, своей преданностью угнетенному человечеству. Он несет в себе правду масс, их героизм и волевые устремления, и в настоящее время является единственнным социальным учением, на которое массы могут доверчиво опереться в своей борьбе. Но чтобы оправдать эту доверчивость, анархизму недостаточно быть только великой идеей, а анархистам — платоническими выразителями ее. Анархистам необходимо быть постоянными участника-

ми, чернорабочими революционного движения масс. Тогда это движение будет дышать всей полнотой анархических идеалов. Зря ничего не даётся. Всякое дело требует настойчивых усилий и жертв. Анархизм должен обрести единство воли и единство действий, точное представление своих исторических задач. Анархизм должен войти в массу, слиться с ней.

Несмотря, однако, на то, что махновщина зародилась и развивалась самостоятельно, без воздействия со стороны анархических организаций, судьба ее и судьба анархизма тесно переплелись в русской действительности. Сама сущность махновщины ярко светила анархическим светом и невольно связывала с собою анархизм. Повстанческая масса из всех социальных учений останавливалась с любовью единственно на анархизме. Очень многие повстанцы называли себя анархистами, не отказываясь от этого имени и перед лицом смерти. И в то же время, анархизм дал махновщине несколько прекрасных работников, которые с пламенностью и полным самопожертвованием отдали свои силы и знания этому движению. Как ни мал был процент этих работников, они успели принести движению много пользы, связав анархизм с трагической судьбой махновщины.

Это переплетение судеб анархизма и махновщины началось с средины 1919 г. Летом 1920 г. оно было закреплено на Украине одновременным походом большевиков на махновцев и анархистов, и наиболее ярко сказалось в октябре 1920 г., во время военно-политического соглашения махновцев с советвластью, когда махновцы первым условием этого соглашения поставили требование освобождения из тюрем Украины и Великороссии всех махновцев и анархистов и предоставления им права свободно исповедывать и распространять свои идеи и понимания.

Укажем в хронологическом порядке вхождение анархистов в махновское движение.

Еще с первых дней революции 1917 г. в Г.-Поле организовалась группа анархистов-коммунистов, вёдшая усиленную революционную работу в районе. Из этой

группы вышли потом выдающиеся деятели и руководители махновщины — Н. Махно, С. Каретник, Марченко, Калашников, Лютый, Григорий Махно и другие. С самого начала махновского движения эта группа находилась в тесной связи с движением.

В конце 1918 г. и начале 1919 г. в махновском районе создаются анархические группы и пытаются связаться с махновщиной. Однако, некоторые из этих групп, как например, в. г. Бердянске и иных местах, были далеко не на высоте своего призвания и кроме отрицательного ничего не обещали движению. К счастью, движение было настолько здоровым, что прошло мимо них . . .

В начало 1919 г. в Гуляй-Поле, кроме таких выдающихся местных крестьян анархистов, как Махно, Каретник, Марченко, Василевский и др., были уже анархисты, приехавшие из городов от известных организаций — Бурбыга, Михалев-Павленко и др. Они работали исключительно на фронте или в повстанческих частях в тылу.

Весной 1919 г. в Гуляй-Поле приезжают несколько товарищей, отдающихся главным образом организации культурно-просветительного дела в районе: они организуют газету «Путь к Свободе» — основной орган махновцев, создают местный Гуляй-Польский Союз анархистов, начинающий работать в армии и среди крестьянства.

В это же время в Гуляй-Поле возникает анархическая организация «Набат». Она работает в тесном контакте с махновцами, помогает им культурно и издает местный орган «Набат». Немного позже эта организация сливается с Гуляй-Польским Союзом анархистов в одну организацию.

В мае месяце из Иваново-Вознесенска в Гуляй-Поле приезжает группа рабочих-анархистов в числе 36 человек. Среди них были небезизвестные в анархическом движении Черняков и Макеев. Часть приехавших поселилась в гуляй-польской коммуне, в семи верстах от

Гуляй-Поля, часть пошла на культурную работу по району, некоторые вошли в армию.

В мае же месяце 1919 г. Конфедерация анархистских организаций Украины «Набат», являвшаяся наиболее активной и действующей из всех анархических организаций России, начинает видеть, что основной пульс революционной жизни масс бьется в освободившемся повстанческом районе. Она решает направить свои силы в этот район. В начале июня 1919 г. она посылает в Г.-Поле Волина, Мрачного, Иосифа Эмигранта и ряд других работников. Предполагалось после рабоче-крестьянского с'езда, созывавшегося Военно-революционным Советом на 15 июня в Г.-Поле, перенести туда главные органы Конфедерации. Но происшедшее сейчас же одновременное нападение на район большевиков и Деникина помешало этим начинаниям. До Гуляй-Поля доехал пока один Мрачный, вынужденный через деньдва, ввиду общего отступления, уехать обратно. Волин же и другие застряли в Екатеринославе и лишь под Одессой, в августе 1919 г., вошли в отступающую уже махновскую армию.

Однако, анархисты вошли в движение с громадным опозданием, когда нормальный рост его был разорван, оно было уже сбито с базы социального строительства и, в силу обстоятельств, начало итти преимущественно военным путем.

С конца 1918 по июнь 1919 г. в районе были прекрасные условия для положительной работы на местах: фронт стоял за двести-триста верст, почти под Таганрогом, а многомиллионное население на протяжении 8—10 уездов было предоставлено самому себе.

Теперь же анархисты могли работать лишь в обстановке военных действий, находясь под беспрерывными обстрелами со всех сторон и ежедневно передвигаясь с места на место. В обстановке войны вошедшие в армию анархисты делали все, что было в их силах. Некоторые, как Макеев и Коган, вошли в боевую область действий; большинство же занималось культурной работой среди повстанцев и в селах, по которым проходи-

ли махновцы. Но это не была созидательная, творческая работа среди масс в широком смысле этого слова. Боевая обстановка сузила ее, ограничив преимущественно беглой агитацией. О созидательной, положительной работе нечего было и думать. Лишь в редких случаях, при занятии, например, Александровска, Бердянска, Мелитополя и ряда других городов и уездов, анархисты и махновцы имели временную возможность наметить работу в более широком смысле. Но военная волна, то с одной, то с другой стороны,вновь накатывалась, смывая намеченную работу, и вновь приходилось ограничиваться суженной агитацией и пропагандой среди повстанцев и крестьян. Момент был против широкой созидательной работы в массах.

Некоторые лица, не бывшие в движении или бывшие в нем кротковременно, на основании этого периода вывели то ошибочное заключение, что махновщина слишком военна, что она слишком много внимания уделяла военной стороне дела и недостаточно — положительной работе среди масс. На самом же деле, вся военная полоса в истории махновщины являлась продуктом не ее самой, а только тех условий, которые сложились в отношении ее с средины 1919 г.

Государственники-большевики прекрасно учли смысл махновского движения и положение анархизма в России. Для них является несомненным то, что в настоящий момент анархизм в России, вне связи с таким массовым движением, каковым является махновщина, не имеет под собою почвы, будет безопасным и безобидным для них явлением. И обратно — анархизм, по их учёту, является единственным мировоззрением, на которое махновщина может опереться в своей непримиримой борьбе с большевизмом. Вот почему, они прилагают все усилия к тому, чтобы оторвать одно от другого. И, надо отдать им справедливость, они настойчиво добиваются этого: махновщину они об'явили вне всяких человеческих законов. При этом и в России, и особенно заграницей они, как расчетливые дельцы, делают такое лицо, что, будто, это само собой понятно каждому, что на этот

счет ни у кого не может быть никаких сомнений, и что лишь слепые или совсем не знающие России люди могут усомниться в разумности и справедливости этой меры.

Анархическую идею большевики официально не об'явили вне закона, но всякий революционный шаг анархистов, всякий их акт честности они называют махновщиной и также, с деланым лицом, словно это само собой понятно каждому, бросают их в тюрьмы, или рубят им головы. В конечном счёте — и махновщина, и анархизм, не желающий холопствовать перед большевиками, находятся на одном положении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Рассказанная здесь история далеко не представляет всего движения во всем его об'еме. Мы рассказали — крайне неполно — историю лишь одного, главного потока этого движения, вылившегося из гуляй-польского района. Но он — только часть в общем движении. Махновщина, как социальное движение украинских тружеников, значительно шире того, что нам удалось отметить в настоящей работе. Дух и лозунги ее всколыхнули большинство губерний Украины. Почти в каждой из них среди крестьян и рабочих происходил известный психологический и социальный сдвиг; в каждой из них трудящиеся массы пытались осуществить свою независимость в махновском смысле; в каждой из них раздавались призывы к социальной революции, предпринимались попытки революционной борьбы и революционного творчества масс. И если бы мы могли проследить по всей Украине эти многочисленные рукава и ответвления махновщины, рассказать о каждом из них, связав их все вместе и осветив общим светом, то у нас получилась бы грандиозная картина многомиллионного революционного народа, борющегося под знаменем махновщины за одну основную идею революции — свободу и равенство. Но такой работы, в условиях большевистской действительности, произвести абсолютно невозможно, даже при готовности итти на всевозможные лишения.

И представленная работа, касающаяся одной струи в движении, необычайно сужена. Отсутствует огромный документальный и фактический материал, благодаря че-

му работа, и по содержанию и по форме, невольно вышла срезанной.

Мы надеемся, что более полная работа по истории махновского движения будет современем выполнена.

Помимо указанного, настоящая работа страдает еще тем, что в ней, быть-может, недостаточно полно отмечены отрицательные стороны движения.

Ни одно социальное историческое движение, как бы ни было оно преисполнено возвышенных порывов, не может избежать ошибок, существенных недочётов, отрицательных сторон. Есть они, конечно, и в махновщине. Но следует всегда помнить, что махновщина не проделывала социального опыта и, следовательно, не могла страдать ошибками в таком смысле. Махновщина — лишь ярко выраженное движение масс, лишь их самоотверженный порыв преодолеть реакцию и спасти революцию. Следовательно, в этой области надо искать слабых мест движения.

Самым существенным недостатком движения является тот, что в последние два года оно идет преимущественно военным путем. Но это не органический недостаток движения, а беда его, — необходимость, навязанная ему создавшейся украинской обстановкой.

Три года беспрерывной гражданской войны обратили юг Украины в сплошную военную базу. Многочисленные армии разных партий исходили ее вдоль и поперек, разоряя трудящихся материально, общественно и морально. Это измучило крестьян. Разрушило их первые попытки в деле трудового самоуправления. Придавило в них дух общественного творчества. А махновщину эта обстановка оторвала от здоровой почвы — от общественно-созидательной работы в массах — и заставила ее отдаться войне, — правда, революционной, но всё же войне.

И в настоящее время враги свободы прилагают все усилия к тому, чтобы не дать ей возможности сойти с этого тяжелого военного пути. В этом — великая трагедия махновщины. Она переживает ее в продолжение

двух с лишним лет и, судя по общей обстановке в России, вероятно, и дальше пойдет с этой трагедией.

Этим самым дается ответ тем анархистам, которые, по неосведомленности, принимая из третьих и пятых рук искаженные сведения о махновщине, ставили ей в упрек ее военный характер и на этом основании сторонились ее. Военный характер был навязан движению. Более того — все власти, бывшие на Украине, а главным образом коммунистическая, прилагали чрезвычайные усилия к тому, чтобы загнать движение в тупик, из которого один выход — бандитизм. Вся тактика советской власти в борьбе с махновщиной в течение последних трех лет была построена на этом расчете. Можно ли этот расчет большевиков бросать на чашку весов против махновщины? Конечно, нет. Точно также, говоря о военном характере движения, мы должны исходить не из того отрывочного факта, что махновцы много времени отдали артиллерийским и кавалерийским боям, а из того, с чего *начали* махновцы, *какие цели* они преследовали, *какие средства* выдвигали для их осуществления.

Мы знаем, что они начали с изгнания гетманской власти из страны, с провозглашения всей земли и всей промышленности собственностью трудового народа. Построение свободной жизни на началах полной трудовой и социальной независимости рабочих классов было их целью. Социальная революция и вольные советы трудящихся — средством, ведущим к этой цели.

В качестве революционеров *действия*, они, конечно, не ограничились одним изгнанием гетмана и провозглашением своих прав. Нет. Для наиболее полного поражения буржуазии, для ограждения своих прав и революционных завоеваний, они организовали военную самозащиту, показав этим самым глубочайшее понимание своих задач в социальной революции. Ибо, *положительная программа революции может быть успешно выполнена лишь при условии, если трудящиеся успеют во-*

время уничтожить военную мощь буржуазного государства.

Благодаря тому, что движение, активно и наступательно, являлось, все-таки, не всеобщим, а охватывало лишь несколько губерний, оно оказалось в окружении враждебных сил — государственников-петлюровцев, государственников-большевиков и многочисленных армий Деникина, которые с разных сторон обрушились на него колоссальной военной мощью. Естественно, движение должно было претерпеть сильные изменения в своей тактике, приемах и образе действия, будучи вынуждено отдавать большую часть своих сил военной стороне в борьбе за свободу. Но в этом, как мы сказали, не вина, а беда его.

Постоянная военная обстановка породила среди махновцев ряд особенностей, присущих их исключительному положению — суровую дисциплину в армии, тяжелую расправу с врагами. Несмотря, однако, на эти особенности, махновцы постоянно оставались прежде всего революционерами. В октябре 1919 г., при занятии Екатеринослава, махновцы оставили в неприкосновенности всех находившихся на излечении в лазаретах деникинцев и солдат других армий, независимо от того, были ли они простые солдаты или офицеры. И эти же махновцы, за нарушение дисциплины и революционной чести, расстреляли своих командиров Богданова и Лашкевича *).

В главе восьмой мы указывали на некоторые серьезные ошибки и упущения в движении. Что же каса-

---

*) Богданов — нач. штаба 2-й повстанческой бригады. Расстрелян в окт. 1919 г. в г. Александровске за наложенную именем армии, но в личных интересах, контрибуцию на буржуазию.

Лашкевич — прославленный командир прославленного 13-го повстанческого полка — был расстрелян летом 1920 г., согласно постановления массового собрания повстанцев, за растрату армейских денег на личные удовольствия и за то, что, имея армейские деньги, не помог некоторым повстанческим работникам, находившимся в критическом положении.

ется ряда иных ошибок и отрицательных проявлений, то они столь мелки и незначительны, что нет ни основания, ни смысла останавливаться на них *).

* * *

Возникает вопрос — что же дальше?

В течение последних полутора лет борьба махновцев с коммунистической властью приняла исключительно военный характер. Ни организационная, ни просветительная работа среди крестьян и рабочих невозможна. Свободному социалистическому строительству нет места. Какой смысл имеет продолжение такой борьбы? Какими надеждами она питается?

Несомненно, в теперешний момент, — когда в государственном масштабе укрепился культ военщины, когда массы Украины и Великороссии абсолютно придавлены, страна охвачена эпидемией доносов и шемякиных судов, — положение махновщины является критическим, а сама дальнейшая борьба кажется безнадежной. Но так кажется лишь при условии, если смотреть на положение вещей с узкой, государственной точки зрения.

Мы переживаем революционную эпоху, наполненную рядом массовых революционных движений рабочих и

---

*) Здесь мы попутно отметим, что те отрицательные стороны движения, о которых часто сообщала правительственная печать — грабежи, насилия над мирным населением, антисемитизм — относятся к области фантастической лжи. Опровержением всей этой лжи служит уже тот необычайно хороший, никому другому не оказываемый прием, с каким крестьяне всех сел Украины и Великороссии постоянно встречают махновскую армию. Другим опровержением служат большевистские документы. Во всех отчетах по борьбе с махновщиной (секретных, не подлежащих печатанию) агенты советской власти неизменно повторяют одно и то же— именно, что борьба с махновщиной затрудняется благодаря всеобщей помощи, какую крестьяне всюду оказывают махновской армии, ставя в то же время разные препятствия красной армии.

крестьян, которые чередуются с реакционными попытками различных властей овладеть движением и установить свою диктатуру. Движение масс в феврале-марте 1917 г. уступило место думскому правительству. Аграрные и фабрично-заводские движения масс летом 1917 г. вызвали к жизни, как противовес себе, коалиционное буржуазно-социалистическое правительство. На гребне могучего октябрского движения рабочих и крестьян всплыла коммунистическая власть.

То обстоятельство, что коммунистическая власть продолжительное время держится в революционной России, дает основание многим думать, что она является продуктом русской революции, ее естественной формой. Но это глубоко не верно. Русская революция и коммунистическая власть — два антипода, две противоположности. В истории русской революции коммунистическая власть является наиболее тонкой, гибкой и в то же время наиболее упорной формой реакции. С самого начала ее возникновения между нею и русской революцией началась борьба. В этой борьбе, трудовые массы России уже потеряли главные завоевания своей революции — свободу организаций, слова, печати, неприкосновенность жизни и т. д. Борьба эта прошла по всем необ'ятным местам России, захватила каждую деревню и фабрику, достигла высшего своего проявления в революционном повстанчестве, перекинулась вновь в ряд губерний Великороссии и в феврале-марте 1921 г. отдала кронштадским движением.

Сейчас Россия переживает фазу острой реакции. Победит ли революционное движение рабочих и крестьян или удержится и надолго укрепится реакция — предугадать невозможно. Но одно несомненно: революционная эпоха, в которую вступила Россия, еще далеко не изжита, еще огромная революционная энергия хранится среди рабочих и крестьян; есть еще у них порох в пороховницах, и в ближайшие годы с их стороны еще возможны массовые революционные выступления.

Выступления эти возможны в результате трех причин. Во-первых, в результате прямой борьбы масс с большевистской реакцией. Во-вторых, в случае напа-

дения на русскую революцию какой бы то ни было иностранной буржуазии. И в-третьих, — при всякой попытке со стороны свергнутых уже в России властей повернуть революцию вспять. Последние две причины — контр-революция извне и контр-революция изнутри, казалось бы, не могут добавить ничего нового к существующей комунистической контр-революции. Но нет: они, как новая сила, могут детонировать массы, которые, разорвав охватившую их реакционную коммунистическую оболочку, дадут толчок дальнейшему движению революции.

Махновщина живет этими, временно придавленными, революционными силами масс. Питаясь ими, она совершила огромные революционные подвиги, которые советская власть ложно приписывает себе. Она похоронила на Украине гетманщину, разложила петлюровщину, отстояла революцию от Деникина и в значительной степени повлияла на окончательную ликвидацию Врангеля.

Может показатся парадоксальным,—однако, несомненным является тот факт, что коммунистическая власть устояла и укрепилась в России благодаря исключительной революционной борьбе махновцев с многочисленными контр-революциями.

И в дальнейшем, пока в массах тлеет революционный огонь, махновщина будет находиться на поле революционной брани.

В теперешний момент она вынуждена по-своему приспособиться, приложить все усилия к тому, чтобы выжить и просуществовать острый период реакции. Это будет с её стороны революционно-тактическим приемом, стратегическим маневром, который может растянуться на несколько лет. И лишь эти последующие пять, десять лет времени решат судьбу махновщины и всей русской революции.

Спасение русской революции заключается в освобождении её из оков государственности и в создании социального строя на началах трудового общественного самоуправления крестьян и рабочих. И когда в массах назреет новый под'ем в эту сторону, махновщина станет

центром их всеобщего революционного единения. Она станет кличем, паролем, на который сбежится всё смелое, дерзкое и фанатично преданное трудящимся. Тогда ее преданность массам, ее организационный опыт и военный гений будут широко проявлены для защиты подлинно-пролетарской социальной революции. Вот почему, она ведет по сию пору, яко-бы, безнадежную борьбу с коммунистической диктатурой. Вот почему, нарушается коммунистический мир и покой.

* * *

Возникает еще один вопрос.

Махновское движение является преимущественно движением беднейших слоев украинского крестьянства. Торжество махновщины будет означать торжество крестьянских низов. Но будет ли это означать торжество *идей* махновщины, торжество социальной революции?

На следующий день после победы такого движения выплывет наружу необходимость для крестьян содержать продовольствием городских рабочих. А так-как промышленность в городах расстроена, не приспособлена к нуждам деревни, то рабочие не смогут отплачивать крестьянам продуктами своего труда. Следовательно, на первое время крестьянам придётся добровольно и безвозмездно содержать городской пролетариат. Способны ли они на такой великодушный и революционный акт? Ведь, коммунисты непрестанно толкуют о крестьянах, как о реакционной силе, насыщенной узкими собственническими инстинктами. Не возьмёт ли в них верх дух этого собственнического инстинкта, дух жадности? И не отвернутся ли они от городов, оставив их без необходимой помощи?

Мы уверены, что нет.

Махновщина понимает социальную революцию в подлинном смысле ее. Она понимает, что победа и укрепление революции, развитие всех проистекающих из нее благ возможны только при тесном союзе рабочих клас-

сов города и деревни. Крестьянство понимает, что без городских рабочих, без их могучих промышленных предприятий, оно не сможет использовать и десятой доли благ, открываемых перед ним социальной революцией. В то же время, на городского рабочего оно смотрит, как на своего брата, члена общей трудовой семьи.

Несомненно, в момент победы социальной революции крестьяне окажут полную поддержку рабочим. И это будет действительно революционная добровольная поддержка и действительно пролетариату города. Ведь, в настоящее время отымаемый у крестьян хлеб идет главным образом на содержание огромной государственной машины. Крестьянин отлично видит и понимает, что вся эта дорогая бюрократическая машина не нужна ни ему, ни рабочему, и что в отношении трудящихся она играет такую же роль, какую тюремная контора играет в отношении заключенных. Вот почему у него нет ни малейшего желания отдавать добровольно свой хлеб государству. Вот почему он вступает во враждебные отношения с современными сборщиками податей — с комиссарами и разными продовольственными органами государства.

Но у крестьян всегда есть стремление вступить в прямые отношения с городскими рабочими. На крестьянских с'ездах этот вопрос неоднократно подымался и решался крестьянами в революционном положительном смысле. И когда массы городского пролетариата, в момент социальной революции, будут независимы и будут непосредственно, через свои организации, сноситься с крестьянами, то последние окажут им необходимую продовольственную поддержку, зная, что в недалеком будущем рабочие повернут всю гигантскую мощь индустрии на службу насущных потребностей тружеников города и деревни.

*

* *

Махновщина раскрывает лишь один угол в русской действительности. Несомненно, придет время и придут люди, которые эту действительность со всех сторон

осветят светом истины. И тогда роль большевизма в русской революции будет видна каждому.

Но уже и сейчас, в освещаемой нами области, мы видим его истинное лицо. История махновского движения, где народные массы в течение ряда лет пытались осуществить лучшую, известную нам независимость, принесши во имя ее огромные жертвы, самым решительным образом разоблачает большевизм, в корне разрушая легенду о его, яко-бы, революционном и пролетарском характере.

На протяжении всей русской революции, когда трудящиеся пытались проявить акты подлинной самодеятельности, встать на свои ноги, большевизм являлся их душителем. Реакционный дух его не поколебался даже тогда, когда для всех, в том числе и для него, стало ясно, что русская революция умирает от руки его всё умертвляющей диктатуры. Безумная и больная мысль — насильственно держать в тисках своей программы всю революцию — не оставляет его ни на минуту.

Спасение русской революции вполне возможно было еще в 1919 и 1920 гг. Оно возможно еще и теперь. Для этого следовало бы лишь обратиться к революционному духу масс, к подлинной самодеятельности рабочих и крестьянских организаций, дать им свободный ход. И революция, найдя свою веру и свою волю, была бы спасена. Она бы вновь подняла великий энтузиазм в массах, двинула бы их на героическую борьбу, создала бы в них жажду подвига, залечила бы все раны общественно-хозяйственного организма.

Ложны слова государственников, утверждающих, что масса способна лишь на разрушение старого, что лишь в этом разрушении она велика и героична, но что в созидании она, мол, косна и обычна.

И в области творчества, в области обыденной повседневной работы масса способна на подвиги и героизм. Но при этом она должна иметь определенное основание под собой, — она должна чувствовать себя свободной, должна сознавать и верить, что делаемое ею дело есть ее дело, должна чувствовать в каждом общественном

мероприятии проявление ее воли, ее надежд и стремлений. Словом, масса должна самоуправляться в широком смысле этого слова.

Но большевики привыкли искать в массе лишь повиновения и поддержки себе, но никоим образом не революционного духа.

Историческим, ничем неопровержимым фактом является тот, что, начиная с 1918 г., украинские крестьяне и рабочие беспрерывно находились в революционных восстаниях — против Скоропадского, австро-германцев, Петлюры, Деникина и т. д. Восстания эти имели огромное значение в судьбе всей русской революции: они создали и поддерживали перманентное революционное положение в стране, которое твердо и определенно направляло трудящихся к решению основных проблем русской революции.

Однако, это революционное положение в стране было разбито не контр-революциями буржуазии или царских генералов, а коммунистической властью. Последняя, во имя диктатуры партии, раздавила в военном порядке все попытки трудящихся к самоуправлению — основной цели русской революции — и этим разрушила революционное положение в стране.

В больной вере в свою диктатуру большевизм настолько окостенел, до того стал чужд нуждам и стонам революции, что предпочитает видеть ее труп, чем пойти ей на уступки. Во всей русской революции он сыграл роковую роль. Он умертвил революционную инициативу и самодеятельность масс и разбил величайшие революционные возможности, какие когда-либо в истории трудящиеся имели. И за это пролетарии всего мира навсегда пригвоздят его к позорному столбу.

Но не следует обманываться и допускать мысль, что ответственность за крушение русской революции несет один большевизм. Большевизм осуществлял то, что десятилетиями вырабатывалось в социалистической науке. Вся его практика взята из теории общего научного социализма. Мы в то же время видим, как в государствах Европы тот же научный социализм лицемерно обращается с трудом, кабаля его в буржуазной диктатуре.

Рабочий класс мира, ища виновников позорного и необычайно тяжелого положения, в которое социалистическая диктатура поставила крестьян и рабочих России, должен призвать к ответу *весь социализм* и вынести ему свой приговор.

Кровавая трагедия русских крестьян и рабочих не может пройти бесследно. Больше, чем что-либо, практика социализма в России доказала, что у рабочих классов нет друзей, но лишь враги, жаждущие захватить их труд. Социализм с избытком доказал, что он стоит в рядах этих врагов. Эта мысль, с каждым годом, будет все прочнее и прочнее внедряться в сознание масс.

— *Пролетарии мира, идите вглубь к себе и там ищите и творите правду: больше вы ее нигде не найдете.*

Так заповедует нам русская революция.

* * *

При своем третьем нападении на повстанческий район советская власть приложила все усилия к тому, чтобы нанести смертельный удар махновщине. Благодаря массе войск, освободившихся после крымской операции, и превосходству вооружения, ей удалось, летом 1921 г., разбить повстанческую армию и принудить главное ядро этой армии, во главе с Нестором Махно, переброситься на территорию, находящуюся под управлением румынских властей. После этого советские войска заняли весь повстанческий район и революционные массы были насильственно подчинены диктатуре большевизма.

* * *

Теперь махновщина в новой обстановке и перед ней развёртывается новый этап борьбы за социальную революцию.

Какова будет эта борьба?

Сама жизнь выработает характер и формы ее. Но несомненно одно — до последних дней движение останется верным угнетенному человечеству, до последних дней оно будет биться и умирать за великие идеалы труда — свободу и равенство.

Махновщина постоянна и бессмертна.

Там, где трудящиеся массы оберегают себя от порабощения, где растят любовь к независимости, накапливают свою классовую волю, они всегда будут создавать свои социальные исторические движения, действовать от себя. Это и есть сущность махновщины.

Январь-Июнь 1921 г.
Россия.

КОНЕЦ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПРОТЕСТ ПРОТИВ ГОТОВЯЩЕГОСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ.

Обращение анархистов и синдикалистов к трудящимся всех стран.

БРАТЬЯ ТРУДЯЩИЕСЯ!

Русская Коммунистическая партия, утвердившая свое господство в стране путем неслыханного террора, истребляющая в массовом масштабе по сей день анархистов и революционных синдикалистов, домогается всеми способами заполучить в свои руки Нестора Махно — героического вождя революционного рабоче-крестьянского повстанчества на Украине, — чтобы тем или иным путем убить его.

В 1921 г. Нестор Махно, окруженный многочисленными советскими войсками, вынужден был переброситься на румынскую сторону, где был интернирован и заключен в лагерь. В течение долгого времени советвласть требовала от румынского правительства его выдачи и, быть-может, добилась бы этого, если бы весной 1922 г. Махно не бежал из Румынии. Однако, на территории Польши он был задержан польскими властями, которые также заключили его в лагерь и намеревались судить за участие в русской революции. Газеты последнего времени сообщают, что из лагеря Махно переведен в варшавскую крепость. Это говорит за то что русское и польское правительства пришли между собою к какому-то соглашению относительно Махно: его могут или засудить и умертвить в Варшаве польские власти или же последние могут передать его русскому правительству *).

*) До последнего времени тов. Махно находится в Варшавской тюрьме в ожидании польского суда над ним за ряд вымышленных преступлений. Главное обвинение, пред'явля-

Таким образом, реальная и серьезная опасность повисела над жизнью этого выдающегося революционера, вышедшего из глубины трудового подневольного люда. Рабочие всех стран должны поспешить ему не помощь, должны сделать все возможное, чтобы не допустить подготовляемого русским и польским правительствами преступления.

* * *

Русская революция, с первых дней своего развития, явилась предметом горячих надежд и упований всего трудового угнетенного человечества. Могучий октябрский переворот, разбивший было самые устои капитализма в России, казался всем порабощенным началом мировой социальной революции трудящихся. Поэтому мы, духовно и организационно, всегда были с русской революцией, отбивая всякую атаку, направленную на нее местной буржуазией и буржуазными политическими партиями.

Однако, захватившая в революционной России власть коммунистическая партия, во имя своей диктатуры, повела истребительную войну против всех политических и социальных течений в революции, не подчинившихся ее программе, ее воле. При этом, преследуя правые политические течения, она с еще большим ожесточением и беспощадностью обрушилась на движения рабочих и крестьян, отстаивающие идею независимости и общественно-трудового самоправления рабочих классов: на анархистов, революционных синдикалистов и других. Факт чудовищный но он на-лицо: коммунистическая власть, называющая себя рабоче-крестьянской властью, беспощадно уничтожает лучших борцов пролетариата и одновременно

емое польскими властями т-щу Махно, состоит в том, что он, будто, подготовлял восстание в Восточной Галиции с целью присоединения её к большевистскому государству.

Обвинение это столь нелепо, что об'яснить его можно единственно одним — тайным сговором русского и польского правительств во что бы то ни стало засудить Махно и так или иначе замуровать этого бунтаря, одинаково опасного и буржуазному, и коммунистическому правительствам.—П. А.

— широкие беспартийные рабоче-крестьянские массы, подымающие голоса протеста против попрания их прав властью.

Такая реакция в революции не могла пройти, не вызвав активного сопротивления со стороны трудящихся. Народ, совершивший великую революцию, неминуемо должен был вступить в борьбу со всеми силами, покушавшимися на его революционные права и завоевания. На Украине эта борьба вылилась в форму революционного повстания крестьян и рабочих. Это великое историческое движение боролось не только с диктатурой большевиков, но также в одинаковой мере с диктатурой других партий — монархических и демократических.

Основной целью этого движения было — обратить всю землю, средства и орудия производства в общее достояние трудящихся и организовать общественно-хозяйственную жизнь на принципах рабоче-крестьянского самоуправления. Столкнувшись с организованным врагом в лице контр-революционных армий царских генералов и коммунистической диктатуры, движение, для борьбы с ними, создало свою революционную, построенную на принципе добровольчества, армию, которая в течение четырех лет вела героическую борьбу на многочисленных фронтах, стремясь отстоять от покушений революционную территорию и революционные права трудящихся.

Нестор Махно, сын беднейших безземельных крестьян, анархист по убеждениям, отбывавший за революцию 1905-7 гг. бессрочную каторгу, явился одним из первых и активнейших деятелей народного революционного повстанчества на Украине, став затем одним из главных руководителей этого движения.

Дадим сжатую сводку роли революционного повстанчества в русской революции.

Весной 1918 г., согласно Брест-Литовского договора большевиков с германским императорским правительством, Украину оккупировали австро-германские войска. Эти оккупационные войска помогли помещикам и генералам установить в стране монархический режим в лице гетмана Скоропадского. Рабочие и крестьяне Украины

были отданы во власть этого режима. Подняв против него восстание, они сами, вне руководства каких-либо политических партий, свергли этот режим, разбили оккупационные войска и дали свободный выход русской революции и ее дальнейшему развитию. Армия повстанцев-махновцев, руководимая Нестором Махно, являлась при этом центром народного восстания и нанесла смертельный удар оккупации и режиму гетмана Скоропадского.

Сейчас же после свержения скоропадчины, на Украину, со стороны Кавказа, двинулась новая контр-революция, возглавляемая генералом Деникиным. Армия повстанцев-махновцев задержала ее в районе Таганрога (побережье Азовского моря), поставив там фронт протяжением на сто слишком верст.

В течение семи месяцев, — с ноября 1918 г. по июнь 1919 г., — повстанческая армия сдерживала колоссальный напор этой контр-революции, пока преступная политика Троцкого не помогла Деникину опрокинуть повстанческую армию и ворваться в глубь страны: будучи не в силах подчинить революционный район власти партии, Троцкий 4-го июня 1919 г. об'явил все повстанческое движение и Нестора Махно вне закона, заявив при этом, что он предпочтет отдать всю Украину Деникину, нежели допустит развиваться в ней махновщине.

Под напором армий Деникина и Троцкого, Махно вынужден был отступить на запад, к границам Галиции. Но после, когда Деникин подошел к Орлу, угрожая занять Москву, Махно, сгруппировав революционные силы, нанес ему смертельный удар на Украине: он перебил его тыловые части, захватил главную артиллерийскую базу в районе Волноваха-Мариуполь и отрезал головную армию от снабжения и точек опоры. Всем этим была погублена контр-революционная кампания Деникина. Последний, отступая из Великороссии, попал в пылающий костер украинского повстанчества, в котором сгорело большинство его воинских частей.

В ликвидации Врангеля Махно сыграл такую же крупную роль.

В течение всего 1920 г. он находился меж двух огней, воюя и с Врангелем, и с большевиками. Летом 1920 г.

красная армия начала широким фронтом отступать, сдавая Украину целыми губерниями Врангелю. Последний занял города: Мелитополь, Александровск, Синельниково, Бердянск и другие, угрожая захватить весь донецкий бассейн. В сентябре 1920 г. советская власть, в целях разгрома Врангеля, вступила в военно-политическое соглашение с Махно, взяв на себя обязательство удовлетворить его минимальные требования: — а) освободить из тюрем России всех махновцев и анархистов, — б) предоставить им право свободно исповедывать и распространять свои идеи, — в) признать за рабочими и крестьянами махновского района право создания органов местного общественно - хозяйственного самоуправления. По заключении соглашения махновские части всеми своими силами пошли на Врангеля, очистили от него юг Украины и первыми ворвались вглубь Крыма, перейдя пролив Сиваш и зайдя в тыл Перекопу.

Борясь с врагами революции на военных фронтах, махновщина заботилась о том, чтобы внутри революционного района жизнь строилась на принципе независимости и самоуправления трудящихся. Это видно и из текста военно-политического соглашения, три пункта которого приведены выше, подписанного в октябре 1920 года в г. Харькове со стороны махновцев — Поповым и Куриленко, а со стороны советской власти — Бела-Куном, С. Гусевым, Я. Яковлевым и Фрунзе, теперешним заместителем Раковского. Коммунистическая власть, как и всякая власть, враждебная по своей природе началу свободы и независимости, выраженному в махновщине, не могла, конечно, долго держать союз с этим движением. Как только опасность со стороны Врангеля миновала, она изменнически напала на махновцев, стремясь убить это движение силою своих многочисленных армий.

Махновщина и большевизм — это два антипода.

Первая стремится к полному самоуправлению трудящихся; второй — к диктатуре над ними. Гнусной, подлой клеветой является утверждение советвласти о бандитском и погромном характере махновщины. Махновская армия является единственной в мире, непричастной ни к каким антиеврейским актам. Наоборот, — с рево-

люционной честью и решительностью она всегда их сурово преследовала.

Сейчас, когда великое революционное движение русских тружеников временно разбито армиями советвласти, последняя прилагает все усилия к тому, чтобы добиться головы Нестора Махно, являющегося выдающимся руководителем революционного повстанчества. Она не может быть спокойна, пока этот необыкновенный человек, вышедший из народа, жив и одним своим именем волнует и поддерживает революционное настроение в народе.

Братья трудящиеся! Помешаемте осуществиться презренному замыслу русского и польского правительств. Подымемте голос протеста против готовящегося убийства тов. Махно и против убийств других революционеров.

Пусть каждый рабочий союз, каждая фабрика вынесут свое требование немедленного освобождения Махно из заключения.

В каждой стране, где есть польские и советские посольства, революционные рабочие должны подвергнуть последние тому или иному революционному воздействию.

Да здравствует солидарность и сплоченность трудящихся!

Да здравствует социальная революция!

Вольный союз рабочих Германии (синдикалистов).

Федерация анархистов-коммунистов Германии.

Французская федерация анархистов.

Группа русских анархистов в Германии.

Федерация Российских Рабочих Организаций в Юж. Америке.

Ноябрь 1922 г.

Бессарабия

Херсонщина

Балта

Вознесенск

Одесса

Аккерман

Николаев

Херсон

Каховка

Днепр

Кривой-рог

Никополь

Александровск

Орехов

Пологи

Гуляй Поле

Кермечик

Константин

Покровское

Кириловка

Токмак

Черниговка

Молочная

Мелитополь

Ново-Спасовка

Бердянск

Ногайск

Мариуполь

Таганрог

Ейск

Таврия

Перекоп

Сиваш

Геническ

Черное море

Азовское море

Крым

МАСШТАБ

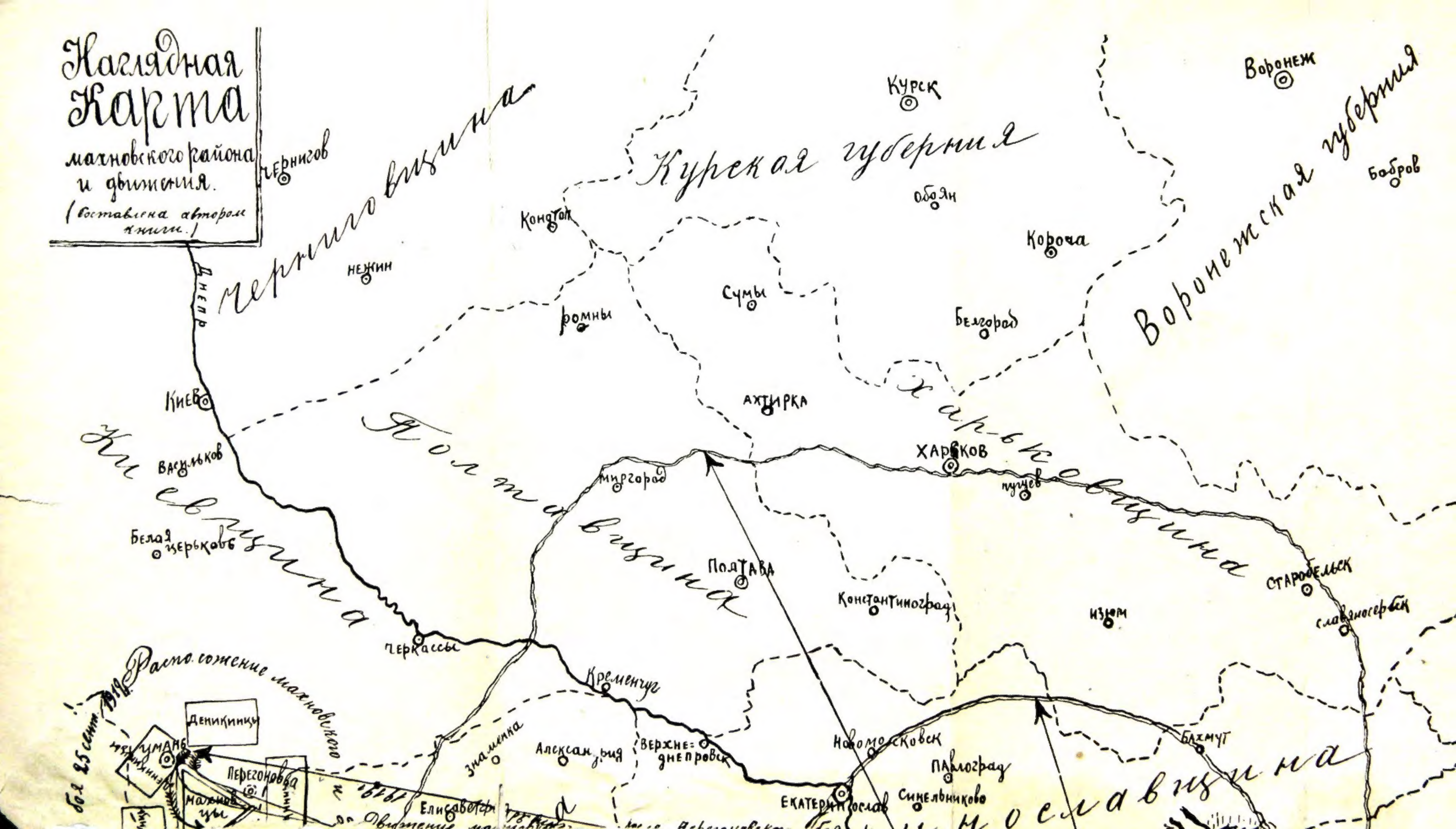
1 дюйм = 66 2/3 версты.

Линия главного махновского района...

Линия активного влияния махновского района...

Контр-революция Деникина

Кавказ

Наглядная
Карта
махновского района
и движения.
(Составлена автором
книги.)
Черниговщина
Курская губерния
Воронежская губерния
Харьковщина
Полтавщина
Киевщина
Днепр
Чернигов
Нежин
Конотоп
Ромны
Сумы
Курск
Обоян
Корочa
Белгород
Воронеж
Бобров
Ахтырка
Харьков
Чугуев
Киев
Васильков
Белая Церковь
Миргород
Полтава
Константиноград
Изюм
Старобельск
Славяносербск
Черкассы
Кременчуг
Знаменка
Александрия
Верхне-днепровск
Новомосковск
Павлоград
Синельниково
Екатеринослав
Бахмут
Елисаветград
Умань
Перегоновка
Деникинцы
Расположение махновского
боя 25 сент. 1919